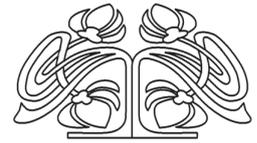

УЧРЕДИТЕЛЬ – САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2015 Том 15

ISSN 1814-733X
ISSN 1819-4907

Издается с 2001 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Ляпин Д. А.** Частные владения крупных вотчинников в городах Юга России в середине XVII века 5
- Давыдов М. И.** Погонная память 1596 года из архива Суздальского Покровского монастыря 7
- Полозова И. В.** Музыка при царском дворе в середине – второй половине XVII века как отражение тенденций переходного времени в истории России 11
- Кочукова О. В.** Графиня А. Д. Блудова и ее воспоминания 17
- Морозова Е. Н.** Н. А. Милютин в воспоминаниях и эпистолярном наследии его жены, М. А. Милютиной 25
- Кочуков С. А.** Евгения Тур – мемуарист Русско-турецкой войны 1877–1878 годов 32
- Чибров И. В.** Памирские походы (1891–1894 гг.) в воспоминаниях их участников 37
- Варфоломеев Ю. В.** «Спортсмен революции»: штрихи к историко-психологическому портрету Б. В. Савинкова 40

Всеобщая история и международные отношения

- Ахиев С. Н.** Монетная пропаганда в позднереспубликанском Риме 47
- Лапшов П. Н.** Збраславская хроника о начале серебряной добычи в Кутной Горе 51
- Многолетняя Е. Н.** Формирование нового типа книгоиздателя в чешском книгопечатании XVI века 54
- Конonenko Е. И.** Иностраный вклад в формирование национального стиля турецкой архитектуры 59
- Корнев Е. С.** Эволюция подходов НАТО к ситуации на Балканах в 1990–2000-е годы 64
- Орехова В. Д.** Концепция «государств-изгоев»: проект структурных изменений в системе международных отношений 70
- Алексеев Д. С.** Стратегические вызовы на пути реализации проекта евразийской интеграции: глобальный и региональный аспекты 75
- Черевичко Т. В.** Инновационный человеческий капитал в мировой экономике 80
- Голуб Ю. Г.** Согласование советско-британской позиции по Ирану: первые шаги, июль 1941 год 83

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Первоначальный Саратов (1590–1609): историография вопроса 90
- Моисейченко Л. А.** Кадровая политика в Нижневолжском регионе в первые послевоенные годы (1946–1950) 98
- Конониренко В. А.** Процесс переселения в постдепортационные районы Крыма и Северного Кавказа в 1944–1953 годы: основные тенденции и итоги 101
- Гуменюк А. А.** Развитие здравоохранения в СССР во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х годов (по материалам Нижнего Поволжья) 108

Критика и библиография

Представляем книгу

- Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Братья Семен и Никита Гагарины: Страницы биографии (1610–1640) 117

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018, раздел 15 «История. Филология». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Юдина Инна Геннадиевна

Адрес учредителя и редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: isvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 30.11.15.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,25).
Тираж 500 экз. Заказ -Г.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский государственный университет, 2015

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Lyapin D. A.** Private Possessions of Large-Scale Patrimonial Estate Holders in the Cities of the South of Russia in the Middle of the XVII Century 5
- Davydov M. I.** The Capias Warrant of 1596 from the Archive of the Theotokos Convent in Suzdal 7
- Polozova I. V.** Court Music in the Middle and the Second Half of the XVII Century as the Reflection of the Trends of a Transitional Period in Russian History 11
- Kochukova O. V.** Countess A. D. Bludova and Her Memoirs 17
- Morozova E. N.** N. A. Milyutin in Memoirs and Epistolary Heritage of His Wife M. A. Milyutina 25
- Kochukov S. A.** Eugene Tour – a Memoirist of the Russo-Turkish War of 1877–1878 32
- Chibrov I. V.** The Pamir Campaigns (1891–1894) in the Memoires of their Participants 37
- Varfolomeev Yu. V.** «The Athlete of the Revolution»: Strokes to the Historical and Psychological Portrait of B. V. Savinkov 40

World History and International Relations

- Akhiev S. N.** The «Coin Propaganda» in the Late Roman Republic 47
- Lapshov P. N.** Zbraslavskaya Chronicle on the Beginning of Silver Mining in Kutna Hora 51
- Mnogoletnyaya E. N.** The Formation of a New Type Book Publisher in Bohemian Book Printing of the XVI Century 54
- Kononenko E. I.** Foreign Contribution to the Formation of the National Style of Turkish Architecture 59
- Korenev E. S.** The Evolution of NATO's Approaches to the Situation in the Balkans in the 1990s–2000s 64
- Orekhova V. D.** The «Rogue State» Concept as the Project of a Structural Change in the International Relations System 70
- Alexeev D. S.** Strategic Challenges for the Eurasian Integration Project: Global and Regional Aspects 75
- Cherevichko T. V.** Innovative Human Capital in the Global Economy 80
- Golub Yu. G.** Reconciliation of the Soviet-Britain Policy Towards Iran: First Steps, July of 1941 83

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Pristine Saratov (1590–1609): the Historiography of the Question 90
- Moiseichenko L. A.** The Personnel Policy in the Lower Volga Region During the Early Postwar Period (1946–1950) 98
- Kononirenko V. A.** The Process of Migration to the Post Depositional Territories of the Crimea and Northern Caucasus in 1944–1953: the Main Trends and Outcomes 101
- Gumenyuk A. A.** Public Health Service Development in the USSR in the Second Half of the 1950s – the First Half of the 1960s (Based on the Data of the Lower Volga Region) 108

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Book Review: Rabinovich Ya. N. The Brothers Semyon and Nikita Gagarin: Pages of Biography (1610–1640) 117

Information about the Authors

120

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

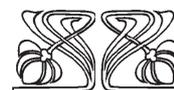
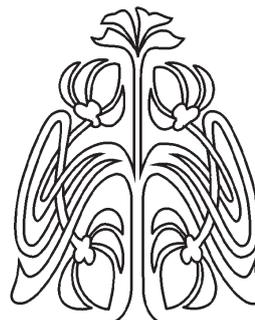
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

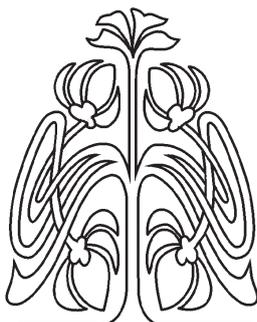
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

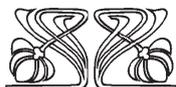
Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

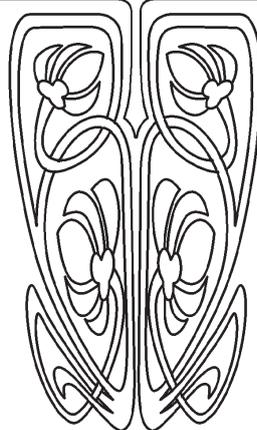
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (470) 16/18

ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ КРУПНЫХ ВОТЧИННИКОВ В ГОРОДАХ ЮГА РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Д. А. Ляпин

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
E-mail: denis-l@mail.ru

В работе представлен анализ частных владений крупных вотчинников в городах Юга России в середине XVII в. Автор привлекает разнообразный архивный делопроизводственный материал. Большое внимание уделяется владениям бояр Романовых, которые были крупнейшими вотчинниками в регионе. В статье показаны роль и место частных владений в социальной и экономической жизни городов Юга России.

Ключевые слова: Романовы, Юг России, вотчина, реформы Б. И. Морозова.

Private Possessions of Large-Scale Patrimonial Estate Holders in the Cities of the South of Russia in the Middle of the XVII Century

D. A. Lyapin

In this work, the analysis of private possessions of large-scale patrimonial estate holders in the cities of the South of Russia in the mid-seventeenth century is presented. The author involves a variety of archival and record keeping material. Much attention is paid to the possessions of the Romanov boyars, which were the largest in the region. The article shows the role and the place of private property in the social and economic life of the cities of the South of Russia.

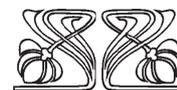
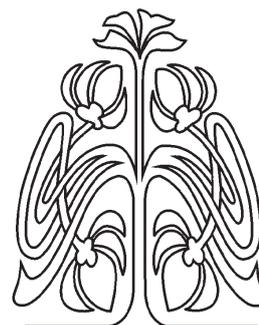
Key words: Romanovs, South of Russia, ancestral lands, reforms of B. I. Morozov.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-5-7

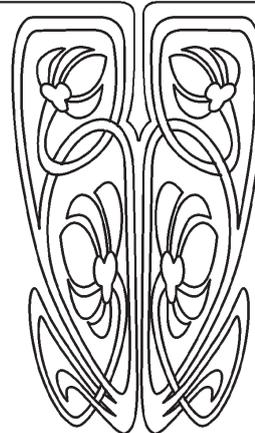
Одной из главных экономических проблем России XVII в. являлось наличие в городах частных слобод, земель, дворов, хозяйственных построек, которые составляли конкуренцию государственному. Частым явлением было бегство населения в частные владения, а также случаи насилия со стороны приказчиков в отношении местного населения. Кроме того, большинство частновладельческих слобод были «белыми», т. е. освобожденными от налогов и не подпадавшими под юрисдикцию местной власти.

Особенно остро эта проблема стояла для городов Юга России, где основу населения составляли служилые люди, в задачу которых входила защита пограничья от нападений крымских и ногайских татар. Любое уменьшение гарнизона или проблемы в хозяйственном плане отрицательно сказывались на боеспособности местного служилого сообщества. Правительство, понимая опасность ситуации, в 1637 г. начало проводить комплекс мер по закрытию южных уездов для частных владельцев. В этом году был издан список «заказных» (закрытых) городов, где запрещено было приобретать недвижимое имущество, в него вошли: Болхов, Воронеж, Елец, Карачев, Курск, Лебедянь, Ливны, Мценск, Новосиль, Орел, Рыльск и Оскол. Города, которые располагались южнее названных, также находились под запретом¹.

Однако политика закрытия южных уездов от проникновения крупного московского землевладения не являлась четкой и последовательной². Практиковались частые нарушения указа 1637 г., которые являлись следствием несовершенства законодательной системы страны, хотя борьба с проникновением крупного землевладения в заказные города продолжалась на протяжении всего XVII в.³

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Перепись 1646 г., организованная по инициативе нового правительства Б. И. Морозова, показала, что указ 1637 г. не решил проблему, связанную с частными владениями на Юге России. Прежде всего крупнейшими частными владельцами здесь были бояре Романовы: Иван Никитич и его сын Никита Иванович. Остальные частные владения не занимали заметного места в экономической и социальной картине региона.

Вероятно, это было связано с тем, что Юг России подвергался систематическим набегам со стороны крымских и ногайских татар. Чтобы защищать свои владения, вотчинникам приходилось прикладывать массу усилий либо полагаться на гарнизоны местных крепостей. Только такие крупные вотчинники и богатейшие люди страны, как Романовы, могли позволить себе держать собственные войска для защиты от татарских набегов.

Реальную конкуренцию владениям бояр Романовых составляли только местные монастыри, которые были вынуждены поддерживать свое существование большой хозяйственной активностью, иногда позволявшей им получать хороший доход. Примером этому могут быть владения Троицкого монастыря в Лебедяни или другого Троицкого монастыря, расположенного в соседнем Ельце.

Приведем несколько примеров частных владений крупных вотчинников на Юге России по данным переписных книг 1646 г.

В Черномском уезде располагались земли княгини Фетинии Сицкой, супруги боярина князя Андрея Юрьевича Сицкого, а в самом городе находились пять осадных дворов на случай татарского вторжения, в которых проживали 10 мужчин. Всего же в Черни находились около 100 дворов, т. е. частновладельческие земли составляли 10% от общего количества. Схожая ситуация была в Одоеве, где в городе находились дворы боярина Федора Степановича Стрешнева. В его владениях находилось примерно 9 дворов, в которых проживали 18 мужчин. Количество дворов в городе также не превышало 100. Крупным городом в этом районе была Новосиль. Здесь находилось 966 дворов, в которых проживали 2158 человек, среди прочего была даже Черная слобода, где проживали ремесленники (75 человек в 32 дворах). Здесь дворами также владел местный собор, на его земле проживали 9 человек⁴.

В Ельце находились 27 дворов местного Троицкого монастыря, в которых проживали 32 человека. Кроме того, целая слобода здесь принадлежала Н. И. Романову: 9 дворов (в которых проживали 17 человек м.п.). Всего же в Ельце было 102 тяглых двора, а дворы служилых людей составляли около 600 единиц⁵.

Самое большое число вотчинных частных владений находилось в Лебедяни, где имели дворы князь Алексей Никитич Трубецкой, Богдан Ильич Плещеев, Степан Михайлович Вельяминов и Никита Иванович Романов⁶. Кроме того, часть дворов

в городе принадлежала Лебедянскому Троицкому монастырю, который был самым крупным дворовладельцем в городе: 46 дворов (в них проживали более 80 человек м.п.). Во владении Н. И. Романова находилось 30 дворов, в которых проживали 63 человека. На остальных крупных частных владельцев приходилось всего четыре двора. Всего в Лебедяни находилось около 600 дворов.

А вот в соседнем городе Козлове был всего один двор – Никиты Ивановича Романова и еще один принадлежал столичному Чудову монастырю⁷. Вотчинных владений не было в Данкове, Белгороде и некоторых крепостях южнее Воронежа, находящихся на самой линии обороны.

Как мы уже говорили, среди представленных владельцев наибольшую значимость имели Романовы: Иван Никитич и его сын Никита Иванович. Они владели слободами в Ельце, Данкове, Лебедяни, наконец, им принадлежал целый город – Романов. Следует отметить, что в отличие от других крупных землевладельцев, Романовы были вынуждены оказывать финансовую помощь местному населению, но обычно это делалось только в том случае, если это было важным для безопасности их владений.

Таким образом, частные владения в городах Юга составляли примерно, по данным переписных книг 1646 г., не более 10% от числа тяглых дворов и дворов служилого населения. Большой роли в хозяйственной жизни региона частные владения в городах не играли. Исключение составляли только владения бояр Романовых. Поэтому меры правительства Б. И. Морозова, направленные на борьбу с частными владениями в городах, наносили прежде всего экономический урон владениям Н. И. Романова. Уместно вспомнить, что Б. И. Морозов и Н. И. Романов являлись в это время непримиримыми политическими противниками. Когда правительство Б. И. Морозова начало борьбу с частновладельческими слободами, из 1030 дворов у Романова остались только 320⁸. Многие крестьяне и посадские люди боярина были записаны в служилые люди новых городов – Усмани, Сокольска, Доброг.

Между тем бояре Романовы еще с конца XVI в. владели землями на Верхнем Дону. Со временем они стали играть большую роль в хозяйственном развитии края. Приведем несколько конкретных примеров.

Романовы спонсировали Лебедянь, гарнизон которой вынужденно в силу географического положения защищал их земли. Ливны, Елец, Лебедянь, Данков при финансовой поддержке боярина осенью 1646 г. отослали на Дон для казаков 84 струга с припасами и провиантом. Следующая масштабная посылка была отправлена весной 1647 г.⁹ В сентябре 1648 г. в Лебедянь были посланы по распоряжению боярина Н. И. Романова 40 рублей на струговое дело. Эти деньги воевода П. С. Коптев раздал лебедянкам, участвовавшим в изготовлении стругов¹⁰.

Стоит отметить, что Никита Иванович Романов являлся одним из самых крупных землевладельцев в России; на территории его владений находилось 7012 дворов крестьян и бобылей. Он имел земли в различных районах страны, поэтому мог себе позволить широкий спектр деятельности. В своих донских вотчинах Никита Романов сделал ставку на добычу руды. Его вотчины имели также огромный штат слуг и чиновников.

Политика Б. И. Морозова, направленная на борьбу с частными владениями, заставляла приказчиков боярина Н. И. Романова работать эффективней и привлекать людей на свои земли всеми способами. Иногда романовский приказчик высматривал слободы и поселения за пределами городов, сел или деревень и силой свозил их жителей в вотчины своего патрона. Так случилось в Ельце, где в районе реки Лучок выросла целая слобода переселенцев из местной Черной слободы, которые поселились здесь на запустевшей стрелецкой земле. Жители объединились в небольшую общину¹¹. 26 марта 1649 г. из вотчин боярина Романова сюда пришли крестьяне во главе с приказчиком (всего 30 человек) и увели силой шестерых ельчан, живших в этой слободе, с семьями и имуществом. Остальные жители слободы разбежались. Елецкий воевода послал в погоню стрельцов вместе со стрелецким головой Иваном Бужениновым, которые, настигнув людей боярина, «отбили» пленников и вернули их обратно.

Город Романов представлял собой настоящую крепость. В переписной книге 1646 г. по Лебедянскому уезду сохранилось его описание. Среди прочего указано, что отдельной слободой живут служилые казаки, а «устроены для береженья вотчин его (Никиты Ивановича. – Д. Л.) от татарских приходов». Для населения города был выстроен храм в честь Троицы. Здесь проживали 130 казаков в 60 дворах, в 23 дворах жили ремесленники, из них – один кузнец и один бочар (специалист по изготовлению бочек). Всего в романовской вотчине проживали 1093 неслужилых человека в 954 дворах, 198 казаков в 86 дворах и 98 бобылей в 74 дворах¹². В крепости находилось 9 железных пищалей, 230 ядер и 41 пуд пороха¹³.

УДК 94(47+57)(093.2)

ПОГОННАЯ ПАМЯТЬ 1596 ГОДА ИЗ АРХИВА СУЗДАЛЬСКОГО ПОКРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

М. И. Давыдов

Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Владимир
E-mail: email.mi-davydov@yandex.ru

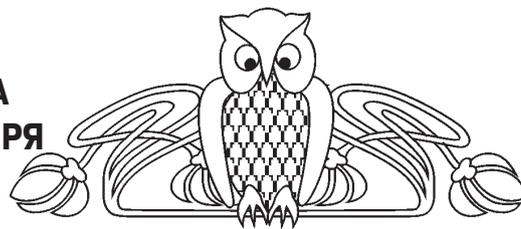
В данной работе в научный оборот вводится текст вновь выявленного источника, принадлежащего к крайне редко встречающейся

Таким образом, в первой половине XVII в. частные владения в городах Юга России, хотя и прочно вошли в реалии местной жизни, не стали важной экономической и социальной частью структуры местного мира. Исключения составляли только владения бояр Романовых, но реформы правительства Б. И. Морозова в 1646–1648 гг. нанесли серьезный удар по их владениям.

Следует отметить, что сам Б. И. Морозов и его окружение почти не имели никаких владений в городах. Поэтому новая политика властей, связанная с экономическим и административным давлением на все освобожденные ранее от налогов слободы (а большинство их являлось частновладельческими), ущемляла интересы родовитого боярства, обогащавшегося за счет этих слобод, приобретенных еще в 1620–1630-е годы¹⁴.

Примечания

- ¹ См.: Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. 1938. № 4. С. 22.
- ² Там же. С. 22–23.
- ³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание законов : в 45 т. СПб., 1830. Т. 3, № 1328. С. 1 ; Т. 1, № 516. С. 885 ; Т. 2, № 632. С. 14.
- ⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8982. Л. 1–232.
- ⁵ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 136. Л. 59 об.
- ⁶ Там же. Д. 13902. Оп. 1. Ч. 2. Л. 1–321 об.
- ⁷ Там же. Д. 230. Оп. 1. Ч. 2. Л. 352–377.
- ⁸ См.: Важинский В. М. Корни Липецка (к 300-летию города). Липецк, 2003. С. 56–57.
- ⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 162. Л. 549–550.
- ¹⁰ Там же. Д. 275. Л. 188.
- ¹¹ Там же. Л. 70–73.
- ¹² Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 13902. Л. 116 об–123, 172.
- ¹³ Там же. Ф. 210. Оп. 1. Д. 259. Л. 32.
- ¹⁴ См.: Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. : в 2 т. М. ; Л., 1947. Т. 2. С. 225–226.

в археографической практике разновидности актов XVI в. – погонным памятям и освещающего правительственные мероприятия по сыску разбойничьей шайки Ивана Обоютина. Публикация предваряется анализом содержания документа.

Ключевые слова: Русское государство в конце XVI в., розыск преступников, Разбойный приказ.

The Capias Warrant of 1596 from the Archive of the Theotokos Convent in Suzdal

M. I. Davydov

This paper acquaints the historians with a newly found primary source, which refers to an extremely rare (for the XVI century Russia) kind of legal record – a capias warrant; in this case the one that describes course of inquest on Ivan Obouitin's gang. The publication is preceded by an analysis of the document's content.

Key words: Russian State in the late XVI century, criminal tracking, Robbery Prikaz.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-7-11

В общей номенклатуре дошедших до нас актов XVI – начала XVII столетия одними из наиболее редко встречающихся разновидностей данной категории источников являются погонные грамоты и памяти, то есть административные распоряжения о розыске преступников. Хотя собственно упоминания об их выдаче в материалах средневекового судопроизводства нельзя назвать уникальными, насколько нам удалось установить, к настоящему времени опубликованы всего лишь два подобных документа, хронологически относящихся к обозначенной выше эпохе; они датированы 1586 и 1589 гг. соответственно¹. Полагая, объяснение наблюдаемой ситуации следует искать в том, что рассматриваемые разновидности актов (равно как и некоторые другие – например, зазывные и приставные грамоты и памяти) имели крайне ограниченный срок действия, утрачивая самостоятельное юридическое значение буквально сразу же после начала слушаний по существу дела; потому-то случаи их последующего обнаружения специалистами в собраниях частных лиц, духовных корпораций и государственных учреждений столь немногочисленны.

Посему несомненный интерес представляют новые находки ранних погонных грамот и памяти. Один документ такого рода был выявлен нами в ходе археографического описания ранее неучтенной части фонда Суздальского Покровского девичьего монастыря Государственного архива Владимирской области (далее – ГАВО)²; текст этого источника издается в приложении к настоящей работе.

Не останавливаясь подробно на внешней критике памятника – благо его палеографические особенности оговорены нами в легенде к публикуемому документу, отметим лишь несоответствие между самоназванием источника («наказная память») и его содержанием. Как нам кажется, тому есть свое объяснение. Погонные грамоты и памяти, по сути, представляли собой циркуляры, адресованные неопределенно широкому кругу лиц, тогда как рассматриваемый акт был направлен лишь в вотчины Покровского монастыря, пусть даже и без обозначения имен конкретных получателей. Территориальное су-

жение сферы действия придавало ему некоторую схожесть с наказной памятью, хотя тот, конечно, не являлся ею.

Вкратце осветим обстоятельства создания и фабулу документа. Его появлению предшествовала присылка в Суздаль грамоты, оформленной от имени царя Федора Ивановича и скрепленной дьяком Тимофеем Петровым, которая, в свою очередь, извещала местные власти о случившемся неподалеку от Троице-Сергиева монастыря в ночь с 10 на 11 января 1596 г. нападении разбойничьей шайки Ивана Обоютина на обоз галичских торговых людей. Последним, однако, удалось отбиться и даже задержать четырех злоумышленников; тем не менее, семеро их «товарищей», включая главаря, сумели скрыться и были объявлены в розыск. Собственно, как раз-таки после этого, действуя на основании полученных из Москвы инструкций, суздальские губные старосты Захарий Сабуров и Григорий Городчиков и составили интересующую нас погонную память. Она была направлена в Покровский монастырь для дальнейшей переадресации в вотчины обители и публичного объявления на крестьянских сходах и «по торжком» о награде для тех, кто будет содействовать скорейшей поимке беглецов, и опале за их намеренное укрывательство. Также к памяти прилагался список с присланной из столицы росписи примет разбойников.

При обращении непосредственно к тексту источника нельзя обойти вниманием факт принадлежности трех из семи членов шайки Ивана Обоютина к категории служилых людей (два городских сына боярских и один казак), что, в свою очередь, позволяет говорить о наличии у них определенной профессиональной боевой подготовки и, как следствие, об организованном характере данного преступного сообщества в целом. На последнее также указывает зафиксированная в документе географическая привязка имен тех же разбойников к регионам, расположенным к югу от Москвы – Кашире, Крапивне и Малоярославцу, – в то время как осуществленное ими нападение на галичских торговых людей произошло где-то чуть севернее границы Радонежского и Переславского уездов. Даже по современным автодорогам расстояние между местом совершения разбоя и Малоярославцем или Каширой, ближайшими к столице населенными пунктами из числа упомянутых в тексте памяти, составляет более 200 км. Иными словами, действуя на столь значительном удалении от своей «штаб-квартиры», преступники несомненно обнаруживали навыки ориентирования и выживания в незнакомой среде. Добавим для сравнения, в актах того же Покровского монастыря за период последней трети XVI – начала XVII столетия отложилось большое количество челобитных, освещающих подобные происшествия³, однако последние, в отличие от разбираемого случая, уместнее все же трактовать скорее как бытовые конфликты (пусть порой и носившие ожесточенный характер) зем-

левладельцев-соседей, подвластных им людей и крестьян между собой, не более.

Как нам кажется, не является случайным и выбор разбойниками в качестве объекта противоправной деятельности участка Переславской дороги именно «по ту сторону Троицы-Сергеева монастыря». В рассматриваемое время этому тракту, соединявшему Москву с северными районами государства, в том числе Холмогорами и Архангельским портом, принадлежало значение одной из важнейших торговых артерий как внутри страны, так и, прежде всего, во взаимоотношениях России с западноевропейскими державами; указанное обстоятельство, разумеется, было известно членам шайки, которые наверняка заранее рассчитывали на богатую добычу в случае успешного проведения задуманной ими операции. Впрочем, относительно безнаказанно Иван Обюютин и его подручники могли действовать лишь на некотором удалении от столицы. Дело в том, что отрезок пути между Москвой и обителью св. Сергия считался своего рода «правительственной трассой» (представители царского семейства и виднейшие аристократы ежегодно, а бывало и чаще, отправлялись к Троице на богомолье) и несомненно надежно охранялся, тогда как земли, лежавшие за монастырем, уже не подлежали столь пристальному присмотру и потому были более уязвимы с точки зрения обеспечения должного уровня безопасности.

Наконец, особого внимания заслуживает приложенная к памяти роспись примет злоумышленников, «хто каков рожем и волосом, и что на ком примет и платья», невольно отсылающая читателя к хрестоматийной сцене опознания Григория Отрепьева в пушкинском «Борисе Годунове»⁴. Попутно отметим и зафиксированную в источнике «многоликость» главаря шайки: «розбойничья голова Иванко Обоютин, а Киндеев сын он же, а Бедаревым и Коширою назывался он же». Эта фраза документа, также вызывающая в памяти определенные ассоциации – на сей раз со ставшей знаменитой репликой капитана Глеба Жеглова из многосерийного телефильма о работе сотрудников МУРа в первые послевоенные годы⁵, несомненно, указывает на развитость навыков социальной адаптации у предводителя преступной группировки.

Сделанные нами выше наблюдения, относящиеся к конкретному эпизоду, полагаем, представляют определенной интерес и в контексте изучения более обширной проблемы, а именно – причин, путей развития и ближайших последствий процессов нарастания в конце XVI столетия кризисных явлений и противоречий внутри служилого сословия и постепенной криминализации его низов⁶, что наиболее полно проявилось чуть позже, уже в эпоху Смуты.

Теперь перейдем к вопросу о персоналиях, зафиксированных в тексте памяти. В самом ее начале специально указано (и это мы уже от-

мечали выше), что созданию документа предшествовало получение суздальскими губными старостами грамоты, подписанной от имени царя Федора Ивановича дьяком Тимофеем Петровым. О деятельности последнего в рассматриваемое время нам известно следующее: в 1596/97 г. он составлял десятни денежной раздачи по Кашире, Коломне, Мещере и Рязьку (и, стало быть, трудился в Разрядном приказе), на исходе 1597 г. и в мае 1598 г. числился вторым дьяком в Разбойном приказе, а в апреле все того же 1598 г. приводил к присяге царю Борису Федоровичу жителей Смоленска⁷. Факт принадлежности дел о розыске преступников к компетенции Разбойного приказа общеизвестен; таким образом, можно уверенно заключить, что Тимофей Петров именно там нес свою службу еще в начале 1596 г. В этой связи, несомненно, обращает на себя внимание присутствующая интересующему нас дьяку «тяга к перемене мест», проявлявшая себя, кстати, и на более ранних этапах его карьеры⁸; добавим, такого рода должностная чехарда была крайне нехарактерна реалиям тогдашней эпохи.

Большинство прочих упоминаемых документов лиц в других источниках, к сожалению, не фигурирует; нам удалось найти дополнительную информацию лишь о его составителях – Захарии Сабурове и Григории Городчикове. Оба они не единожды избирались суздальскими губными старостами. Согласно имеющимся в нашем распоряжении материалам первый занимал этот пост также в 1585/86, 1598, 1601, 1602 и 1602/03 гг.⁹, второй – где-то до 1594 г.¹⁰ В одном из актов 1585 г. говорится о наличии у Григория Городчикова поместья на территории Суздальского уезда¹¹. В отношении Захария Сабурова спорным является вопрос о допустимости его отождествления с Захарием Тимофеевым сыном Сабурова, известным еще по четырём грамотам – 1586/87, 1596/97 и ок. 1602 гг.¹², а последнего, в свою очередь, – с Захарием Тимофеевым сыном Долгово-Сабурова, верставшим в 1596 г. новиков по Суздалью¹³. Так, в росписи Долгово-Сабуровых действительно зафиксирован Захарий Тимофеев сын с пометой «был пострижен, бездетен»¹⁴, а несколько позже, под 1608 г., келарем Спасо-Евфимиева монастыря показан Закхей Сабуров¹⁵. В то же время согласно родословным книгам отца Тимофея Долгово-Сабурова звали Федором, тогда как действовавший в Суздале помещик Тимофей Сабуров сразу в двух документах, датированных 1600 г., назван «Ивановичем»¹⁶. Следовательно, проблема идентификации личности интересующего нас Захария Сабурова пока остается неразрешенной.

Напоследок несколько слов следует сказать о методике издания погонной памяти. Она основана на соблюдении следующих правил: устаревшие буквы заменяются современными (в том числе «и» и «й» расставляются в соответствии с принятыми сейчас правилами орфографии); «ь» в конце слов и паерки опускаются; аббревиатуры

раскрываются, а скрытые под титлами буквы вносятся в строку и графически не выделяются (единственное исключение – выделение в примечаниях выносных букв подчеркиванием, а букв, скрытых под титлами, круглыми скобками); в примечаниях оговариваются все значимые особенности содержания исходного текста, а также конъектуры пропусков и иные правки, внесенные в него публикатором.

Примечания

- ¹ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1897. Ч. 2. С. 215; Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 363. Обратим внимание, в текстах обоих источников имеются некоторые отступления от абстрактного формуляра погонных грамот (эта вариативность, в свою очередь, позволяет предположить, что в конце XVI столетия процесс складывания особенностей структуры рассматриваемой разновидности актов еще не был завершён до конца): так, в первом документе указан конкретный адресат – дорогобужский воевода Дмитрий Семенович Алябьев, а во втором – отсутствует перечень примет «сведомого татя» Клиша.
- ² ГАВО. Ф. 575. Оп. 2. № 21.
- ³ См.: *Маштафаров А. В.* Явочные челобитные 1568–1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // *Русский дипломатический архив*. М., 2003. Вып. 9. С. 275 (№ 1), 283–285 (№ 8, 9) и т. д.
- ⁴ См.: *Пушкин А. С.* Борис Годунов. Сцена «Корчма на литовской границе».
- ⁵ «Ларичева Майя... она же Анна Федоренко, она же Элла Кацнельбоген, она же Людмила Огуренкова, она же... Изольда Меньшова, она же Валентина Панеяд» (Место встречи изменить нельзя. Многосерийный телевизионный фильм / реж. С. С. Говорухин. Одесская киностудия, 1979. 4-я серия). Добавим, в романе братьев Вайнеров «Эра милосердия», выступившем в качестве сюжетной основы для постановки, данный эпизод передан иначе и не столь выразительно.
- ⁶ Об этом в источниках рассматриваемого времени см., например: *Антипов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967. С. 327–334, 338–341 и далее.
- ⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 516 (Л. 774); Разрядная книга 1475–1605 [гг.]. М., 1994. Т. IV, ч. 1. С. 3 (Л. 1035), 27 (Л. 1053); «Писанные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI века / вводная статья, перевод и примечания С. Н. Богатырева // *Исторический архив*. 1995. № 3. С. 197; Смоленская крестоприводная книга 1598 г. / подготовили к печати С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский // *Источники по истории русского языка*. М., 1976. С. 132–134; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 447. Продолжение примеч. 4 к С. 446; Там же. Прил. IV. С. 56–59 (по отдельной пагинации).
- ⁸ В августе 1584 г. Тимофей Петров показан митрополитским дьяком (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологическую экспедицию

- Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. I. № 278), а за 6 лет до того правительство командировало его ко двору короля Дании [Русские акты Копенгагенского государственного архива / сост. Ю. Н. Щербачев (Русская историческая библиотека. Т. XVI). СПб., 1897. № 40]. Впрочем, последняя служба совсем не обязательно должна подразумевать фактическую принадлежность дьяка к ведомству Посольского приказа; не исключено, что это было разовое (церемониальное) назначение.
- ⁹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. М., 1997. Т. I. № 259; М., 1998. Т. II. № 222, 363; *Маштафаров А. В.* Указ. соч. С. 323 (№ 62. Л. 66), 327 (№ 68. Л. 105); *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря XV – начала XVII века // *Русский дипломатический архив*. Вып. 10. М., 2004. С. 322. № 364.
  - ¹⁰ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998 (далее – АСЕМ). № 249. Л. 1, 2, 6.
  - ¹¹ Там же. № 221. Л. 9.
  - ¹² Там же. № 225. Л. 383, 383 об.; № 259. Л. 2 об.; *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Указ. соч. С. 313. № 289; ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 37. Л. 3.
  - ¹³ Десятни новиков, поверстанных в 1596 году / сообщ. Н. [П.] Лихачев // *Известия русского генеалогического общества*. СПб., 1909. Вып. 3. С. 118.
  - ¹⁴ Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. М., 2011. С. 155.
  - ¹⁵ АСЕМ. № 268.
  - ¹⁶ Ср.: Памятники истории русского служилого сословия... С. 155; *Маштафаров А. В.* Указ. соч. С. 325, 326 (№ 66), 326, 327 (№ 67. Л. 121, 122).

Приложение

1596 г. февраля 6. – Погонная («наказная») память, по грамоте ц. Федора Ивановича (Разбойного приказа), суздальских губных старост Захария Сабурова и Григория Городчикова в вотчины Суздальского Покровского м-ря о поимке разбойничьей шайки Ивана Обоютинина.

(Л. 1) ¹Лета 7104-го по государеве царе и великого князя Федора Ивановича всеа Русии грамоте за приписью государева дьяка Тимофея Петрова от суздальских губных старост от Захарьи Сабурова да от Григорья Городчикова Суздальского Покровского девичья монастыря вотчины в села и в деревни, и в слоботки, и по торжком старостам и целовалником, сотцьким, и пятидесятцьким, и десятцьким, и всяким многим людям. Нынешняго 104-го году генваря в 11 день с субботы на недел² в ночи розбойники розбили по Переславской дороге по ту сторону Троицы-Сергеева монастыря верст с пять галичан торговых людей Пахомка Серышова с товарищы, и тех розбойников поимано четыре человека, а досталные товарищы их – голова Иванко Обоютин с товарищы, семь человек, – с того розбою ушьли безвесно. А хто каков рожем и волосом, и что на ком примет и платья, и тому к вам послана розпись, подклеена под сею наказною памятью.

И где те розбойни[ки]³ появятца, и вы бы тех розбойников переимали и привели к нам в Суздаль. А хто

тех розбойников поимает и в Суздаль приведет, и тех людей государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси пожалует. А где те розбойники объявятца, а их не переимают⁴ и в Суздаль не приведут, и тем людем от государя быти кажненым. А с сее бы есте розписи, списывая списки слово в слово, да меж себя розсылали часа⁵ того¹. ||

(Л. 2) ⁶Список с росписи слово в слово.

Розбойничья голова Иванко Обоютин, а Киндеев⁷ сын он же, а Бедаревым и Коширою назывался он же: ростом средней человек, лицом и волосом беловат, угреват, плоск, бухон, ус маленек. А платия на нем: полукафтаны² дорожилной червчатой на бумаге да кафтан синь суконной, нашивка червчатая, одно-рютка зелена⁸, завяски шелк зелен з белым шелком; да шапка багрова петли серебряны с пухом, под нею лисьи лапки.

Коширинин сын боярской Бориско Тимофеев сын Козюков: ростом высок, тонковат, волосом рус, уса и бороды нет. А платия на нем: кафтан бораней под сукном белым сермяжным, пугвици у него вкальваны; у него шапка лазорева черкаская с лисицею.

Кропивенской казак Ондриушка Щекуров: ростом невелик, волосом беловат, уса и бороды нет. А платия на нем: кафтан бел сермяжной, завяски на нем ременные, да кафтан бараней нагольной; шапка черкаская с пухом.

Михайлов человек Никитича Юрьева Петрушка Стрепков: ростом низмен, кренаст, волосом черн, рожеем смугол, ус немал, бороду сечет. А платия на нем: кафтан теплой мерлушчатой под сукном синим настрафилным, нашивка на нем болшая, шелк червчат.

Гришка Счербинка Ивашков человек Обоютин: ростом невелик, волосом рус, молод, уса и бороды нет. А платия на нем: кафтан синь настрафил, нашивка⁹

на нем частая, шелк рудожелт¹⁰, полукафтаныце¹¹ белое¹² нагольное.

Сын боярской ярославец Левка Офонасьев: ростом высок, тонок, волосом¹³ бел, уса и бороды нет. А живет у Иванка у² Обоютина и¹⁴ у Килдеева¹⁵⁻². А платия на нем: кафтан лазорев зенденной лисей, нашивка болшая, шелк червчат; шапка вишнева с пухом.

Савка Холмитин гулящей человек: ростом высок, чермен, борода¹⁶ велика. Платия на нем: кафтан лазорев настрафил, нашивка шелк червчат¹⁷, кафтан бораней нагольной да сермяга бела, || (Л. 3) пугвици на ней хамьянные.

К сему списку Захарей Сабуров руку свою приложил, а Григорей Городщиков печать свою приложил лета 7104-го год[у]³ февраля в 6 день⁶.

На Л. 2 об., 3 (сразу после даты) скрепа: ¹⁸Захаря² || Сабуров¹⁸.

На Л. 1 об. помета о получении: ¹⁹Месяца февраля² в 14 день принес сю розпись гумной² целовалник Смирной Шумков¹⁹.

ГАВО. Ф. 575. Оп. 2. № 21. Подлинник на 3-х листах расклеенного столбца: 154 × 393; 152 × 389; 152 × 61.

На Л. 3 внизу на отгибе правого поля сохр. место крепления утраченной прикладной печати; след от печати отс.

Примечания: ¹⁻¹ Чернила I, почерк I. ^{2,2-2} Так в ркп. ³ Текст в кв. скобках в ркп. отс.; восст. по смыслу. ⁴ В ркп.: переилают. ⁵ В ркп.: ч(а)сса. ⁶⁻⁶ Чернила II, почерк II. ⁷ Так в ркп.; ср. ниже. ⁸ Из синя, ле убористо над строкой. ⁹ В ркп.: нашивка. ¹⁰ желт из шелк. ¹¹ Над второй а затерта н. ¹² Из белой – и затерта, е по другой букве. ¹³ с по л. ¹⁴ Из у. ¹⁵ Так в ркп.; ср. выше. ¹⁶ р по о (?). ¹⁷ ь из в. ¹⁸⁻¹⁸ Чернила I, почерк III. ¹⁹⁻¹⁹ Чернила III, почерк IV.

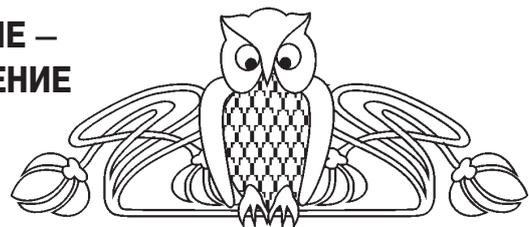
УДК 78.01

МУЗЫКА ПРИ ЦАРСКОМ ДВОРЕ В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ В ИСТОРИИ РОССИИ

И. В. Полозова

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова
E-mail: i.v.polozova@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению культурно-исторических процессов, происходивших в России в XVII в. На примере музыкальной культуры выделяются постсредневековые и барочные стилиевые черты. В работе анализируются формы бытования музыки при царском дворе, характеризуются певческие корпорации, жанровые разновидности, указываются новые певческие стили, акцентируется мысль о постепенном зарождении светского музицирования, театрального дела, военной музыки. Автор приходит к выводам об освоении в XVII в. новых форм бытования музыкального искусства и осторожной попытке интеграции отечественной музыки в общеевропейский культурный контекст.

Ключевые слова: музыка при царском дворе, XVII век, богослужбное пение, инструментальное музицирование, театральные постановки, военная музыка.

Court Music in the Middle and the Second Half of the XVII Century as the Reflection of the Trends of a Transitional Period in Russian History

I. V. Polozova

This article is focused on the cultural and historical processes in the XVII century Russia, with musical culture revealing some post-Medieval and baroque stylistic features. The paper analyzes the forms of court music, characterizes singers' corporations and diversity of genres, points out new singing styles and brings forward the idea of

gradual appearance of secular music performing, theatre and military music. The author comes to certain conclusions concerning the mastering of new forms of musical art and a careful attempt of the integration of Russian music in the general European cultural context in the 17th century.

Key words: court music, XVII century, church singing, instrumental music performing, theatre productions, military music.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-11-17

XVII столетие в русской истории, пожалуй, одна из наиболее драматичных эпох. Смута, польская интервенция, непростое становление царской династии Романовых, голод, нескончаемые социальные волнения, церковный раскол... Вместе с тем, это столетие, нестабильное и динамичное, сыграло ключевую роль в истории русской государственности, а также заложило новый вектор в ее развитии. По справедливому высказыванию В. М. Живова, радикальные изменения в русской культуре XVII в. свидетельствуют не только «о возникновении отдельных новых явлений (что случается, понятно, в любую эпоху), но о трансформации самих принципов культурной деятельности», которые были стимулированы переходом русской культуры от Средневековья к Новому времени и сопряжены с «религиозной или нравственной реформой первой половины XVII столетия. Целью реформы было восстановление моральных ценностей и благочестия, разрушенных в Смутное время. Результатом, однако же, была не реставрация традиционной системы, а общий пересмотр доставшегося от прошлого наследия... Религиозная реформа приводит к развитию личностного начала, а оно, в свою очередь, обуславливает возникновение новых сфер культурной деятельности»¹.

Сущностным изменениям подверглись практически все стороны жизни русского человека: церковные обряды, мировосприятие, поведенческие нормы, быт... Однако традиционализм как релевантная установка средневекового общества вплоть до конца XVII в. явно доминирует, создавая атмосферу «осени средневековья»², и притормаживает кардинальные изменения во всех сферах русской культуры. В этом отношении и проявляется противоречивость, амбивалентность рассматриваемой эпохи: ее устремленность к новому, с одной стороны, и постоянная оглядка в прошлое, возврат к традиции – с другой.

В данной статье мы обратимся к музыкальной практике, бытовавшей при царском дворе и его окружении в середине – второй половине XVII в. и получившей свое продолжение в последующие столетия. При этом наше внимание будет сфокусировано как на развитии постсредневековых тенденций в бытовании отечественной музыкальной культуры, так и на зарождении новых культурных феноменов на русской почве, что явилось свидетельством усвоения и адаптации барочных форм европейской музыкальной практики.

Итак, время правления царя Алексея Михайловича (1645–1676) – переходный период в развитии русской культуры и отечественной истории в целом, когда, с одной стороны, наблюдается процесс секуляризации, с другой – приобщение русской культуры к западным традициям. Алексей Михайлович, как и другие русские правители, воспитывался в духе многовековых христианских традиций, а его быт был тесно связан с православным обрядом.

Хорошо известно, что русское богослужение в Средние века характеризовалось исключительным благолепием, о чем писали иностранцы, посетившие нашу страну. О благочестии русского богослужения читаем в записках Павла Алеппского, прибывшего в Москву в составе греческой делегации в середине 1650-х гг.: «усердие москвичей к посещению церкви велико, царь и царица ведут внутри своего дворца более совершенный образ жизни, чем святые: все время в посте и молитве... Не успели мы сесть за стол после обедни, как ударили ко всенощной... Вошли в церковь в три часа, а вышли в 10 часов... Мы вышли из церкви, умирая от усталости... Во время службы русские стоят, как статуи молча, тихо, делая непрерывно земные поклоны... Они превосходят своим благочестием подвижников в пустыне...»³.

Любовь и усердие к богослужебному пению прививались с рождения, в том числе и представителям царского рода. Многие русские цари принимали деятельное участие в обустройстве церковных хоров, сами пели на клиросе. Так, царь Иван Васильевич (Грозный) «участвовал в богослужении, пел на клиросе, цитировал в своих посланиях церковные песнопения, имел достаточно знаний, навыков и таланта для создания как текстов песнопений, так и их роспевов»⁴. Такими же талантами обладал и его сын Иван Иванович. В XVII в. на клиросе пели цари Алексей Михайлович, его сын Федор Алексеевич, а также будущий первый российский император Петр I, который «выпевал труднейшие эксцелентированные басы партесных песнопений, находясь в Соловецком монастыре на богомолье», а царица Софья переписывала богослужебные певческие книги⁵. Более того, царские особы были не только весьма опытными исполнителями-певчими, но и авторами гимнографических текстов и напевов. В певческих рукописях зафиксированы напевы песнопений, распетых русскими самодержцами. Например, авторству царя Ивана Грозного приписывается распев стихир митрополиту Петру, Сретению Владимирской иконы Божией Матери, тропарь князю Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору⁶, царь Алексей Михайлович создал напев к торжественному песнопению в честь Богородицы «Достойно есть», а также переписывал певческие рукописи и вносил в них правки.

Заботы русских правителей распространялись и на формирование солидных певческих корпораций, главной из которых был хор государе-

вых певчих дьяков. Первые свидетельства об этом хоре появляются в источниках при великом князе Василии III (1505–1533)⁷. Вероятно, прообразом такой корпорации послужил хор, существовавший при династии византийских императоров, чьи традиции неизменно следовал русский двор. Государевы певчие дьяки могли иметь как светскую, так и церковную принадлежность и подчинялись непосредственно великому князю, а позже – царю. Естественно, что с течением времени структура хора укрупнялась. Так, если численность певчих Ивана Грозного в 1573 г. составляла 27, то в 1678 – 36 человек. Кроме того, были организованы хоры у других членов царского рода. В 1690-е гг. у царя Ивана хор состоял из 20–24 дьяков, у царя Петра он включал 21–26 певчих, а хоры царевен были более скромны: у Евдокии 17–19 певчих, у Натальи – 8–15, «у остальных – каждой из цариц (Прасковьи Федоровны и Марфы Матвеевны) и вместе у царевен (Анны Михайловны и Татьяны Михайловны) – хоры не превышали 11–12 человек»⁸. В связи с переездом в 1712 г. царского двора в Петербург царь Петр Алексеевич выписывает туда и государевых певчих. Естественно предположить, что основу хора государевых певчих дьяков составляли опытные мастера пения, собранные из разных регионов страны, обладающие прекрасными вокальными способностями и хорошо обученные певческому делу.

Музыка при царском дворе во второй половине XVII в. еще тесно связана с традициями церковного пения, а изначальной и основной функцией хора государевых певчих дьяков было музыкальное озвучивание богослужений, на которых присутствовал царь. Помимо исполнения собственно богослужебных песнопений, в обязанности царского хора входило исполнение Многолетий и Чина «задравной чаши», обрядов, ведущих свои традиции из Киевской Руси и, по мнению Н. Парфентьева, заложивших основу русской панегирической хоровой музыки: «Вне монастырских стен, как и в обителях, Чин задравных чаш приобрел политическое значение, служа своеобразной демонстрацией верноподданнических чувств крепнувшему самодержавию и церкви»⁹. Хор государевых певческих дьяков непременно участвовал в важных внутривосточных событиях страны, связанных с жизнью царской семьи: венчании, крещении, поставлении на царство или патриаршество, погребении. Так, известно, что во время венчания великого князя Василия и Елены Глинской в 1526 г. в соборе «дьяки певчие на обоих крылосех пели Многолетие». Многолетие исполнялось в осуществлении Чина «поставления на царство» Ивана Грозного в 1547 г., а также Федора Алексеевича в 1676 г., когда это песнопение исполнялось демественным распевом. Многие источники содержат сведения о пении государевых певчих дьяков во время крещения новорожденных царских семей. Нередко в обрядах такого важного государственного

значения хор государевых дьяков объединялся с патриаршим, также включавшим в себя опытных и голосистых певчих. Например, при поставлении патриарха Филарета Романова на патриарший престол в 1619 г. «государевы дьяки пели на правом клиросе, а патриаршие – на левом»¹⁰.

Кроме пения во время богослужения государевы певчие дьяки неизменно сопровождали царскую семью в поездках по городам и монастырям страны, а также активно участвовали во внебогослужебных акциях. Хор певчих дьяков обслуживал приемы иностранных делегаций, послов, встречи высокопоставленных особ из походов и другие торжественные события царского двора. Широко распространена была практика пения «в стол», сопровождавшая званые обеды царской семьи. Так, в 1557 г. во время царского обеда с приглашенными иностранцами «пришло шесть певцов, которые стали посреди залы лицом к царю и принимались три раза петь»¹¹. Во время царских обедов певчими исполнялись прежде всего торжественные и богатые с мелодической точки зрения славники, имевшие широкое распространение не только в богослужебном обряде, но и вне его, а также другие богослужебные песнопения, например, тропарь Пасхи «Христос воскрес» или девятая песнь канона.

Известно, что на Руси укоренилась традиция рождественских, пасхальных и других праздничных славлений, которая также была распространена при царском дворе и исполнялась государевыми певчими дьяками. «В эти [праздничные. – И. П.] дни подворья обходили певчие дьяки царя и митрополита (патриарха) и праздничным пением, славлением поздравляли монахов с праздником... Самыми торжественными были рождественские славления, принимавшие вид своеобразного музыкального праздника. В них участвовали многие московские хоры: царя, митрополита (патриарха), крупных соборов и монастырей, маленькие домашние капеллы знати, а также хоры приехавших на праздник епархиальных владык»¹².

К XVII в. относятся первые примеры зарождающейся практики будущей концертной жизни. Н. Парфентьев приводит интересные свидетельства о выступлении перед царем отдельных певчих: «в 1651 году патриарший певчий дьяк Федор Козьмин был пожалован сукном в 2 руб. за то, что пел перед царем в “В Столовой избе марта в 17 день Алексею человеку божию славник”, а в 1675 году государевы певчие дьяки Владимир Голутвинец и Родион Григорьев в присутствии царя “на Каменном крыльце” получили соответственно 6 и 2 руб. “за стих: О дивное чудо, как они пели при нем, великом государе, в Передних сенях”»¹³.

Как видно из вышеприведенных примеров, основу репертуара государевых певчих дьяков составляли богослужебные песнопения, а также паралитургические композиции (например, духовные стихи или славления). Это, безусловно, вызвано доминирующей ролью богослужебного

пения и обряда в целом в сознании человека XVII столетия, когда Церковь определяла все стороны жизни, мировоззрения и способствовала организации не только его духовного мира, но и существования «в миру».

Вместе с тем, как мы отмечали в начале нашей работы, именно в XVII столетии происходит постепенная, но существенная перестройка всех сторон жизни русского человека. Процесс секуляризации и европеизации, инспирированный сверху, естественно отражается на всех составляющих русской культуры, в том числе и певческой, собственно богослужебной. В результате, в середине XVII в. традиция средневекового русского знаменного пения получила не только серьезного конкурента в лице партесного стиля, но и оказалась существенно обновленной изнутри, за счет привнесения иных стиливых черт. Отметим, что корни этих стиливых «новинок» имеют европейское происхождение и свидетельствуют о наличии эволюционных процессов русской культуры, направленных на усвоение ряда общеевропейских культурных тенденций. Именно в этот период практика церковно-певческого искусства в России прирастает новыми распевами, имевшими юго-западное происхождение (киевский, греческий, болгарский), в которых органично сочетались признаки средневекового пения с приметамы музыкального мышления Нового времени.

Внедрение новых видов распевов в богослужебный обряд было довольно стремительным. Так, наиболее популярный в то время киевский распев с 1656 г. стабильно входил в репертуар хора государевых певчих дьяков, им исполнялись Литургия, Многолетия и обширный круг других литургических текстов, который, по наблюдению Н. Парфентьева, мог «составить полную певческую книгу Обиход»¹⁴. Своей мелодичностью, а, вместе с тем, лаконизмом и простотой киевский распев привлекал внимание многих певчих. Хорошо известны авторские композиции на основе киевского распева, выполненные в XVII–XX столетиях, среди которых следует отметить и творение царя Федора Алексеевича «Достойно есть». Греческий, болгарский и особенно киевский распевы неоднократно приводятся как образцовые для исполнения в «Обиходе простого церковного пения, при Высочайшем Дворе употребляемого», многократно переизданном при императорском дворе, и имевшие статус обязательных для исполнения за богослужением. Эти же распевы получают свое развитие и в среде «защитников благочестия», поборников старины – старообрядцев¹⁵.

В XVII в. в русское церковно-певческое искусство проникает новый певческий стиль, названный партесным. Среди его приверженцев были царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, а также бояре Ф. Ртищев, Л. Нарышкин, П. Шереметев, А. Мещерский, А. Трубецкой, Д. Строганов и др., которые, выписывая из Киева

«вспеваков-партесников» и организуя домашние хоровые капеллы, во многом содействовали стремительному распространению партесного пения. Так, патриарх Никон способствовал внедрению партеса не только в своем патриаршем хоре, но и в Валдайском Иверском и Новоиерусалимском Воскресенском монастырях, бывших патриаршей вотчиной. И уже в середине – второй половине XVII в. новый стиль был широко распространен в Москве, Новгороде, Смоленске, Сольвычегорске, Тобольске и др. городах¹⁶. Партесное пение особо полюбилось русскому человеку, а потому быстро укоренялось в русской богослужебной практике. Показателен такой пример, когда Петр I хотел сделать пребывание в Новодевичьем монастыре своей опальной сестры Софьи Алексеевны особенно суровым, он лишил ее возможности слушать партесное пение¹⁷.

Утверждение в XVII в. партесного стиля сопровождалось и коренным пересмотром роли автора в системе отечественной культуры. Если в предшествующие столетия создание богослужебных песнопений было в основе своей явлением анонимным, то в рассматриваемое время мы получаем не только множество имен распевщиков, излагающих гимнографические тексты, но и авторов, мыслящих себя творцами, а потому стремящихся подчеркнуть свое индивидуальное творческое начало. Так формируется плеяда первых отечественных композиторов: В. Титов, Н. Дилецкий, С. Беляев, Н. Бавыкин, Ф. Редриков, В. Виноградов, И. Коленда и др., в творчестве которых и получает развитие партесный стиль.

В XVII в. значительно возрастает роль светской культуры, зарождается практика домашнего музицирования, в том числе и на музыкальных инструментах. Наиболее ранние сведения о появлении при царском дворе европейских музыкантов относятся к 1490 г., времени правления Ивана III, когда в Москву прибывает итальянский органист Джованни Сальваторе, а уже в 1568 г. царице Ирине Федоровне (жене царя Федора Ивановича) английской королевой были присланы орган и клавинорд. Тогда же английский посол Джером Горсей пишет: «в Лондоне я сделал заказанные мне покупки: достал органы, клавинорды, музыкантов»¹⁸, что косвенно свидетельствует о зарождении в России практики инструментального музицирования.

Однако можно считать приведенные примеры единичными и констатировать, что в XVI в. степень распространения практики домашнего музицирования на европейских музыкальных инструментах носила крайне скромный характер и, вероятно, распространялась только на узкий круг царского двора, а также избранных бояр, имевших культурные контакты с европейскими странами. В первой половине XVII в. ситуация начинает стремительно меняться. Так, интересные факты об использовании музыкальных инструментов при царском дворе приводит И. Е. Забелин: «В начале

XVII столетия “органы и цимбалы” упоминаются уже как самые обычные предметы дворцовых потех. В 1614 году при дворе находится в службе цинбальник Томила Бесов, а в 1617 году упоминаются органы, стоявшие в Потешной палате; далее в 1626 году в “государскую радость”, то есть во время свадьбы царя, в Грановитой палате играли на цимбалах и на варганах... Органное мастерство до того утвердилось при царском дворце, что в 1663 году царь Алексей указал “сделать в запас для посылки в Персидскую землю органы большие самые, как не мочно тех больши быть, а сделать б на 12 голосов”¹⁹. В рассматриваемый период получили распространение инструменты разного происхождения: гусли, домры, скрипки, цимбалы (клавишные), орган, арфа и др., а все исполнители на музыкальных инструментах были причислены к «потешной палате».

Параллельно с распространением практики музицирования при царском дворе происходит ее проникновение и в быт русского общества. Так, в Москве появляется ряд любителей немецкой музыки, содержавших свои домашние капеллы для обслуживания придворных церемоний. Для их проведения приглашаются музыканты-инструменталисты из Польши, Германии, Голландии. Следует отметить, что в XVII в. Немецкая слобода играет значимую роль в приобщении русского общества к концертной жизни и становится важным музыкальным центром Москвы. Именно здесь в католическом храме даются первые концерты богослужебной и светской музыки, а приглашенные на них особы получают возможность познакомиться с выдающимися сочинениями европейских музыкантов.

Другим важным средством распространения инструментальной музыкальной культуры в русском обществе была военная музыка. Естественно, что ее влияние и присутствие в жизни человека XVII в. было весьма ограниченным, однако, все официальные церемонии царского двора (встречи послов, иностранных делегаций, военные походы и др.), процедуры торжественных въездов и выездов и т. п. сопровождалась разного рода сигнальными фанфарами. Основу инструментального состава военных ансамблей составляли трубы и литавры, к концу столетия тембровая палитра расширяется и к ним добавляются флейты, гобои и фаготы. За недостатком документальных источников мы не можем выявить репертуар военных ансамблей, не сохранилось свидетельств об исполнении европейской музыкальной литературы (прежде всего маршей). Однако, учитывая богатую многовековую традицию отечественного церковно-певческого искусства, можно предположить, что истоками военной музыки, наряду с сигнальными фигурами, стали жанры хорового пения, в том числе кант, получивший большое распространение в России в середине – второй половине XVII в.

Наряду с инструментальной музыкой в XVII в. в Москве возникает и первый профес-

сиональный театр, просуществовавший менее пяти лет (1672–1776). Для созданной труппы был построен придворный театр – «Комедийная хоромина» в с. Преображенском, в котором ставились спектакли с музыкальными и танцевальными номерами. Постановки в этом театре были основаны на библейских, мифологических и исторических сюжетах. Первым спектаклем, поставленным на русской сцене, исследователи называют «Артаксерксово действо» (1672) на ветхозаветный сюжет об Эсфири. По мнению А. Панченко, «это громоздкое и бесталанное переложение. Нет сомнений, что спектакль был крайне скучен, к тому же ставили и разыгрывали его любители из Немецкой слободы и из московских приказов (профессиональных актеров в Москве в ту пору попросту не было). Тем не менее царь Алексей Михайлович в тот знаменательный день высидел в той “комедийной храмине” 10 часов подряд!»²⁰ Исследователь предполагает, что такая выдержка государя, «обладавшего недюжинным художественным вкусом», вызвана привычным отношением к разыгрываемому ветхозаветному сюжету как разделу церковной службы: «Он не решился уйти из театра, как не привык уходить с церковного богослужения»²¹.

Уже в первых придворных театральных постановках большое место отводилось музыке. По данным Д. Ломтева, представления при дворе Алексея Михайловича шли в сопровождении небольшого ансамбля из пяти музыкантов капеллы герцога Курляндского. Позже, во время правления Петра I, в Москву были выписаны 12 гамбургских оркестрантов, а также еще одна группа во главе с Иоганном Поморским²². Дошедшие до нас музыкальные фрагменты первых спектаклей при царском дворе указывают на присутствие в них довольно развернутых хоровых сцен, сольных номеров по типу несложных арий, а также танцев и инструментальных интрад. Музыкальная стилистика этих номеров опирается на соединение черт средневекового богослужебного знаменного пения с признаками музыки Нового времени – мелодико-ритмических оборотов, характерных для канта и других певческих жанров эпохи барокко, пришедших в Россию в середине XVII в. из юго-западных земель (Польши, Украины, Беларуси).

Несмотря на то что первый придворный театр просуществовал совсем недолго, театральное дело в России с этого периода начинает активно развиваться. Театральные представления устраиваются в некоторых боярских домах, например, в доме одного из наиболее просвещенных людей второй половины XVII столетия – Артамона Сергеевича Матвеева. Здесь участие в спектаклях принимали дворовые люди, обучаемые иностранцами из Немецкой слободы. Кроме того, в XVII в. активно развивается практика создания «школьных театров», драматургический материал для которых в изобилии поставлял С. Полоцкий.

Таким образом, в XVII столетии музыкальная жизнь при царском дворе, а шире, – и всей России – активно развивается, опираясь на прежние многовековые традиции и, вместе с тем, приобретает новые формы, заимствованные прежде всего из практики западноевропейского музицирования. Именно в этом столетии музыкальная среда России перестает ограничиваться двумя основными (и во многом оппозиционными) сферами: богослужбной и фольклорной. Наряду с сохранением мощной культуры хорового пения происходит освоение западноевропейского инструментария и практики домашнего музицирования, делаются первые опыты в театральной жизни, активно развивается военная музыка, которая впоследствии станет одним из важных импульсов для формирования отечественной инструментальной музыкальной культуры. Следовательно, все большее распространение получают светские формы бытования музыкального искусства.

Вместе с тем, музыкальная культура XVII в. так и остается по преимуществу ориентированной на хоровое начало. В рассматриваемый период наиболее существенное развитие касается именно певческих жанров, предназначенных для хорового исполнения: новые стили знаменного пения, духовные стихи, канты, псалмы, формирующийся партесный концерт – все они опираются на многовековую практику богослужбного пения и в разной мере адаптируют новые стилевые черты, пришедшие с юго-западных земель. Также активно в этом столетии развиваются и хоровые корпорации, руководимые опытными певчими и профессионально обученными музыкантами, в том числе ориентированными на западноевропейскую музыкальную традицию (так, регентом одного из лучших и крупнейших хоров второй половины XVII в. при доме боярина Г. Строганова был известный композитор и теоретик музыки, автор «Музыкальной грамматики» Н. П. Дилецкий). При этом, если в хоровых жанрах национальное своеобразие сочетается с общеевропейскими стилевыми приметами, то инструментальная музыкальная культура, находящаяся на стадии своего зарождения и первоначального развития, пока находится в полной зависимости от современной западноевропейской практики музицирования (жанровая система, репертуар и др.).

Рассмотрев основные направления развития музыкальной культуры России в XVII в. при царском дворе, можно сделать выводы: 1) об освоении новых для отечественного музыкального искусства форм его бытования, а именно зарождении светской музыкальной культуры, ставшей своеобразной альтернативой безусловному господству церковно-певческой традиции в эпоху средневековой Руси; 2) о зарождении важнейшего процесса в истории отечественной культуры – попытке ее осторожной интеграции в общеевропейское русло развития музыкальной культуры и освоение актуального для той эпохи стиля барокко. По

справедливому наблюдению Л. А. Черной, «русскую культуру позднего Средневековья можно назвать “замкнутой”, изолированной от других культур... средневековая культура [Руси. – И. П.] ориентировалась на “старину” и “чин”, обрекая себя на изоляцию. ... XVII век нарушил замкнутость русской культуры на всех уровнях, начиная с государственного и кончая индивидуальным. Сначала осторожно, с оговорками и мытьем рук после общения с “нечистыми” русские вошли в контакт с иноземными врачами, военными, инженерами, часовщиками. При Алексее Михайловиче открытым стал царский двор со своей придворной культурой, при Петре I открытость распространяется на всю культурную систему»²³. Так, постепенно начинают осваиваться культурные ценности западноевропейского мира, и уже в XVIII столетии Россия окажется готовой воспринять не только эстетические принципы барокко, но и, примкнув к идеологии эпохи Просвещения, станет одной из стран, активно развивающей художественные основы классицизма.

Примечания

- 1 Живов В. М. Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 319.
- 2 Мезин С. А. История русской культуры X–XVII веков. М., 2003. С. 164.
- 3 Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Минск, 2007. С. 111.
- 4 Рамазанова Н. В. Московское царство в церковно-певческом искусстве (на материале рукописей XVI–XVII вв.): автореф. дис. ... д-ра иск. / Государственный институт искусствознания. М., 2004. С. 38.
- 5 Мартынов В. И. История богослужбного пения. М., 1994. С. 108.
- 6 Отметим, что до настоящего времени в среде исследователей нет единой точки зрения на достоверность авторства гимнографических композиций царя Ивана Васильевича.
- 7 См.: Гарднер И. А. Богослужбное пение Русской Православной Церкви: в 2 т. Т. 1. Сущность, система и история. М., 2004. С. 351.
- 8 Парфентьев Н. П. Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI–XVII вв. Свердловск, 1991. С. 51, 52, 55.
- 9 Там же. С. 176–177.
- 10 Там же. С. 63, 65, 66.
- 11 Там же. С. 67.
- 12 Зверева С. Г. Монастырские клирошане XVI – первой половины XVII в. // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 125.
- 13 Парфентьев Н. П. Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI–XVII вв. Свердловск, 1991. С. 69.
- 14 Там же. С. 171.

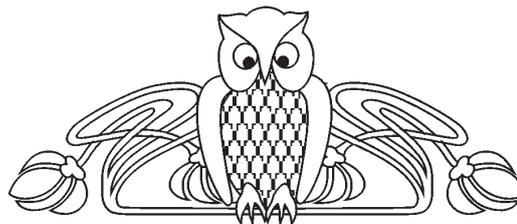
- ¹⁵ Об этом подробнее см. *Полозова И. В.* Церковно-певческая культура саратовских старообрядцев : формы бытования в исторической перспективе. Саратов, 2009.
- ¹⁶ См.: *Успенский Н. Д.* Древнерусское певческое искусство. М., 1971. С. 333.
- ¹⁷ См.: Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков / сост. текстов, пер. и общ. вступ. статья А. И. Рогова. М., 1974. С. 28.
- ¹⁸ *Владышевская Т. Ф.* Музыкальная культура Древней Руси. М., 2006. С. 76.
- ¹⁹ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1 : Государев двор или дворец. М., 1990. С. 205, 206.
- ²⁰ *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 311, 312.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: *Ломтев Д.* Немецкий музыкальный театр в России. М., 2003. С. 13.
- ²³ *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 99, 115.

УДК 94 (47)+929 Блудова

ГРАФИНЯ А. Д. БЛУДОВА И ЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ

О. В. Кочукова

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Статья посвящена выяснению обстоятельств биографии и политического мировоззрения графини А. Д. Блудовой, принимавшей активное участие в общественной жизни России XIX в. Основу статьи составил анализ содержания записок и воспоминаний А. Д. Блудовой. Автор формулирует вывод о месте политических событий европейской истории рубежа 1820–1830-х гг. в складывании и эволюции особенностей политического мировоззрения А. Д. Блудовой. На примере взглядов и деятельности А. Д. Блудовой подчеркивается значение опосредованной коммуникации реформаторов царствования Николая I и идеологов Великих реформ.

Ключевые слова: гендерная история, мемуары, придворное общество, общественное мнение, теория официальной народности, славянофильство, А. Д. Блудова, Д. Н. Блудов.

Countess A. D. Bludova and her Memoirs

O. V. Kochukova

The article is devoted to the study of the biography and the political outlook of Countess A. D. Bludova, who took an active part in public life of Russia in the XIX century. The basis of the article is the analysis of A. D. Bludova's notes and memoirs. The author formulates a conclusion concerning the place of the political events of European history at the turn of the 1820–1830s in the folding and evolution of features of A. D. Bludova's political outlook. The author stresses the importance of reformers' communication during the reign of Nicholas I and the ideologists of the Great Reforms, using the example of activity and views of A. D. Bludova.

Key words: gender history, memoirs, court, public opinion, theory of official nationality, Slavophilism, A. D. Bludova, D. N. Bludov.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-17-24

Изучение биографий и мировоззрения политических и общественных деятелей, вероятно, никогда не потеряет научной актуальности. Применительно к истории России XIX в. следует подчеркнуть настоятельность персонального подхода к исследованию преобразовательного

процесса, имевшего длительную протяженность, со своими этапами, «скачками» и «перерывами», но и в то же время отличавшегося внутренним единством. Это единство объяснялось не только общими целями реформ и наличием на каждом этапе одних и тех же нерешенных проблем, но и субъективным фактором – преемственностью в мировоззрении и принципиальных подходах их идеологов и практиков, а также различными способами коммуникации (в том числе опосредованными) разных поколений реформаторов. Историческая роль российских реформаторов в настоящее время всеми признана; существуют исторические исследования, посвященные отдельным персоналиям, которые предоставляют возможность изучения реформ как итога и результата дискурсивных практик и мировоззрения их авторов. Но в этом направлении все еще остается много неисследованных сюжетов и тем, своего рода «белых пятен» историографии. Так, практически нераскрытой остается роль женщин в обсуждении и подготовке реформ – представительниц императорской фамилии, придворного общества, центров общественно-политической жизни и культурной элиты эпохи, которых можно бы было назвать «сподвижницами реформаторов». Среди них были императрица Мария Александровна, великая княгиня Елена Павловна, баронесса Э. Ф. Раден, А. Ф. Тютчева, М. А. Милютинина, В. С. Аксакова, графиня А. Д. Блудова и многие другие.

О графине Антонине Дмитриевне Блудовой (1813–1891), дочери государственного деятеля графа Д. Н. Блудова, занимавшего должности главного управляющего Второго отделения, председателя Государственного совета и Комитета министров и игравшего одну из ключевых ролей в общественно-политической жизни России XIX в., с полным правом можно говорить как о недооцененной личности, оставшейся в памяти

современников и потомков, а также и в историографии, в тени славы своего отца. В исторической литературе, как правило, встречаются только отдельные упоминания личности А. Д. Блудовой в связи с указанием на роль представительниц образованного общества в славянофильских кругах¹. Внимание исследователей также привлекла благотворительная деятельность графини².

Между тем существует замечательный исторический источник, позволяющий в сочетании с отдельными свидетельствами мемуаров и переписки современников изучить взгляды и деятельность А. Д. Блудовой, принимавшей самостоятельное и далеко не второстепенное значение в общественно-политической жизни. Таким источником являются созданные графиней записки и воспоминания. Исследователи чаще всего обращаются к ним опять-таки в поиске свидетельств о личности и деятельности Д. Н. Блудова³. Распространенным стереотипом является мнение о том, что «Записки» Блудовой «описывают быт и литературную жизнь первой половины XIX века»⁴. На самом деле, такого рода описания составляют незначительную часть записок, а в основном их содержание относится к политической жизни России и Европы 1830-х гг. Воспоминания Блудовой носят ярко выраженный публицистический характер и предполагают их использование в исторических исследованиях через призму выявления политического мировоззрения их автора.

А. Д. Блудова работала над текстом воспоминаний около десяти лет, начиная со второй половины 1860-х гг. и заканчивая серединой 1870-х гг. Записки с самого начала создавались для публикации. Первая часть мемуаров была написана в 1867 г. В конце текста помещена подпись: «Зимний дворец. Февраль 1867 г.». На тот момент Блудова была камер-фрейлиной императрицы Марии Александровны и хозяйкой придворного салона в Зимнем дворце. Первая часть записок была опубликована в журнале «Заря» в 1871 и 1872 гг., а позже с дозволения автора перепечатана в 1889 г. в «Русском архиве». Продолжение воспоминаний Блудова писала начиная с 1871 г. и публиковала в «Русском архиве» (с 1872 по 1879 г.) Кроме того, записки Блудовой выходили отдельными изданиями, но уже в отрывках⁵. Таким образом, наиболее полная версия мемуаров А. Д. Блудовой представлена в десяти номерах «Русского архива»⁶.

Основу записок составили семейная переписка Блудовых и личные воспоминания автора о различных эпизодах своей жизни и о тех общественных явлениях эпохи, которые ей довелось наблюдать или быть их участницей. Самая большая часть от общего объема записок относится к периоду заграничного путешествия семьи Блудовых в начале 1830-х гг. Собственно воспоминания составляют первый «слой» текста записок и позволяют реконструировать ранний этап

становления мировоззрения Антонины Блудовой и атмосферу жизни русского образованного общества 1830-х гг. Но более значимым является второй «слой» записок, составленный из размышлений и оценочных суждений автора, относящихся к моменту написания текста. Можно сказать, что за строками воспоминаний возникает два образа и две личности – совсем еще юной, семнадцатилетней Антуанетты (так называли А. Д. Блудову родители) и умудренной жизненным опытом камер-фрейлины, писавшей записки в возрасте около шестидесяти лет, руководствуясь сложившимися политическими воззрениями.

В тексте записок нет четкого следования хронологии, ассоциативность мышления порождала развернутые экскурсы в различные исторические периоды. Это придает воспоминаниям Блудовой ярко выраженный публицистический характер и даже привносит в них некоторые черты исторического труда. Мемуаристка включила в текст сюжеты, не связанные с историческим временем ее жизни или с непосредственным участием и наблюдением, как, например, рассказы о русской истории XVIII в., о политических событиях в Западной Европе 1810–1820-х гг. Поэтому А. Д. Блудова использовала разнообразные источники: устные свидетельства очевидцев, сообщения и рассказы отца, выписки из газет и журналов, приводела фрагменты из научных трудов.

Заметной особенностью записок А. Д. Блудовой является проявленный автором интерес к проблемам внешней политики. Сюжетами для размышлений графини стали отношения России с западноевропейскими странами, славянский и греческий вопросы в международных отношениях первой половины XIX в., немало страниц посвящено осмыслению революционного движения на Западе, восстанию в Польше 1831 г. Незаурядная осведомленность в вопросах внешней политики не совсем совмещалась с традиционными представлениями о «женской сфере» общественной жизни. Привычный стереотип поведения женщины в рамках принадлежности ее к социокультурному пространству (девушки или женщины из дворянской семьи), как правило, не выходил за границы «женского обихода» (пусть и очень широко понимаемого, вместе с организацией интеллектуального общения и культурной жизни семьи или, скажем, аристократического салона). Проблемы внешней политики сравнительно редко являлись специальными темами в воспоминаниях и дневниках, созданных представительницами высшего света.

Если сравнивать записки А. Д. Блудовой с дневником Д. Ф. Фикельмон⁷ или воспоминаниями Е. А. Нарышкиной⁸ (достаточно известных представительниц петербургского света), то нужно признать, что в последних также уделяется внимание различным политическим темам, однако основную их часть составляют заметки о перипетиях великосветской жизни, личных отношениях

и т. п., о чем, напротив, практически ничего не сказано графиней Блудовой. Разумеется, воспоминания и дневники, написанные женщинами, могли приобретать выраженный «политический характер» в связи с исключительными обстоятельствами их жизни. В качестве примера можно привести мемуары, созданные польской и русской аристократками Н. Кицкой и Н. И. Голицыной во время вооруженного выступления поляков и Русско-польской войны 1831 г.⁹ В то же время составители современного издания этих воспоминаний подчеркивают, что мемуары Н. Кицкой отличает глубокая эмоциональная вовлеченность автора в происходящее, и ее «как женщину, занимают прежде всего люди и их нравственные побуждения», а Н. И. Голицына «в восприятии событий по-женски мелочна и по-женски же наблюдательна и при этом всегда верна своей среде и воспитанию», и в расстановке приоритетов уделяла большее внимание описанию бытовых неудобств как следствий обострения политической ситуации¹⁰.

Начиная с середины XIX в. получают распространение воспоминания и дневники, написанные женщинами очень по-новому, как бы с несоблюдением традиционного разделения «мужских» и «женских» сфер интересов. Аналитический способ изложения материала и сосредоточение внимания на вопросах преимущественно политических отличают, к примеру, воспоминания А. Д. Блудовой и М. А. Милютиной¹¹ или дневник В. С. Аксаковой¹². Тем не менее записки графини Блудовой обладают особой, присущей только им спецификой.

Пожалуй, по степени проявленного интереса к внешней политике воспоминания А. Д. Блудовой ближе всего к дневнику В. С. Аксаковой, созданному в период Крымской войны. Положение при дворе, близость к славянофилам и определение жизненных приоритетов в сфере общественной деятельности сближали личности А. Д. Блудовой и А. Ф. Тютчевой. Эти обстоятельства могут вызвать соображения относительно сопоставления записок А. Д. Блудовой и дневника А. Ф. Тютчевой¹³, но они не совпадают по хронологии отраженных в них событий. Кроме того, дневник А. Ф. Тютчевой можно считать своего рода рупором общественного мнения, отзывающимся на злободневные темы, в то время как в воспоминаниях Блудовой преобладают развернутые рассуждения, экскурсы публицистического свойства и стремление к созданию исторического труда. Эти черты (как и желание сохранить для истории достоверные факты, исторические свидетельства, вследствие чего в текст включались обширные фрагменты переписки) сближают записки А. Д. Блудовой с воспоминаниями М. А. Милютиной. Обе мемуаристки строили свои тексты, исходя из понимания исторической роли крупнейших государственных деятелей и реформаторов, с которыми их объединяли семейные узы (муж М. А. Милютиной – ведущий деятель

крестьянской и земской реформ Н. А. Милютин и отец А. Д. Блудовой – государственный ум николаевского царствования Д. Н. Блудов). Вместе с тем, важно то, что воспоминания Блудовой к личности отца «привязаны» гораздо в меньшей степени, чем Милютиной – к деятельности мужа. Это, конечно же, объясняется самостоятельной ролью графини Блудовой в качестве общественного деятеля. Впрочем, ее человеческая скромность, христианское смирение и налагаемые положением при дворе обязательства не позволяли акцентировать внимание на своей личности.

Текст записок графини Блудовой открывается следующим замечанием: «Берусь за перо, и оставивает меня сомнение: стоит ли писать записки или воспоминания, когда собственная личность не имеет никакого интереса для читателей, когда нет ничего занимательного в собственной жизни». Сославшись на счастливый и однообразный, «без всякого драматизма», характер прожитой жизни, Блудова выбирала для себя как автора позицию «зрительницы», наблюдавшей, размышлявшей, сопоставлявшей события и явления общественной жизни, которая, «конечно, иногда заглядывала за кулисы, но не играла никакой роли на театре общества или истории»¹⁴.

А. Д. Блудова родилась в 1813 г. в Швеции (в Стокгольме), где Д. Н. Блудов служил советником посольства. В Петербург семья возвратилась в 1814 г., а с 1815 г. Д. Н. Блудов стал активным участником литературного общества «Арзамас». Первые детские воспоминания Антонины Блудовой относятся к началу 1820-х гг. и в них воссоздается духовная атмосфера семейной среды, оказавшей наибольшее влияние на формирование ее личности. Антуанетта испытала самое благотворное воздействие «счастливого семейного спокойствия» и получила твердые жизненные принципы и убеждения под влиянием примера отца. Центром своего интеллектуального развития она считала привитую любовь к чтению, которое составляло в семье Блудовых «наслаждение и происшествие семейное», а покупка книг была единственным поводом к отказу от принципа экономии в финансовых тратах. Лучшими качествами отца А. Д. Блудова считала наличие «твердо сознанных убеждений» и самостоятельной независимой позиции, что обеспечивало обладание еще одним качеством – бережливостью, так как «в высших должностях надобно быть самостоятельным и материально независимым», следовательно, «необходимо всегда жить по своим личным средствам»¹⁵. Характер воспитания со стороны отца и то внимание, которое он уделял привитию моральных принципов, отражены в приводимых мемуаристкой фрагментах его писем к ней. Так, говоря о естественном стремлении человека к личному счастью, Д. Н. Блудов замечал: «Мы все больше или меньше можем находить его, ибо оно не во внешнем мире, а в душе нашей, в исполнении долга, во внутренних независимых от

рока наслаждения добродетели, постепенном и непрестанном совершенствовании нашего нравственного существа и в данных нам для того средствах»¹⁶.

Девизом семьи Блудовых было сохранение при всех обстоятельствах бодрости духа, веры в свои силы, «уверенности в достижении идеала». Графиня Блудова, которая писала об этом девизе в начале 1870-х гг., не могла избежать сопоставления нравственных идеалов своей молодости с качествами «современной молодежи» и отметила по этому поводу: «Сражение проиграно, когда прежде решительной минуты думаешь, что оно проиграно. Вот одно из главных зол и неисчислимый вред духа отрицания, духа сомнения, который так скоро растлевает человека и народы»¹⁷. Впрочем, А. Д. Блудова была далека от однозначного пренебрежительного отношения к новым веяниям современности и даже, напротив, душевную чуткость к ним считала неперенным условием интеллектуального развития человека: «дорогая способность, даже в глубокой старости, принимать участие в стремлениях нового времени и жить современной жизнью во всем, что есть в ней хорошего и возвышенного»¹⁸.

Воспоминания детства и юности для Антонины Блудовой были неразрывно связаны с восхищением перед теми культурными и общественными деятелями, которых ей удавалось тогда видеть рядом с отцом, и прежде всего перед «веселым кружком арзамасским». Ей навсегда запомнились впечатления об «истинно просвещенном, красавце и баловне, с примесью фата» С. С. Уварове, Д. В. Дашкове «с возвышенной душой и сановитой нежной красотой», Ф. Ф. Вигеле «с раскаленными как угли глазами», А. И. Тургеневе «с широким лицом и тучной фигурой», А. С. Пушкине «с заливающимся, ребяческим смехом, с фейерверком остроумных и добродушных шуток»¹⁹. В кругу общения отца Антуанетта встречала и будущих славянофилов: А. С. Хомякова «с многосторонним образованием и светлой возвышенностью души», И. В. Киреевского, «живущего в отвлеченном созерцании духовного мира»²⁰. Но «душой всего отцовского круга» являлся «пленительный, почтенный образ Карамзина». Двенадцатилетней девочкой видела она великого историка и писателя в последний год его жизни, и всю последующую жизнь рисовалась ей в образе Н. М. Карамзина «какая-то особенная гармония в выражении, в голосе, в движениях, во всей наружности», которая была отражением «внутренней гармонии всех мыслей и чувств его нравственной природы»²¹.

«Политические» сюжеты появляются в воспоминаниях графини Блудовой начиная с середины 1820-х гг. Прежде всего, это строки о востании 14 декабря 1825 г. А. Д. Блудова отмечала в своих записках, что ее отец постоянно вращался «в кругу коноводов заговора», но о нем ничего не подозревал, и сохранила воспоминания о тяжелой атмосфере дней после 14 декабря, когда проис-

ходили ежедневные аресты и допросы близких знакомых семьи. Впрочем, она оговаривалась, что «у батюшки опасения были, так сказать, менее личные: это были опасения за самое состояние России, за спокойствие Отечества»²². А. Д. Блудова умалчивает о том, что события 1825 г. послужили началом взлета служебной карьеры Д. Н. Блудова и о том, что ее отец по рекомендации Н. М. Карамзина стал делопроизводителем Верховной следственной комиссии и подготовил ее доклад²³.

С началом царствования Николая I начинается новый этап в карьере Д. Н. Блудова и в жизни семьи. Впечатления юности Антуанетты с этого момента связаны с атмосферой придворного быта, детскими балами, общением с детьми царской семьи. Во второй половине 1820-х гг. члены семьи Блудова «по крайней мере раз в неделю бывали во дворце», а новый круг общения включает аристократические семьи Строгановых, Трубецких, Нессельроде²⁴. Но, разумеется, более важным является то, что после 1825 г. Д. Н. Блудов был вовлечен в ситуацию формирования нового направления развития общественной мысли и государственной идеологии, когда переосмыслению подвергались представления о власти, самодержавии, тайных заговорщических обществах и о народе. Новая роль Д. Н. Блудова как бюрократа и консерватора николаевского царствования, влияние государственной идеологии официальной народности определили дальнейшее складывание политического мировоззрения его дочери.

Текст записок А. Д. Блудовой заставляет предположить, что образ самодержца в ее сознании прочно ассоциировался с личностью Николая I, причем уважение, смешанное с восхищением, несколько не были поколеблены либеральными веяниями эпохи Великих реформ. «Вот он во всем блеске величия и красоты, во всей силе молодости, со всею бодростью духа для совершения великих начинаний, венчанный герой моего юного воображения, покоритель неверных, освободитель сербов, воссоздатель Греции! Потом... измученный, сокрушенный исполинскою войною со внешнею враждою и предательством, с внутреннею разоблаченной ложью, и наконец, убитый горем, на смертном одре...»²⁵. Уже данная цитата свидетельствует о том, что в оценках личности и правления императора Николая I, исходящих от графини Блудовой, преобладают отсылки к его внешнеполитическому курсу. Эти воззрения А. Д. Блудовой сформировались в значительной степени под воздействием международной ситуации начала 1830-х гг., и в данном случае свою роль сыграли не только мнения и суждения отца, но и самостоятельные наблюдения и размышления.

В 1830 г. семнадцатилетняя Антонина Блудова отправляется вместе с матерью, братьями и сестрой в заграничное путешествие. Это путешествие было вызвано необходимостью заграничного лечения для сестры Лидии. Молодая девушка

тяжело переживала разлуку с отцом, отрыв от привычной среды, мучительной была тоска по России («на меня стала находить тоска, болезненная, непомерная, по России»²⁶). Но главное, о чем хотела рассказать графиня Блудова читателю – «эти два бесконечные года, ознаменованные такими тяжкими общественными бедствиями»²⁷ для Европы и России.

Большая часть заграничной жизни семьи Блудовых в 1830–1831 гг. прошла в Берлине, но главными событиями, захватившими сознание А. Д. Блудовой, стали революционные выступления в Европе, и прежде всего Июльская революция во Франции. Жена и дочери А. Д. Блудова с жадностью поглощали информацию из газет, причем Антуанетта особенно интересовалась политической карикатурой²⁸. На самые первые известия о событиях во Франции сразу же последовала ее реакция в письме к отцу: «Что вы скажете о Карле X и о его уничтожении свободы печати? Говорят, чуть не сделалось восстание в Париже»²⁹. Следует иметь в виду, что уже к этому времени были сформированы монархические настроения А. Д. Блудовой и вопрос о преимуществе монархии перед народным суверенитетом был для нее несомненно решенным. Упоминание о возможной революции вызывало в сознании прежде всего «ужасы 1793 года». Ее любимым историческим лицом была дочь Людовика XVI и Марии Антуанетты герцогиня Ангулемская (Мария Тереза Шарлотта Французская), о которой в детстве проливали слезы, представляя ее в заточении и перед которой преклонялась все последующие годы («долгая жизнь, полная терзаний и угнетений, увенчанная, вместо царской короны, христианской добродетелью всепрощения и тихой покорности»³⁰). Тем не менее названный в письме Блудовой повод к началу революции (ущемление королем свободы печати) свидетельствует о понимании необходимости сочетания монархического правления с разумным ограждением свободы общественной жизни. И спустя многие годы, в тот момент, когда графиня Блудова писала свои воспоминания, она была уверена в том, что режим Реставрации являлся блистательным периодом привития «порядков самоуправления» к «монархическому преданию», когда «благоразумная свободная система политики пустила корни во Франции»³¹.

Размышления над текущими событиями во Франции и первыми действиями нового, «самого либерального из правительств» привели А. Д. Блудову к собственному выводу о содержании понятия «свобода» как лозунга революции и как политической реальности. В тексте своих мемуаров она приводила выдержки из семейной переписки Блудовых, относящиеся к таким фактам, как аресты редакций оппозиционных газет, произведенные новой властью и т. п. В этих письмах остался зафиксированным афоризм 1831 г.: «Определение свободы в 1831 году: свобода со-

стоит в делании другим того, чего не желательно, чтобы нам делали»³². К моменту создания записок, в 1870-х гг., графиня Блудова могла обращаться ко многим новым примерам «вспышек по всему пространству Европы» и вывела, можно сказать, формулу всех революций: «эти властолюбивые мечтания одних, эти человеколюбивые теории других, и это несчастное Панургово стадо, которое верит и увлекается, и падает в бездну преступления и страдания, и эти неповинные, принесенные ими в жертву за то только, что они считают себя вольными мыслить и чувствовать иначе, нежели те свободолюбцы, которые лютуют свободой только для себя и своих страстей»³³.

Неожиданным ударом для семьи Блудовых стало заставшее их в Берлине известие о восстании в Польше. А. Д. Блудова писала, что «в то время нашему семейству не приходила на мысль возможность переворота в Польше», так как они считали поляков, «скорее, балованными детьми государства, с их многочисленными привилегиями»³⁴. В тексте записок акцентировано мнение о том, что восставшие поляки собственными руками погубили предоставленную им Александром I конституцию.

Восстание в Польше, как известно, стало причиной возникновения полонофильства и русофобии в европейском общественном мнении, что очень болезненно воспринималось русским обществом. Семейство Блудовых успело испытать на себе характер настроений берлинского общества, чем объясняется следующая запись в мемуарах: «Забыли, что Познань такая же часть бывшей Польши, или, лучше сказать, самоуверенно полагали, что она уже довольно онемечена, и массы преданы правительству»³⁵. Тема европейского недоброжелательства к России и русским становится с этого момента характерной для политических воззрений графини Блудовой. С годами только крепло ее убеждение в том, что «непреложное право России: ставить свою честь и свое самосохранение выше интересов чужих, выше заносчивых требований мнимых союзников». «Да и то надобно помнить, – замечала она, – что европейские державы уважают одно только: силу»³⁶, а потому «сила и успех – вот единственные гарантии России от иностранцев; разумеется, не одни материальные, но и успехи умственные»³⁷. Позже, видимо, начиная с середины 1850-х гг. эта оценка международной ситуации с точки зрения интересов России была значимой причиной интереса А. Д. Блудовой к теориям и деятельности славянофилов и, в частности, к постулату об особой миссии России по отношению к славянскому (или вернее, православному греко-славянскому) миру. Впрочем, в своих записках она утверждала, что уже в восемнадцатилетнем возрасте, в 1831 г., после взятия Варшавы она «мысленно сочиняла манифест», в котором «ясно и откровенно» разъясняла полякам, что им не следует доверять европейцам, которые «всегда

стараятся поселять раздор между славянами, потому что они боятся той грозной силы, которая составила бы из наших воинственных племен, если бы они все дружно соединились»³⁸.

Вполне естественным выглядит глубокий интерес А. Д. Блудовой к так называемому «греческому вопросу». Многие страницы ее записок напоминают исторический труд об освободительном движении в Греции 1820-х гг., о борьбе «партий» и об отношении к судьбам Греции России и европейских держав. Эти страницы написаны с привлечением исторических источников, выписок из газет и книг, и, самое главное, их автор проявила стремление к созданию обобщающей концепции относительно «греческого вопроса». Разумеется, в законченном виде эта концепция сложилась в представлении Блудовой уже в пореформенный период, но ее интерес к теме зародился еще в конце 1820-х гг., под воздействием впечатлений и известий о Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., Адрианопольском мире и обретении Грецией независимости. Уже тогда героем Антонины Блудовой был граф И. Каподистрия, личности которого уделено немало страниц в ее воспоминаниях, а во время заграничного путешествия семья Блудовых получила трагическое известие о его гибели. Графиня Блудова была уверена, что расстановка сил в политической элите Греции была предопределена влиянием западноевропейского и российского факторов международной ситуации, начиная с конца XVIII в. В записках подчеркивается роль «Греческого проекта» Екатерины II: «духовная связь наша с Европейским Востоком, не понятая на Западе Европы, была понята Екатериной Великой и пленяла ее ум, в то же время как согревала ее женское сердце»³⁹. К временам Екатерины Блудова возводила формирование «русской партии» в Греции. Но с 1793 г. другая часть греческой политической элиты получила «надежду на французов, которые провозглашали свободу повсюду и бросали свои армии на помощь всем, которые восставали где-нибудь против кого-нибудь»⁴⁰. Таким образом, для Блудовой было важно отделить в борьбе Греции за независимость элементы, связанные с политическим радикализмом и революционностью. Вместе с тем, по ее мнению, степень влияния той или иной «партии» в Греции зависела, прежде всего, от официальной позиции России. Мемуаристка подвергла критике внешнюю политику Александра I, впавшего в мистицизм, лелеявшего несбыточные мечты о всеобщем мире христианских государей и принесшего в жертву принципам легитимизма поддержку православных греков (император «жертвовал интересами самыми близкими России и народами искренно преданными ей» во имя ложной роли «всемирного посредника» в общих европейских целях). Таким образом, полагала Блудова, Александр I, который «выше всего дорожил миром в Европе» и не решился принять греческих депутатов во время Веронского конгресса, косвенно

содействовал усилению радикальной партии среди греков, тому, что «справедливое дело взяли в свои руки авантюристы и горячие головы»⁴¹. Характерна следующая фраза Блудовой: «В Вероне, где не приняли греческих депутатов, не понимали того, что лучше перемены осуществлять сверху, чем дожидаться, пока они произойдут снизу»⁴². Заимствование из знаменитой речи Александра II, произнесенной 30 марта 1856 г. перед предводителями дворянства, несомненное, только оно использовано в другом контексте.

В целом записки А. Д. Блудовой свидетельствуют о том, что способ осмысления европейских политических событий рубежа 1820–1830-х гг. оказал значительное влияние на понимание внешнеполитических и внутренних задач Российской империи. Первый вывод, который озвучен в воспоминаниях, о необходимости самостоятельного, независимого внешнеполитического курса России, основанного на приоритете достижения собственных целей, обеспеченного внутренней и международной силой, так же, как и ориентацией на поддержку родственного православного, греко-славянского мира. Второй вывод связан с пониманием особой исторической миссии России в эпоху бурных европейских событий; и здесь обнаруживалась глубокая взаимосвязь вопросов внутренней и внешней политики. А. Д. Блудова ссылаясь на мнение своего отца о том, что в конечном счете все революции в своей основе обусловлены нравственным состоянием нации: «Он полагал, что нравственный разврат, поклонение богатству и житейским наслаждениям, жадность к увеселениям, любовь к роскоши, лень и эгоизм составляют ту почву, на которой растут всевозможные плевелы и сорные травы, что на подготовленное в такой школе население легко действует всякая пропаганда революционная, и печатная, и устная, но, что среди здорового, деятельного человеческого общества, гораздо опаснее всяких политических сочинений те книги, зрелища и привычки, которые развращают нравы и уничтожают семью, которые ставят удовлетворение своих страстей выше долга и считают слово “обязанность” отсталым выражением»⁴³. Иными словами, в представлении Блудовых главная задача внутреннего развития России совпадала с формулировкой ее международной миссии и заключалась в защите нравственных ценностей, основанных на святости семьи, общественного долга, христианской морали. Но ясно, что путь развития страны в таком направлении должны были обеспечить не только государственная идеология и воспитание общественной нравственности, но и внутренние реформы. Некоторые страницы и сюжеты записок графини Блудовой дают возможность реконструировать ее представления о целях внутренних преобразований, социальной опоре государства и о том, какими «в идеале» должны быть сами реформаторы.

«Истинные реформаторы, – писала Блудова, – суть всегда олицетворение целой эпохи, и они всегда глубоко, сознательно и твердо проникнуты мыслью о необходимости предприятия; они проникнуты (иногда даже бессознательно) одним общим стремлением с массой, на которую действуют. А выскочки-благодетели человечества только губят в потоках чернил, если не крови, многие благие намерения»⁴⁴. Образцом такого реформатора для Блудовой, конечно же, был, прежде всего, ее отец, о роли которого в «совещаниях, предположениях и мероприятиях» николаевского царствования она упоминала, но не рассказывала подробно. Ей хотелось видеть совпадение с идеалом в «царственном реформаторе 1861 года», но сюжет о деятелях Великих реформ не был предметом ее воспоминаний по причине того, что в момент их написания он еще принадлежал современности больше, нежели истории. Исторические позитивные примеры реформ Блудова находила в петровских преобразованиях, а из европейских примеров ей наиболее интересны были реформы Карла фон Штейна в Пруссии (1807–1809). О последнем она говорила, что «его управление... положило основание восстановлению Пруссии и самосознанию всего немецкого народа; он поднял дух общества, примирил общее мнение с королем и умел посеять начатки новых лучших учреждений», которые «коренились в самой почве народа»⁴⁵. Иначе говоря, реформы должны иметь укорененность в национальных традициях, должны быть выдержаны в духе постепенности и консервативной народности («народность» как основной идеологический принцип, провозглашенный в царствование императора Николая) и в конечном счете содействовать сплоченности нации и государственной власти, а не нарастанию их противостояния.

Это понимание «народности» как коренного принципа консервативного реформизма вызывало постановку вопроса о формировании социальной опоры государства в многомиллионной крестьянской массе. Размышления над событиями европейской и русской истории приводили Блудову к мысли об особой роли крестьянского населения. Так, говоря об «ужасах революции» во Франции XVIII в., она упоминала «подвиг любви и верности», который в самые сложные времена совершало сельское население Вандеи. «Вообще сельское население всегда самое мирное (или, по нынешнему выражению, самое консервативное), везде предано, так сказать, лично своему государю, на которого смотрит как на посланника Божия, на олицетворение Отечества и вместе как на старшего и на главу семейства, то есть обширного семейства всего народа. Эти отношения развиваются и крепнут там, где много богатых и небогатых дворян живут большую часть года в своих усадьбах, в хорошем расположении к земледельцам, и где хлебопашество или рыбная ловля суть занятия масс, то есть там, где нет фабричного разврата, нищенства и сребролюбия

и куда не заезжают магнаты с своею роскошью и пустой жизнью»⁴⁶.

Нельзя не заметить, что приведенный фрагмент практически зеркально повторяет концепцию «мужицкого царства», защищаемую известным идеологом Великих реформ К. Д. Кавелиным, и, конечно, свидетельствует о близости графини Блудовой к среде так называемых «либеральных бюрократов». Во всяком случае, в тексте ее записок присутствует концепция крестьянской реформы 1861 г. как масштабной и беспрецедентной «революции сверху», осуществленной верховной властью в интересах защиты общественного спокойствия путем «обеспечения землею целых миллионов народонаселения». Блудова писала об «огромной силе того правителя, который мог, безбоязненно, перекрестясь, одним своим словом совершить всецелый переворот в своем крае, радикальную, социальную революцию, эту задачу, неразрешимую в Европе, где не хватает на нее взаимной между правителями и подданными веры, любви и смирения»⁴⁷. Мнение Блудовой соприкасается с историографическим сюжетом о роли консервативных компонентов в идеологии Великих реформ. Зарубежные исследователи, как правило, не признают либеральной основы мировоззрения «просвещенной бюрократии», полагая, что главным мотивом ее деятельности было сохранение институтов самодержавия и регулирующих, дисциплинарных механизмов государства и общины в отношении экономики⁴⁸. Многие современные российские историки склонны к подобной же точке зрения. И. А. Христофоров предлагает компромиссный подход, поскольку приходит к выводу об эклектичности мировоззрения идеологов и авторов крестьянской реформы (либеральные представления скорректированы влиянием романтического национализма, славянофильства, практикой менеджмента самодержавного государства)⁴⁹.

А. Д. Блудова принимала активное участие в обсуждении и подготовке крестьянской реформы 1861 г., в частности, организовав в конце 1850-х гг. эксперимент по освобождению крестьян в своем имении в Смоленской губернии⁵⁰, а в рамках придворного салона отзывалась на главные политические темы 1860–1870-х гг. Но эти сюжеты не были предметом ее воспоминаний и потому требуют отдельного исследования вопроса об участии А. Д. Блудовой (названной одним из современников «умственной герцогиней») в общественно-политической жизни эпохи Великих реформ.

Примечания

¹ См., напр.: *Левин III. М.* Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1974. С. 301–302, 336; *Цимбаев Н. И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 51, 123, 124, 184.

- ² См.: *Родевич М.* Острожское женское училище графа Д. Н. Блудова // Журнал министерства народного просвещения. 1877. Т. 189. С. 57–71; *Дорофеев Ф. А.* Православные братства : генезис, эволюция, современное состояние. Н. Новгород, 2006. С. 145; *Поповкин А.* Графиня А. Д. Блудова и женская благотворительность в России 1860–1880-х годов. URL: <http://ruskline.ru/analitika> (дата обращения: 5.05.2015).
- ³ См.: *Долгих Е. В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века : М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006. С. 13, 31; *Ружицкая И. В.* Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009. С. 24.
- ⁴ См, напр.: *Фикельмон Д. Ф.* Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / публ., сост., коммент. С. П. Мрочковской-Балашовой. М., 2009. Комментарий. С. 615.
- ⁵ См.: *Блудова А. Д.* Записки. М., 1875; *Блудова А. Д.* Записки. СПб., 1878.
- ⁶ См.: Записки графини А. Д. Блудовой // Русский архив. 1872. № 7/8; 1873. Кн. 2, № 11; 1874. Кн. 1, № 3; 1874. Кн. 1, № 4; 1875. Кн. 1, № 2; 1875. Кн. 2, № 6; 1878. Кн. 3, № 11; 1879. Кн. 3, № 11; 1879. Кн. 3, № 12; 1889. Кн. 1, № 1 (Далее ссылки на это издание записок А. Д. Блудовой с указанием только номеров «Русского архива»).
- ⁷ См.: *Фикельмон Д. Ф.* Указ. соч.
- ⁸ См.: *Нарышкина Е. А.* Мои воспоминания. Под властью трех царей / вступ. статья, сост., коммент. Е. В. Дружининой. М., 2014.
- ⁹ См.: Война женскими глазами : Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов / сост., вступ. статья В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. М., 2005.
- ¹⁰ См.: *Бокова В. М., Филатова Н. М.* Польское восстание 1830–1831 гг. : взгляд с двух сторон // Война женскими глазами... С. 35, 37.
- ¹¹ Из записок Марии Аггеевны Милютиной // Русская старина. 1899. Т. 97, кн. 1–3; Подробнее см.: *Морозова Е. Н.* Историко-психологический портрет семьи реформатора (на примере семьи Н. А. Милютина) // Жизнь в городе : частная и общественная. Саратов, 2009. С. 38–42.
- ¹² См.: *Аксакова В. С.* Дневники. Письма / сост., подгот. текстов, коммент. Т. Ф. Пирожковой. СПб., 2013.
- ¹³ См.: *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Дневник (1855–1882). М., 1990.
- ¹⁴ Русский архив. 1889. Кн. 1, № 1. С. 39.
- ¹⁵ Русский архив. 1872. № 7/8. С. 1218, 1219.
- ¹⁶ Там же. 1873. Кн. 2, № 11. С. 2118.
- ¹⁷ Там же. 1872. № 7/8. С. 1224.
- ¹⁸ Там же. С. 1225–1226.
- ¹⁹ Там же. 1889. Кн. 1, № 1. С. 39. С. 62.
- ²⁰ Там же. С. 65.
- ²¹ Там же. С. 63.
- ²² Там же. 1875. Кн. 2, № 6. С. 182.
- ²³ См.: *Долгих Е. В.* Указ. соч. С. 11.
- ²⁴ Русский архив. 1872. № 7/8. С. 1228.
- ²⁵ Там же. 1889. Кн. 1, № 1. С. 65–66.
- ²⁶ Там же. 1872. № 7/8. С. 1289.
- ²⁷ Там же. С. 1244.
- ²⁸ Там же. С. 1254.
- ²⁹ Там же. С. 1250.
- ³⁰ Там же. 1874. Кн. 1, № 3. С. 747.
- ³¹ Там же. С. 752.
- ³² Там же. С. 713.
- ³³ Там же. 1879. Кн. 3, № 11. С. 365.
- ³⁴ Там же. 1872. № 7/8. С. 1284, 1292.
- ³⁵ Там же. 1874. Кн. 1, № 3. С. 730.
- ³⁶ Там же. 1875. Кн. 2, № 6. С. 184.
- ³⁷ Там же. 1874. Кн. 1, № 3. С. 732.
- ³⁸ Там же. 1878. Кн. 3, № 11. С. 348.
- ³⁹ Там же. 1875. Кн. 2, № 6. С. 159.
- ⁴⁰ Там же. С. 160–161.
- ⁴¹ Там же. С. 174–176.
- ⁴² Там же. С. 176.
- ⁴³ Там же. 1872. № 7/8. С. 1258.
- ⁴⁴ Там же. 1889. Кн. 1, № 1. С. 95–96.
- ⁴⁵ Там же. 1873. Кн. 2, № 11. С. 2132, 2136.
- ⁴⁶ Там же. 1874. Кн. 1, № 3. С. 745.
- ⁴⁷ Там же. С. 731.
- ⁴⁸ См., напр.: *Lincoln W. B.* In the Vanguard of Reform : Russian Enlightened Bureaucrats 1825–1861. Illinois, 1982; *Уортман Р. С.* Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.
- ⁴⁹ *Христофоров И. А.* Судьба реформы : Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.
- ⁵⁰ См.: *Кочукова О. В.* «Справедливость требует спросить самих крестьян» : опыт диалога либеральных реформаторов с крестьянами накануне реформы 1861 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 18–19.

УДК 94 (47) 081

Н. А. МИЛЮТИН В ВОСПОМИНАНИЯХ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ЕГО ЖЕНЫ, М. А. МИЛЮТИНОЙ

Е. Н. Морозова

Саратовский государственный университет
E-mail: morozovaen@mail.ru

В статье анализируются «Записки» М. А. Милютиной и ее переписка с И. С. Тургеневым, опубликованные в «Русской старине», а также архивные документы из фонда Милютиных (РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149). Исследованные материалы позволили дополнить биографию Н. А. Милютина новыми штрихами, показать закулисную борьбу в самый сложный момент деятельности реформатора (середина 1850 – начало 1860-х гг.), увидеть особенности его характера во взаимоотношениях с женой, единомышленниками, консервативной оппозицией.

Ключевые слова: Н. А. Милютин, М. А. Милютина, «Записки», эпистолярное наследие, образ реформатора, Редакционные комитеты, крепостное право, городское общественное управление.

N. A. Milyutin in Memoirs and Epistolary Heritage of His Wife M. A. Milyutina

Е. N. Morozova

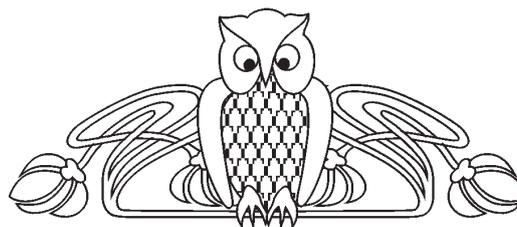
The article analyses «The Notes» by M. A. Milyutina and her correspondence with I. S. Turgenev, published in «Russkaya Starina», and also archive documents from Milyutin's Fund (RGA, F. 869. Op. 1. D. 1149). The studied materials provided new features to N. A. Milyutin's biography, showed the backstage struggle in the most complicated period of the reformer's activity (mid. 1850s to early 1860s) and revealed the peculiarities of his character in his relations with his wife, the like-minded people and the conservative opposition.

Key words: N. A. Milyutin, M. A. Milyutina, «The Notes», epistolary heritage, reformer's image, editorial boards, slavery, municipal public government.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-25-32

Н. А. Милютин принадлежал к новому поколению реформаторов, к поколению просвещенной бюрократии, которая осуществила подготовку всего комплекса Великих реформ в России¹. Несмотря на ту огромную роль, которую сыграл Милютин в подготовке крестьянской реформы и земского самоуправления в России, еще не написана его биография на русском языке. Это, возможно, объясняется тем, что Н. А. Милютин не вел дневников, подобно своему брату, он не оставил воспоминаний, ибо прожил короткую жизнь (54 года), причем последние 5 лет Николай Алексеевич тяжело и неизлечимо болел.

«В России неизвестен в полном свете чудный нравственный облик Н. Милютина, – так отзывались «Отечественные записки» в 1880 г. на публикации А. Леруа-Болье в «Revue des Mondes», – и нет ничего удивительного, что не у нас в России,

а на страницах иностранного журнала впервые является полная оценка личности и деятельности государственного человека, положившего все свои силы на благо русского народа и Родины»². Это замечание актуально и сейчас. Существуют две работы западных авторов биографического плана, посвященные Н. А. Милютину: французского историка А. Леруа-Болье и американского исследователя Брюса Линкольна³.

Первая монография изобилует фактическими ошибками (это и неудивительно, так как Леруа-Болье обратился к биографии Милютина через несколько лет после его смерти). Книга Брюса Линкольна более репрезентативна. Автор использовал фонды отечественных архивов, мемуары деятелей Великих реформ, в которых есть упоминания о Милютине. Особый интерес представляют те страницы книги, где речь идет о детских и юношеских годах Николая Алексеевича, его участии в различных литературных кружках до отъезда из Москвы в Петербург. Линкольн использовал опубликованные «Записки» М. А. Милютиной в той мере, в какой требовал замысел книги в жанре научно-познавательной биографии.

Практически единственным источником, откуда можно извлечь материал о Николае Алексеевиче Милютине, являются «Записки» его жены, Марии Аггеевны, хранящиеся в РГИА⁴, которые в 1899 г. (с некоторыми купюрами) были опубликованы в «Русской старине»⁵. Здесь напечатана только та часть «Записок», которая касается периода 1855–1861 гг., вплоть до отставки Н. А. Милютина.

«Записки» Марии Аггеевны охватывают не-большой по времени, но самый значимый период в жизни Н. А. Милютина. Ее воспоминания лишены некоторых черт «женской» мемуаристики. Здесь отсутствует характеристика повседневности, бытовых мелочей, сведений о знакомых, светских сплетен и пр., всего того, что так свойственно наблюдательному (и часто недоброжелательному) женскому глазу. Вспомним мемуары Смирновой-Россет, Тютчевой и др.

В статье исследуется переписка Н. А. Милютина с А. В. Головинным, Ю. Самаринным, кн. В. Черкасским, в.к. Еленой Павловной (РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149), охватывающая почти год (апрель 1860 – май 1861), где изложены все перипетии драматической отставки Н. А. Милютина с поста временно исполняющего должность товарища министра внутренних дел. Значительный интерес представляют собственноручные пометки

на этих письмах Марии Аггеевны Милютиной, которые скрупулезно уточняют даты и события.

Сведения о последних годах жизни Н. А. Милютина можно почерпнуть из переписки М. А. Милютиной с И. С. Тургеневым⁶.

В апреле 1855 г. Милютин в возрасте 37 лет женился на Марии Аггеевне, урожденной Абаза (1834–1903). Подробности о ее первом появлении в роли замужней дамы сообщает И. И. Панаев. Он в своем письме к И. С. Тургеневу от 15 июня 1855 г. среди других новостей пишет: «Милютин вернулся из Москвы с женой и живет в Лесном Институте. Она была поражена тем, что Боткин в Москве объявил ей с первого раза: “Вы симпатичная-с, да, да, очень симпатичная и оставил ей на память апельсин”»⁷.

Мария Аггеевна стала верной спутницей и единомышленницей своего знаменитого мужа. Она, несмотря на свое происхождение, сторонилась большого света, ибо выросла в одиночестве (братья и сестры были намного старше ее), без матери, которую потеряла в двухлетнем возрасте, без покровителей. Она неохотно ездила в Михайловский дворец к в. к. Елене Павловне, считая, что эти визиты отвлекают ее от домашних дел, заботы о детях и «вводят в туалетные издержки»⁸.

Жене Милютина «от родственников приходилось слышать нареkania и зловецкие предсказания» о будущем своего супруга: «он далеко не уйдет, что он рано или поздно сломит себе шею»⁹.

О самой Марии Аггеевне известно немного. Она родилась в семье действительного статского советника Аггея Васильевича Абазы (1782–1852) и Прасковьи Логгиновны, урожденной Манзей (1800–1837). Наибольшую известность из членов их семьи приобрел брат Марии Аггеевны, А. А. Абаза (1821–1895) – в 1880-х гг. министр финансов России¹⁰. Судя по словам Милютиной, у нее и Николая Алексеевича были хорошие отношения с Александром Аггеевичем, у которого они гостили в усадьбе «Райки»¹¹.

О том, что М. А. Милютина обладала незаурядным умом, свидетельствует ее восьмилетняя (1867–1875 гг.) переписка с И. С. Тургеневым. Его и семью Милютиных связывали дружеские отношения. В примечаниях к письмам Мария Аггеевна, тогда уже по второму мужу Стиль, уточняет, что весной 1867 г., когда Н. А. Милютин был уже тяжело болен, они поселились в Баден-Бадене, и «пребывание там И. С. Тургенева много способствовало этому выбору»¹².

Когда Тургенев намеревался приехать в Россию и посетить Москву, то Милютина предложила ему остановиться у них. В своем письме от 26 декабря 1870 г. Тургенев пишет Марии Аггеевне: «Чрезвычайно благодарен вам за ваше радушное предложение гостить у вас в доме...»¹³.

Писатель доверял тонкому литературному вкусу четы Милютиных, о чем свидетельствуют многочисленные факты. Он читал у них в доме свои произведения¹⁴ и просил Марию Аггеевну

прислать ему новые книги (в частности, «Войну и мир» Л. Н. Толстого). В свою очередь, писатель отослал ей «Русский архив» за 1867 год¹⁵. Тургенев ценил мнение Милютиной, как по поводу прочитанных и рекомендованных ею книг, так и по поводу своих произведений. В письме на имя Н. А. Милютина от 2 марта 1869 г. Иван Сергеевич замечает: «... вы могли убедиться, что я послушался советов Марии Аггеевны и (К. Д.) Кавелина, и вообще много переделал и прибавил»¹⁶.

В то же время он побаивался ее нелюбимой критики, о чем свидетельствует письмо от 5 января 1870 г., где он оправдывается перед Марией Аггеевной за перевод «Странной истории»: «Но я не могу не попенять на вас за то, что вы перевод моей “Странной истории” в “Голосе” могли принять за мой текст!» Писатель уверял адресата, что против него «из злости» состоялся своеобразный заговор, и «перевести мою бедную вещицу» дали «какому-то тупому семинаристу... а вы! или может быть меня напрасно обуюла гордость – и между текстом этого барана и моим, в сущности, нет никакой разницы?... может быть»¹⁷.

Характеристика личности М. А. Милютиной помогает понять особенности ее главного произведения – «Записок». Эти мемуары позволяют поновому взглянуть на известные сюжеты, выяснить реакцию Н. А. Милютина на те или иные события, отношения с императорской фамилией (в. к. Еленой Павловной и государем Александром II).

«Записки» Марии Аггеевны помогают уточнить некоторые факты из биографии Милютина. В частности, это касается отношений Николая Алексеевича с его дядей по матери, известным российским реформатором, П. Д. Киселевым. В. Якушкин считал, что большую роль в формировании мировоззрения Н. А. Милютина сыграло «то направление, которым он, еще мальчиком, успел проникнуться в семейном кругу, благодаря влиянию его дяди, П. Д. Киселева»¹⁸. Но Мария Аггеевна, видимо, со слов мужа или в результате своего знакомства с этой известной семьей, утверждает, что отношения П. Д. Киселева с родственниками были совсем не безоблачны. Богатая и знатная семья Киселевых не могла простить Елизавете Дмитриевне, матери Н. А. Милютина, мезальянса. Мемуаристка сообщает, что «Киселев, далеко не зараженный nepотизмом», держал «племянников очень строго, пока они сами не вышли в люди и не обратили на себя внимание»¹⁹ (так у автора. – Е. М.).

Этот сюжет почти дословно излагает П. П. Семенов-Тянь-Шанский, указывая, что П. Д. Киселев «был чужд всякого nepотизма», «не обладал душевной теплотой и стоял очень далеко от интересов ближайших своих родных, вследствие чего он приблизил к себе своих племянников не ранее начала 1850-х гг., когда Дмитрий Алексеевич, будучи уже профессором Военной академии, прославил себя несколькими прекрасными сочинениями по военной истории и статистике, а

Николай Алексеевич, уже в должности директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, сделался известным своими умными и смелыми реформами в городском управлении»²⁰.

Справедливости ради нужно сказать, что П. Д. Киселев помог оплатить обучение детей своей сестры в престижном учебном заведении²¹. Может быть, Мария Аггеевна и преувеличивает степень неприязни П. Д. Киселева к Н. А. Милютину, ибо чета Милютиных гостила у него на даче в Лесном Институте. Киселев продолжал и позже интересоваться делами Николая Алексеевича, о чем свидетельствует письмо Тургенева к Марии Аггеевне от 1 декабря 1868 г.: «Я в Париже был у графа Киселева и просидел у него около часа. Я нашел его нравственно бодрым, хотя физика видимо разрушается. Мы, разумеется, говорили много о Николае Алексеевиче»²². М. А. Милютин-на оставила это письмо без комментариев.

Мария Аггеевна пыталась сохранить объективность в своих мемуарах, говоря о П. Д. Киселеве. Но в подтексте ее ремарки, когда она пишет о поездке графа и племянника к в.к. Елене Павловне, чувствуется едва скрытое осуждение. Она подчеркивает, что Киселев «не очень охотно» повез туда Н. А. Милютину, «поглощенного трудовой жизнью и чуждавшегося всяких величий, за что дядюшка называл его демагогом». Безусловно, в словах Марии Аггеевны сквозит неприкрытая обида (хотя эти события произошли до ее замужества). «Чтоб молодой человек не возгордился приглашением, – продолжает мемуаристка, – он счел нужным, между прочим, сказать ему, что великая княгиня большая покровительница искусств, и что он приглашается именно в качестве артиста»²³. Что же так могло задеть Марию Аггеевну (и Николая Алексеевича)? Действительно, в Московском благородном пансионе по свидетельству Д. А. Милютину, учащиеся «зачитывались историческими романами В. Скотта, новыми романами М. Загоскина, бредили романтической школой того времени, знали наизусть многие из лучших произведений наших поэтов»²⁴. В пансионе существовало Общество любителей русской словесности, издавалось 4 рукописных альманаха, «которые ходили по рукам между знакомыми, родителями, товарищами». В редактируемом Д. А. Милютиным альманахе «Улей» впервые были помещены некоторые из произведений М. Ю. Лермонтова (ушедшего из пансиона годом ранее Д. А. – Е. М.)²⁵.

В зимние каникулы в пансионе устраивались театральные представления, в которых блистал Н. А. Милютин – «страстный любитель театра»²⁶. В РГИА, в фонде Милютиных, сохранились «литературные упражнения» Н. А. Милютину: драмы, басни, перевод Байрона, отрывки из романа, таблицы стихотворных размеров с примерами и т. д.²⁷ Обладая импульсивным, пылким, увлекающимся характером, Н. А. Милютин не мог определить, какую карьеру изберет для себя:

артиллерийского офицера (по примеру брата) или поступление в университет. Его увлечение театром и литературой привело к тому, что он забросил остальные учебные предметы и был вынужден остаться еще на год в пансионе. Лето 1835 г. стало важным моментом в становлении личности будущего реформатора: этот период был посвящен размышлениям, самонаблюдению, самопознанию. Именно тогда Николай Алексеевич понял, насколько он мало знает: «В моих мыслях хаос. Я все больше и больше убеждаюсь, как мало знаний я получил и как много мне еще надо выучить. Я так горю желанием узнать еще больше, что я практически бросаюсь на изучение всех новых предметов, которые попадают в круг моего внимания», – писал он брату Дмитрию²⁸.

Но ко времени поездки к в.к. Елене Павловне Н. А. Милютин прошел серьезный жизненный путь. В 17 лет осенью 1835 г. Н. А. Милютин уехал в Петербург, поступил на службу в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. Здесь сказались его блестящие умственные и организаторские способности. Николай Алексеевич превратился из мелкого канцелярского чиновника в блестяще эрудированного, хорошо подготовленного общественного деятеля, уже имевшего опыт реформаторской деятельности. Он провел реформу общественного управления в Санкт-Петербурге в 1846 г., которая вызвала фурор как среди сторонников реформатора, так и особенно среди его противников.

Воспоминания всегда субъективны. Эта проблема встает и при чтении мемуаров М. А. Милютину. Истину можно выяснить лишь при сопоставлении с другими видами источников. В частности, Мария Аггеевна пыталась выяснить, откуда у Н. А. Милютину взялись прозвища «красный», «Марат», «Робеспьер», в чем корни неприязни к нему императора. Ее истоки Мария Аггеевна видит в вышеуказанной городской реформе. Она вызвала гнев консервативной бюрократии и аристократической фронды. Небезызвестный представитель последней, М. Безобразов, отмечает М. А. Милютину, пожаловался дядюшке, кн. А. Ф. Орлову, председателю Государственного совета, и «поднял грозное знамя нападения». Мемуаристка иронически передает возмущение оппозиции: «Как!... Дума не только делает оппозицию генерал-губернатору, не только самовластвует в своих распоряжениях, она еще присваивает себе гласность печати, которая не существует! Не самое ли это вредное, революционное учреждение? Возможно ли его терпеть в государстве?»²⁹

Мария Аггеевна детально рассказывает о воследовавших событиях. «В таком свете было представлено дело на обсуждение министров. Под особым покровительством председателя кн. Орлова, генерал Игнатьев испросил разрешение лично внести и представить свою записку в совет министров», – пишет она³⁰. Далее Милютин-

на эмоционально повествует о разразившейся «страшной буре», от которой «содрогнулся совет министров». Думу обвинили «в государственной измене» и главным виновником называли Николая Алексеевича, «создателя этого революционного учреждения и ныне главного защитника его в министерстве внутренних дел»³¹.

Архивные материалы полностью подтверждают сведения, приведенные М. А. Милютиной. Положение об общественном управлении Петербурга было составлено в Министерстве внутренних дел, обсуждено в Государственном совете и утверждено 13 февраля 1846 года. В основе избирательной системы, предложенной Милютиным, лежал принцип пропорционального представительства от сословий.

По новому проекту распорядительная власть в С.-Петербурге принадлежала Общей думе в количестве 750 человек, где были представлены все городские сословия. Исполнительную власть осуществляла распорядительная Дума, состоявшая из представителей городского общества и одного члена от правительства³².

С. С. Ланской в своем отчете Комитету министров в апреле 1859 г. указывал на положительные итоги этой реформы. К их числу он отнес «бездоимочный взнос казенных податей»; правильно и «без издержек» проведенные рекрутские наборы. Особо министр внутренних дел отметил, что городской бюджет стал бездефицитным³³. Однако эта реформа вызвала противодействие представителей высшей правительственной бюрократии. Н. А. Милютин и его соратники получили прозвище «красных», «революционеров». Не последнюю роль здесь сыграл генерал-губернатор С.-Петербурга граф П. Н. Игнатьев, который стал главным противником городской реформы³⁴.

Уже через год после ее введения Игнатьев обратился с жалобой к императору, в Комитет министров с требованием изменить городское положение от 1846 года. Частично его требования были удовлетворены. В 1847 г. права городского общества ограничивались: усиливался контроль со стороны правительственной администрации³⁵. В апреле 1859 г. Игнатьев вновь обратился в Комитет министров. Он резко критиковал Н. А. Милютину и его реформу. Критические замечания сводились к упрекам в конституционализме, в подражании западноевропейским образцам городского устройства. Генерал-губернатор настаивал на возвращении к старому екатерининскому законодательству. Н. П. Игнатьев утверждал, что «ни одно государство не допускает столь широкого начала представительства, даже при конституционном правлении». Особое возмущение генерал-губернатора вызывал низкий имущественный ценз (100 рублей серебром). Он сравнивал этот ценз с губернским дворянским собранием, где для того чтобы иметь право голоса, необходимо иметь не менее 100 душ и 3 тыс. десятин земли³⁶.

Генерал-губернатор требовал ограничить представительство, установленное в таких «широких размерах», и доказывал, что столь «резкий переход от административной централизации к представительному самоуправлению в самых обширных размерах при нынешнем направлении умов может быть существенно вреден и несовместим с коренными началами самодержавного правления»³⁷.

Подобное наступление на городское общественное управление шло в русле борьбы между либеральной и консервативной бюрократией, резко обострившейся в 1859 г. вокруг проектов крестьянской реформы и проектов в сфере уездного управления, предложенных Министерством внутренних дел³⁸.

Очевидно, что М. А. Милютина была знакома со всеми перипетиями противостояния Н. А. Милютина и его детища (петербургской городской думы) с защитниками старых устоев. Единственная неточность, которую допустила мемуаристка, касается поведения С. С. Ланского в этой ситуации. Она пишет, что «добродушный старец» «не нашелся, что сказать в защиту своего директора»³⁹. По мнению Милютиной, единственным человеком, вставшим на защиту Н. А. Милютина и его преобразований, был А. Горчаков, который не побоялся заступиться за него перед государем. Однако тот, по словам Милютиной, ответил, что «Милютин уже давно имеет репутацию красного и вредного человека»⁴⁰. Однако факты свидетельствуют о другом. Министр внутренних дел, отстаивая коренные начала городской реформы, заявил, что мнение Н. П. Игнатьева расходится с поступившими ходатайствами о распространении Положения на другие города. Ланской скептически отнесся к контрпредложениям военного генерал-губернатора, подчеркнув, что его замечания не имеют «большой частию никакого существенного значения»⁴¹.

Справедливости ради нужно сказать, что на других страницах своих «Записок» Мария Аггеевна с большим пиететом пишет о С. С. Ланском и защищает его от бесконечных нападок оппозиции. Она утверждает, что современники не оценили того, как много сделал «для России этот простой, прямодушный, истинно преданный пользе отечества человек»⁴².

М. А. Милютина проливает свет на взаимоотношения императора Александра II и Н. А. Милютина. Выше указывалось, что император не любил Н. А. Милютину, которого «дворянская партия» называла «красным», «революционером», обвиняла в сочувствии к «коммунизму». Обвинения в «дворянофобии» усилились тогда, когда Милютин и его единомышленники стали готовить проект крестьянской реформы. Мария Аггеевна крайне тяжело переживала эту ситуацию, прежде всего, из-за того что, по ее мнению, таланты мужа не были оценены по достоинству Александром II.

Милютин была весьма расстроена свиданием Николая Алексеевича с императором по поводу получения им ордена. Мемуаристку задел тот факт, что на приеме царь в самых восторженных словах отзывался о брате Николая Алексеевича – Д. А. Милютине, «выражал как бы сомнение в хорошем выборе Ланского, и во всяком случае ясно показывал, что Николай Алексеевич пользовался только доверием своего министра, а не государя»⁴³.

По свидетельству Марии Аггеевны, «эти вечные сомнения насчет его “преданности престолу и отечеству”, эти беспрестанные намеки на вредность его направления оскорбляли лучшие чувства благородной души Николая Алексеевича»⁴⁴. Она приводит слова, сказанные им с огромной горечью: «За кого же меня принимают, если думают, что я могу играть двусмысленную роль, обманывать правительство, если я раз служу ему, беру жалованье и отдаю ему себя всецело, не щадя ни времени, ни сил, ни здоровья»⁴⁵.

Точно ли передала Мария Аггеевна слова мужа – установить невозможно. Но чувства Милютин она описала верно. Это подтверждают архивные документы.

Судя по письмам, в апреле 1861 г. в.к. Константин, С. С. Ланской и Н. А. Милютин не оставляли надежды добиться утверждения последнего в должности товарища министра внутренних дел. Однако 19 апреля последовал отказ Александра II, который, по замечанию М. А. Милютиной, сопровождался «вечными шутками аристократической партии о временно-постоянном исправлении должности товарища министра». Из писем очевидно, что Н. А. Милютин очень болезненно переживал эту ситуацию: «Причины, которые заставили меня продержаться два года в страшном положении временного товарища остались и теперь с полной силой»⁴⁶.

В «Записках» М. А. Милютин дает характеристику друзей и врагов Милютин, пишет о его стиле работы, занимавшей 16–18 часов в сутки.

Не преуспев в попытках его изменить, Мария Аггеевна, с одной стороны, пыталась создать теплую и непринужденную атмосферу в доме, когда «особенно же вечером его двери были открыты для всякого, кто желал видеть Николая Алексеевича; каждый раз у него собирался многочисленный кружок близких к нему лиц»⁴⁷. С другой стороны, она старалась оберегать мужа от гостей, которые приезжали с обычными светскими визитами, и приглашала их для бесед в свои комнаты. В частности, Мария Аггеевна писала, что в тот период, когда решался вопрос о назначении товарища министра внутренних дел⁴⁸, и П. А. Валуев (так же, как и Н. А. Милютин), претендовал на этот пост, он очень часто посещал Милютиных со своей второй женой. Валуев просил М. А. Милютину оказать покровительство супруге, дочери митавского полицмейстера. Мария Аггеевна с юмором говорила об этой даме, просиживающей в ее

апартаментах целые вечера. Впрочем, язвительно заметила мемуаристка, как только Н. А. Милютин утвердили в должности, чета Валуевых моментально исчезла из их дома⁴⁹.

Неформальную рабочую обстановку Мария Аггеевна старалась устроить и на казенной даче Аптекарского острова, в маленьком флигеле, где собиралось Хозяйственное отделение Редакционных комиссий, и Н. А. Милютин со своими единомышленниками вырабатывали проекты будущей крестьянской реформы: «В светлые, теплые летние ночи стол иногда выносился в садик и ставился посреди душистых сиреневых кустов. Заседания начинались около 8-ми часов вечера и длились до 5-ти утра: окончание споров происходило иногда уже за ужином»⁵⁰.

В иных случаях Мария Аггеевна ощущала себя декабристкой: «Что же, в Сибирь прогуляемся», – говаривала она шуточно, «когда приходилось жутко» и радовалась, что это «ободряло мужа». Позже, когда начался новый этап в карьере Милютин, связанный с преобразованиями в Польше, он искренне сожалел, что жена не может жить с ним в Варшаве⁵¹.

Н. А. Милютин обладал чертами харизматического лидера, о чем можно судить и по «Запискам» жены, и оценкам современников. Он имел колоссальный дар убеждения, оказывал большое влияние на людей, сплачивая их вокруг себя. П. П. Семенов-Тянь-Шанский считал, что вокруг Милютин сложилась своя партия, состоявшая из «лучших деятелей Русского Географического Общества»; «из лиц, бывших на службе в Министерстве внутренних дел и в разных других учреждениях, а также при двух великокняжеских дворах Елены Павловны и Константина Николаевича»⁵².

Обладая, как говорили в прежние времена, «нервическим» темпераментом, Н. А. Милютин тяжело переживал нападки консервативной бюрократии, именуемой П. В. Долгоруковым «партией стародуров»⁵³.

Интересны комментарии М. А. Милютиной к переписке Николая Алексеевича с А. В. Головинным, С. С. Ланским, в.к. Еленой Павловной и др., в которых отчетливо видны особенности характера великого реформатора. В начале мая, отмечает М. А. Милютин, узнав о назначении В. Н. Панина главой Редакционных комиссий, муж «... переломал руку. Возбужденное его состояние так сильно, что способствует лихорадке»⁵⁴. Но, несмотря на травму, Милютин продолжал работать: «Члены и Крестьянской и Полицейской комиссий собираются вокруг его постели, он продолжает всем заправлять, раздавать работы. Принимается огромное число посетителей...». Для Марии Аггеевны, по ее словам, это было очень тяжелое время, тем более что одновременно заболела маленькая дочь, «сострадание и беспокойство за обоих» снедали ее⁵⁵.

Судьба Н. А. Милютин как реформатора была трагична. Реализация подготовленных им

законопроектов была передана в другие руки – новому главе Министерства внутренних дел П. А. Валуеву.

Известие об отставке Николая Алексеевича – тот кульминационный момент, где свойственная мемуаристке легкая ироничность и некоторая сухость изложения, резко меняется: боль сострадания и возмущения прорываются сквозь эти строки, торопливо написанные от руки измененным почерком. Даже по прошествии стольких лет записи Марии Аггеевны об этом событии у читателя вызывают чувство сострадания. Позволю себе привести этот документ из фонда Милютиных с небольшими купюрами. М. А. Милютина писала: «Я никогда не забуду страстной (рука М. А. настолько дрожала, что это слово можно прочесть и как «страшной». – Е. М.) пятницы 1861 года. Было раннее утро, я пригостила мужу утренний чай и сидела еще одна в гостиной за самоваром. . . .

Тревожные ожидания какой-то катастрофы в нашем кругу уже несколько дней носились в воздухе. . . . в передней позвонили и человек ввел в гостиную Дм. Оболенского.

– Где Николай Алексеевич? – спросил он, поздоровавшись, с озабоченным лицом.

– Сейчас выйдет, садитесь, отвечала я. Вы с недобрými вестями?

– Правда, сказал князь и передал, в чем было дело! Боже мой! Как перенесет он это, – подумалось мне, и в горле чуть не закипели слезы! Но я наскоро оправилась. . . . Муж уже входил в комнату. Он ласково поздоровался с гостем, но приветливая улыбка почти мгновенно сменилась самым тревожным выражением. . . .

– С. С. Ланского к Пасхе удаляют от министерства и жалуют графом.

– Так? Этого следовало ожидать. Но кого же назначают на его место?

– Валуева.

Уже начавшее бледнеть лицо Н. А. сделалось смертельно бледным, как будто готовился обморок (которым он был подвержен) и выражение глубочайшего страдания разлилось по его лицу. То было не уязвленное самолюбие; нет! А почти физическая боль человека, у которого из сердца вырывают кусок живого мяса, или отчаяние матери, у которой ребенок переходит в руки суровой мачехи, либо утопает в реке у ней перед глазами и она бессильна спасти его от смерти. Хотя с этой минуты можно сказать, что надорвалась жизнь Николая Алексеевича. Этот внутренний переворот продолжался недолго, и мог быть замечен лишь близкому, привычному оку. Несколько мгновенный спустя, он, казалось, уже хладнокровно беседовал с Оболенским, пересыпая свои рассуждения смешными и колкими замечаниями, и как будто вполне предавался своей умной и добродушной иронии; но в ней чувствовалось такое мучительное беспокойство и такая ужасная боль, что я не выдержала, ушла к себе в спальню и, зарыв лицо в подушки, горько заплакала.

Когда затем гость уехал, и Н. А. зашел ко мне. Объяснений между нами никаких не было. Я повисла у него на шее, а он кротко меня обнял и сказал дрожащим голосом: «Добрая моя Машурка, не сокрушайся так за меня»⁵⁶.

Мария Аггеевна настолько тяжело перенесла этот неожиданный удар, что слегла сама. В письме к своему близкому другу кн. В. А. Черкасскому Н. А. Милютин с горечью писал, что «меня вы проводили отсюда со всеми возможными любезностями, т.е. с сенатским званием и с полным окладом»⁵⁷. И далее, в последующих строчках, видна искренняя привязанность и нежность Николая Алексеевича к своей супруге: «Жена хворала, слабеет», и «я смотрю на поездку как благословение неба». Отчетливо понимая причины, по которым его отправляют за границу, Н. А. Милютин саркастически заметил: «Реакция пришла на помощь моему семейному горю»⁵⁸.

При чтении мемуаров и эпистолярного наследия М. А. Милютиной поневоле задаешься вопросом: почему эта женщина все время остается в тени своего мужа? Точность архивиста была присуща Н. А. Милютиной, когда она цитировала многостраничные письма баронессы Э. Ф. Раден, которая вела переписку от имени в.к. Елены Павловны по крестьянскому вопросу⁵⁹; приводила полный текст Записки земского отдела Редакционных комиссий о принципах будущей реформы отмены крепостного права; полностью воспроизводила тексты писем Н. М. Карамзина, Ю. Самарина и многих других к Н. А. Милютину⁶⁰.

В письме И. С. Тургенева упоминается о речи, которую он произнес в годовщину отмены крепостного права 19 февраля 1868 г. на обеде у Милютиных. Мария Аггеевна приводит полностью текст этой речи, который ей передал Иван Сергеевич. Писатель с чувством глубочайшего уважения говорил: «Николай Алексеевич! Четыре года назад мы праздновали в Петербурге сегодняшний знаменательный день (1864 г.), редакционная комиссия присутствовала на этом празднике в полном составе своих членов, а вы – один из главных начинателей и совершителей великого дела освобождения. . . . теперь нас немного, и собрались мы вокруг вас в чужой земле. . . . пока будут существовать на Руси свободные люди – в числе немногих имен, составляющих гордость России, имя Николая Милютина будет произноситься с особенным чувством благодарности и почета»⁶¹.

Эту речь Тургенева Мария Аггеевна сопровождает детальными комментариями: «Ник. Ал. Милютин большой и расстроенный не мог отвечать, но встал, пожал Тургеневу руку. . . . Всего было не более 8-ми человек – (при равном числе западников и славянофилов. . .). За обедом было получено несколько телеграмм из Петербурга, Москвы, Варшавы и провинции»⁶².

Цели, которые ставила перед собой М. А. Милютина, создавая свои мемуары, тщательно комментируя переписку свою и мужа, она сформу-

лировала в «Записках»: «Хорошо было бы иметь полную историю редакционной комиссии, этого поля сражения... порешившее будущее русского крепостного народа! Живое описание главных руководителей разнородных групп и партий, различных мнений и стремлений, ожесточенных споров, упорства и неизбежных компромиссов, влияние двора, интриг большого света, словом всего, что отсутствует в печатных трудах комиссии и официальных бумагах... Моя скромная работа состоит не в том, чтобы рассказывать общий ход законодательного переворота, что превзошло бы мое умение, но указать на источники, к которым обратятся для того в будущем, *собрать материал, нужный для биографии мужа, и так сказать, нанизать вместе письма, которые он писал и получал, соединяя их лишь краткими объяснениями* (курсив мой. – Е. М.)⁶³.

Мария Аггеевна создавала еще при жизни образ реформатора, которого она считала путеводной звездой России, верила в его великую миссию, исполненную величавой строгости и красоты, колоссального труда, «чувства благородной гордости, что принадлежишь народу»⁶⁴.

В общественном сознании второй половины XIX в. прочно укоренился новый образ великого реформатора («Кузнец – Гражданин»)⁶⁵, чему во многом способствовала его жена – Мария Аггеевна Милютинна.

Примечания

- 1 Н. А. Милютин (1818–1872), директор Хозяйственного департамента МВД, временно исполняющий должность товарища министра внутренних дел (1859–1861), член Редакционной Комиссии для составления Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости (1859–1860), глава Комиссии о губернских и уездных учреждениях (1859–1861). С 1864 г. член Комитета по делам Царства Польского; с 1866 г. – главный начальник Собственной е.и.в. канцелярии по делам царства Польского.
- 2 Отечественные записки. 1880. № 2. С. 35.
- 3 См.: *Leroy-Beaulieu A.* Un home d'etat russe. (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inedite. Etude la Russe et a la Pologne pedant le regne d'Alexandre II. (1855–1872). Paris, 1884 ; *Lincoln B.* Nikolai Milutin. An Enlighthened Russian Bureaucrat. Newtonville, Mass., 1977.
- 4 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149.
- 5 См.: Из записок Марии Аггеевны Милютиной (далее – Из записок) // Русская старина. 1899. Т. 97, кн. 1–3; Т. 98, кн. 4.
- 6 См.: Иван Сергеевич Тургенев в записках и письмах к М. А. и Н. А. Милютиным (1867–1875 гг.) (далее – Иван Сергеевич Тургенев...) // Русская старина. Январь 1884. Т. 61.
- 7 Письма И. И. Панаева (1855–1857). Публ. А. Н. Дубовникова. URL://http://www.old.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2073-2-5 (дата обращения: 18.05.2015).
- 8 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 54.
- 9 *Морозова Е. Н.* У истоков земской реформы. Саратов, 2000. С. 143–144.
- 10 К брату М. А. Милютиной, А. А. Абазе, благоволила в.к. Елена Павловна. С. Ю. Витте утверждал, что именно благодаря ей, Абаза сделал такую карьеру. Он был государственным контролером, председателем департамента экономии и министром финансов. Причем Витте подчеркивал, что говоря о протекции, которую ему оказала Елена Павловна, он говорит «в хорошем смысле слова». Абаза отличался «светскостью» и «здравым смыслом». «Воспитанный в салонах Елены Павловны», – отмечает Витте, – «он был начинен либерализмом» (*Vitte С. Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911. М., 1991. С. 145).
- 11 См.: Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 49.
- 12 Иван Сергеевич Тургенев... С. 175.
- 13 Там же. С. 186.
- 14 Там же. С. 175.
- 15 Там же. С. 176.
- 16 Там же. С. 181.
- 17 Там же. С. 183.
- 18 *Якушкин В.* Милютин и редакционные комиссии // Русская старина. 1897. Т. 92, кн. 4. С. 141.
- 19 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 54.
- 20 *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 гг.) в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведывавшего делами Редакционных Комиссий. Пг., 1915. Т. 3. С. 10.
- 21 См.: *Lincoln B.* Op. cit. P. 6.
- 22 Иван Сергеевич Тургенев... С. 180.
- 23 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 54.
- 24 *Милютин Д. А.* Из воспоминаний // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 75–78.
- 25 *Миклашевский А. М.* Михаил Юрьевич Лермонтов в заметках его товарища // Там же. С. 109–110; *Межевич В. С.* Из статьи о стихотворениях Лермонтова // Там же. С. 80.
- 26 *Милютин Д. А.* Указ. соч. С. 77.
- 27 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 65. Л. 39–52, 56 – 57.
- 28 Цит. по: *Lincoln B.* Op. cit. С. 6.
- 29 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 48.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 355. Л. 16, 25.
- 33 Там же. Л. 16–17.
- 34 Игнатьев П. Н. (1797–1879) – генерал-адъютант, петербургский генерал-губернатор (1854–1861).
- 35 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 355. Л. 24.
- 36 Там же. Л. 27.
- 37 Там же. Л. 28.
- 38 См.: *Морозова Е. Н.* Указ. соч. С. 86–129.
- 39 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 49.
- 40 Там же.
- 41 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 355. Л. 17–19.
- 42 Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 43–44.

- ⁴³ Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 51–52.
⁴⁴ Там же. С. 59.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 1.
⁴⁷ Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Воспоминания. М., 1991. С. 317.
⁴⁸ На этот пост министр внутренних дел С. С. Ланской прочил Н. А. Милютину. Но Александр II рассматривал и другие кандидатуры на эту должность, ибо император испытывал личную неприязнь к Н. А. Милютину. Только настойчивость С. С. Ланского спасла положение. Но Н. А. Милютин был назначен временно исполняющим обязанности товарища министра. В этой должности, «вечно вторым», он проработал вплоть до своей отставки.
⁴⁹ Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 60.
⁵⁰ Там же. Кн. 3. С. 576.
⁵¹ Письмо Н. А. Милютину Я. А. Соловьеву (23 марта 1864 г.) // Русская старина. 1880. Т. 27, кн. 2. С. 390.
⁵² Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч. Т. 3. С. 15.
- ⁵³ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. М., 1992. С. 287.
⁵⁴ Это комментарии М. А. Милютиной к письму А. В. Головина от 25.04.1860 г. См.: РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 1.
⁵⁵ Там же. Л. 1–2.
⁵⁶ Там же. Л. 33–34.
⁵⁷ Там же. Л. 36.
⁵⁸ Там же. Л. 37.
⁵⁹ Из записок... Т. 97, кн. 3. С. 577–581.
⁶⁰ Там же. С. 585–593.
⁶¹ Иван Сергеевич Тургенев... С. 175.
⁶² Там же.
⁶³ Из записок... Т. 97, кн. 3. С. 576–577.
⁶⁴ Там же. Кн. 1. С. 288.
⁶⁵ Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова (Спи с безмятежною совестью / Честный Кузнец-гражданин) стала своеобразным клише. См., напр.: Кизеветтер А. А. Кузнец-гражданин (из эпохи 60-х годов) : Очерк деятельности Н. А. Милютину. Ростов н/Д, 1905.

УДК 9(470) «18»

ЕВГЕНИЯ ТУР – МЕМУАРИСТ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматривается мемуарное наследие русской писательницы и публициста Е. В. Салиас де Турнемир. Ее воспоминания посвящены знаменательному событию XIX в. – Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Анализируются взгляды мемуариста на причины и ход военных действий с Османской империей, показано воздействие общественных сил на внешнюю политику страны. **Ключевые слова:** мемуары, общественное мнение, публицистика, армия, Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Eugene Tour – a Memoirist of the Russo-Turkish War of 1877–1878

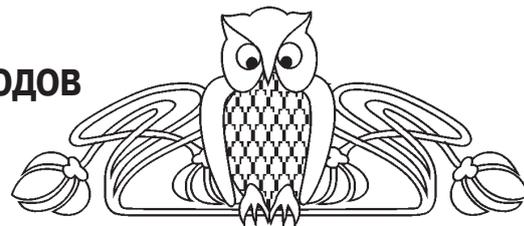
S. A. Kochukov

The article deals with the memorial heritage of the Russian writer and journalist E. V. Salias de Tournemire. Her memories are devoted to a significant event of the XIX century. Russo-Turkish war of 1877–1878. The author analyzes the views of the memoirist concerning the causes and course of hostilities with the Ottoman Empire, shows the impact of public forces in the country's foreign policy.

Key word: memoirs, public opinion, journalism, army, Russo-Turkish war of 1877–1878.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-32-37

В 2012 г. харьковское издательство «Фолио» выпустило небольшим тиражом мемуары Е. В. Салиас де Турнемир «Воспоминания о войне 1877–1878 гг.»¹. А за два года до этого в сборнике «Россия – Болгария: векторы взаимопонимания»

появилась статья исследователя Н. Н. Воробьевой, посвященная этому историческому источнику². В статье содержится обстоятельный обзор мемуаров: времени и места написания, обстоятельств хранения, сопровождаемый биографическими сведениями об авторе. Однако Н. Н. Воробьева фактически не рассматривает общественных позиций мемуариста. Тем не менее этот аспект заслуживает внимания исследователей.

Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (Евгения Тур) русскому обществу была известна в первую очередь как писательница и издатель журнала «Русская речь», который она начала издавать в 1861 г.³ В «Русском биографическом словаре» отмечается, что Салиас де Турнемир «имеет успех у публики»⁴, а мемуарист Е. М. Феоктистов записал в своих воспоминаниях: «...она (Салиас де Турнемир. – С. К.) была, бесспорно, женщина умная, образованная, талантливая, но исполненная больших странностей»⁵. «Странности» эти касались в основном ее личной семейной жизни. И. С. Тургенев считал ее творческой удачей повесть «Антонина». По мнению И. С. Тургенева, Салиас де Турнемир обладала «несомненным талантом, но характер этого таланта – лирический. Евгении Тур не доставало объективности, живости в изображении характеров, и ее герои большей частью бледны; описания страдают отсутствием красок и баналь-

ностью образов»⁶. Тем не менее в образованном обществе ее труды были замечены.

В 1880 г. Е. В. Салиас де Турнемир закончила работать над «Воспоминаниями» о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. К этому моменту она уже отошла от литературной деятельности. Вероятно, что Евгению Тур заставила снова обратиться к перу та общественная обстановка в стране, которая подогревалась балканскими событиями. Интерес русского общества к славянской проблеме к 70-м гг. XIX в. имел уже длительную историю; всеобъемлющий характер он приобрел сразу же по окончании Крымской войны 1853–1856 гг.⁷ Вероятнее всего, в этом не последнюю роль играли и реваншистские настроения. Причем общественные силы России формировали свои взгляды совершенно самостоятельно, без всякого давления правительства. Более того, как считали многие представители русской интеллигенции, правительство само нуждалось в поддержке своей внешней политики со стороны общества. Это особенно емко сформулировал лидер Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксаков, когда писал: «Я полагаю, что самому правительству нужна поддержка общественного мнения, нужна в том смысле, что она может перед Европой указывать на необходимость утишать возбуждение умов и внутри себя “законные сочувствия населения”... возвеличивать через собственные заслуги по части самоотвержения»⁸.

Другая причина интереса «русской Жорж Санд» к проблеме войны с Османской империей была, по всей видимости, личного характера. Ее дочь Мария была замужем за героем только что прошедшей войны генералом И. В. Гурко. Елизавета Васильевна и решила прежде всего изобразить роль этого военачальника в 1877–1878 гг. Более того, мемуары были адресованы непосредственно внукам Салиас, детям Иосифа Владимировича Гурко.

Уже с первых строк воспоминаний понятно, что Евгения Тур хотела всячески подчеркнуть выдающуюся роль Гурко в период «Балканской драмы». «Слава и уважение всего края, которые заслужил отец ваш (имеется в виду И. В. Гурко. – С. К.), досталась вашей матери и мне очень дорого»⁹.

Несмотря на то что война с Османской империей была встречена в России с воодушевлением, сама Евгения Тур изначально была настроена скептически: «Я не разделяла общего настроения, напротив того. Я совершенно враждебно относилась к страстному настроению всей славянофильской партии и большинства публики, увлекшейся мыслию, одни о воссоздании единства “славянского”, другие чисто религиозною мыслию об освобождении “единоверцев” христиан от ига турецкого, басурманского, как говорили в простом народе»¹⁰. Такого рода высказывания представляют немалый интерес, так как они выпадали из общего русла настроений образованного общества

России. Если критика в адрес «славянофильской партии» и И. С. Аксакова встречалась нередко, как среди печатной «братии», так и представителей двора¹¹, то само по себе негативное отношение к предстоящей войне Салиас определяла следующим:

1) ссылкой на преувеличенность общественного воодушевления и масштабов «движения за войну»;

2) мнением о необходимости концентрировать все силы и внимание на внутренних проблемах, а не на аморфно представляемых внешнеполитических задачах;

3) указанием на возможность дипломатической изоляции России и на угрозу войны с европейской коалицией по сценарию Крымской войны¹².

Безусловно, указанные Евгением Тур аспекты были предметом внимания и других представителей русского общества. В частности, К. Д. Кавелин, в отличие от большинства, не только не разделял идеи всеславянства, но и скептически относился к миссии России по освобождению Балканского полуострова от власти турок. Для Кавелина более важными были сугубо внутренние проблемы России, чем чрезвычайно затратная в экономическом и людском плане война с Османской империей. Действительно, экономическое состояние России было не из лучших, и употребление значительного количества средств на борьбу с Портой загоняло Россию в жесткие тиски экономии. В письме к К. К. Гроту К. Д. Кавелин четко объяснил свою позицию по отношению к Русско-турецкой войне: «Вы меня спрашиваете, что я думаю о турецких делах? Сижу в своей норе и негодую на легкомыслие и безобразие русского общества. В деревнях нищета, анархия, дичь, невежество – невообразимые, а мы делаем сборы в пользу балканских славян! Вместо того, чтобы заняться у себя дома и собирать деньги на пользу своих голодающих голяков, черт нас дергает отдавать свои силы и свои деньги балканским славянам – словно у нас все так благополучно, что дома делать нечего и есть избытки, которые мы можем употребить на пользу страждущего мира»¹³.

Писатель К. М. Станюкович также не остался безучастным к событиям Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Можно согласиться с исследователем Н. И. Цимбаевым, который считал, что Константин Михайлович продолжил обличительную линию в русской литературе¹⁴. При безусловной поддержке России в борьбе против Турции Станюкович воспринимал войну совершенно по-другому, нежели И. С. Аксаков. Если последний искренне считал, что страна буквально бурлила и встречала на «ура» открытие боевых действий против Османской империи, то К. М. Станюкович был в заявлениях более осторожен. В произведении «В мутной воде» писатель отмечал: «Говорить о степени и характере возбуждения в нашем обществе довольно трудно, так как проявления

его у нас не имеют публичного характера, но тем не менее, насколько выражались эти проявления среди петербургского общества, надо сказать правду, что проявления эти были в большинстве радостного характера... Какая-то бедно одетая старушка остановилась у разносчика, прочитала телеграмму и залилась слезами тут же на Невском. На нее прохожие глазели с удивлением. Городовой деликатно попросил ее не плакать на улице, так как она делает беспорядок.

– Этакое известие да не плакать!.. Внучек один был, – и того теперь убьют. Я, сударь, мужа и трех сыновей в Крымскую войну потеряла... Так поневоле заплачешь! – проговорила старушка, уходя с Невского в Троицкий переулок.

Такие сцены бывали, но их не описывали в то время. Описывали более проявление восторгов...»¹⁵.

Вообще тема войны в России становилась чрезвычайно модной. Агитация славянофилов имела свою роль. Вот как описывает прием у И. С. Аксакова В. П. Мещерский: «Помню, что голова закружилась от этой массы людей всякого звания, как поток, нахлынувший в его приемную, и как сердце усиленно билось и умилялось от бесчисленных проявлений народного энтузиазма. Как вчера помню этих старушек и стариков, на вид убогих, приходивших вносить свои лепты для славянских братьев в каком-то почти религиозном настроении, я в этой толпе заметил одну старушку, на вид старую, долго разворачивавшую грязненький платок, чтобы достать из него билет в 10 тысяч рублей. И действительно, деньги лились рекою...»¹⁶. Безусловно, не стоит принимать на веру все, что пишет кн. Мещерский, так как Аксаков мог устроить что-то вроде инсценировки специально для знатных, состоятельных и влиятельных лиц. Во всяком случае, выступления в прессе и публичных собраниях сделали И. С. Аксакова чрезвычайно популярным.

Что же касается Салиас, то она была настроена по отношению к предстоящей войне пессимистично. По ее мнению: «Без денег, без оружия, без союзников, без порядка в государстве идти спасать болгар, которых наши же эмиссары, эмиссары Игнатъева, возмутили против турок, которые их порезали, ведь это совершенно безумно. А взять Константинополь? Еще возьмем ли? А если и возьмем, его нам Европа не оставит – да и зачем он нам? Не знаем как сладить со своими, а хотим забирать чужих. Какое преступное безумие, – вот что говорила я близкими»¹⁷.

Может показаться странным, но саму идею И. В. Гурко отправки в Действующую армию Евгения Тур восприняла с видимым неудовольствием, хотя ее воспоминания и наполнены лестными характеристиками в адрес генерала. В своих «Записках» о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Иосиф Владимирович отмечал: «Определить то чувство, с которым я расслышал эти слова (назначение в Действующую армию. –

С. К.), чрезвычайно трудно – тут было всего, но, скажу по совести, после первой минуты радости, очень короткой, немедленно наступило чувство страха за ту громадную ответственность, которую я брал на себя, являясь в армию, так сказать, не по очереди, не по предопределению, но выбранный из всей мобилизационной части армии. Отнимая у других свои части, принадлежащие им, я очень хорошо понимал, что всякий неверный мой шаг подвергнется страшному осуждению»¹⁸.

Во время одного из споров о войне он говорил Салиас: «...турки режут детей и женщин, совершают неслыханные жестокости... освободить болгар дело святое...»¹⁹. С этими доводами она не видела необходимости считаться. Признавая идею защиты Отечества как таковую, Евгения Тур старалась убедить зятя, что «болгары жалки и мало ли кого режут в Азии, нельзя же всех спасать и идти на смерть за чужое дело»²⁰. В то же время она понимала, что такие разговоры ни к чему не приведут, так как знала о твердости И. В. Гурко в принятии решений.

Сам генерал Гурко относился к матери своей жены доброжелательно. Редактор журнала Министерства народного просвещения Е. М. Феоктистов так описывал взаимоотношения Салиас и Гурко: «Иосиф Владимирович был чрезвычайно к ней почтителен и внимателен, ни разу не позволил себе ни единого слова, которое могло бы раздражить или оскорбить ее, он импонировал ей своею сдержанностью, сосредоточенностью и заставлял ее невольно преклоняться пред силой своего характера. Трудно было бы представить себе две столь противоположные натуры, и натура болезненно впечатлительная, нервная, но слабая – инстинктивно уступала натуре энергической»²¹.

Свою «программу» относительно ведения боевых действий генерал Гурко просто и четко изложил перед кавалерийскими офицерами Западного отряда: «Господа, я должен вам сказать, что люблю страстно военное дело. На мою долю выпала такая честь и такое счастье, о которых я никогда не смел и мечтать: вести гвардию в бой. Для военного человека не может быть большего счастья, как вести в бой войска с уверенностью в победе, а гвардия по своему составу и обучению, можно сказать, лучшее войско в мире...»²². Гурко с уверенностью можно отнести к числу «Суворовых» второй половины XIX в. Иосиф Владимирович по сути придерживался той же тактики, что и русский генералиссимус конца XVIII в., несмотря на то что многие «заветы» Суворова просто устарели. В частности, Гурко всячески культивировал суворовское правило «пуля – дура, штык – молодец». Чувствуется, что Гурко знал военную историю и старался при случае быть похожим на А. В. Суворова²³. Общаюсь с солдатами перед атакой, он говорил: «Турки, братцы, стреляют издали и стреляют много, это их дело, а вы, братцы, стреляйте, как вас учили – умно пулей, редко, но метко, а когда придется до дела

в штыки, то продырявлять его. Нашего “ура” враг не выносит»²⁴.

Не изменяя своего отношения к южным славянам, Евгения Тур изменила взгляд на саму Русско-турецкую войну. И повлиял на это все тот же генерал Гурко. Она вынуждена была признать, что русские войска на Балканском театре военных действий выполняют важную миссию. Салиас в своих мемуарах отмечала: «...он (Гурко. – С. К.) описывал восторг, энтузиазм жителей, встретивших его со слезами, цветами и криками восторга, описывал встречу духовенства с крестом и благословениями и благодарственный молебен в соборе... Все ликовало – ликовала и душа его при мысли, что он освобождает христиан от жестокого ига варваров. С этой минуты я стала мало-помалу принимать участие в несчастье населения Болгарии и стала читать газеты, все, какие были, с первой строчки до последней. Но из-за него, из любви к нему я стала любить его дело освобождения»²⁵.

Эта «любовь к его делу» привела к тому, что Евгения Тур стала живо интересоваться военными новостями и даже оказалась подвержена «ура-патриотическим» настроениям, особенно после того, как была взята Шипка, а ее зять получил «Георгия и генерал-адъютантство»²⁶.

Настоящий эффект разорвавшейся бомбы произвела Плевна²⁷. Конечно, никто в русском обществе не мог предположить, что эта турецкая цитадель сможет приковать к себе значительные силы русской армии. В результате неудачи штурмов наметился своеобразный раскол мнений. С одной стороны, представители русского общества, среди которых были И. С. Аксаков, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, настаивали на скорейшем завершении «плевненского дела», которое тормозит процесс освобождения славян²⁸. С другой стороны, непосредственные участники войны, которые вживую столкнулись с трудностями войны²⁹, представители русского офицерства уже не разделяли оптимистических планов быстрой победы и достаточно точно определяли причины неудач под Плевной и Шипкой. Одна из главных причин – это недостаток информации. По словам начальника штаба А. А. Непокойчицкого: «Мы ничего не знаем о противнике»³⁰. Его мнение дополняет полковник Генерального штаба П. Д. Паренсов: «Полевой штаб... действовал с поразительной небрежностью и необдуманностью; мало того, разные учреждения Действующей армии не только чуждались, но как будто боялись друг друга...»³¹.

Салиас де Турнемир, так же как и все русское общество, была удивлена и озадачена неудачами русской армии. Успехи ее зятя на Балканах в определенной степени вселили в нее уверенность в том, что русская армия была застрахована от такого рода неудач. Тем не менее она была вынуждена признать: «Это известие (неудача штурма Плевны. – С. К.) встревожило не только наш

маленький мир, но и всю Россию. Смутно мы чувствовали, что это местечко может превратиться в грозное препятствие на пути нашей армии, или просто тревожились, потому что после удачной переправы через Дунай и блистательного похода за Балканы и взятие Шипки никто не ожидал неудачи»³².

Для Евгении Тур виновником всех бед под Плевной был «генерал Шильдер-Шудлер»³³, так она называла Ю. И. Шильдер-Шульднера. Она узнала из периодических изданий, которые регулярно читала, что именно этому генералу было предоставлено право личной инициативы³⁴, но воспользоваться им он так и не сумел. Разведка отряда генерала Шильдер-Шульднера, которому было поручено взять Плевну, просмотрела подход вспомогательных турецких войск из резерва и, даже проведя рекогносцировку боем, не выявила в Плевне значительных сил неприятеля. Решение последовало незамедлительно – атаковать. Недостаточно рассчитанная инициатива сыграла свою решающую и одновременно трагическую роль. Утром 8 июля 1877 г. войска в колоннах, не ожидая особого сопротивления, двинулись на приступ, но встретились с сильнейшим оборонительным огнем со стороны турок. Шильдер-Шульднер потерял управление войсками, и все обернулось бы печально, если бы турки, опасаясь отрыва от укреплений, не прекратили преследования разбитых полков. Потери русских составили 2 тыс. человек убитыми.

Интересным является тот факт, что русская армия, потеряв значительное число военнослужащих под Плевной, совершенно буднично и даже безразлично встретила сам факт капитуляции крепости. Вместо традиционного парада под стенами Плевны был проведен скромный молебен, а офицерство даже не потрудились прекратить в городе мародерство³⁵. Вместе с тем, в самом русском обществе было известно о сдаче этой турецкой крепости только восторженно с небывалым воодушевлением. Глава Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксаков разразился эмоциональной речью в честь этого события³⁶. Взятие крепости Плевна затронула в своих воспоминаниях и Евгения Тур. Многие в Москве, где она на тот момент жила, соотносили взятие Плевны с именем ее зятя, хотя Гурко никакого отношения к взятию этой цитадели не имел. По всей видимости, «русской Жорж Санд» было приятно такое почитание. Во всяком случае в конце своих мемуаров она замечает: «Нельзя не сознаться, что эта неожиданная народная манифестация была нам очень приятна, тем приятнее, что в официальном, особенно военном мире было много людей, дурно расположенных к Жозефу (И. В. Гурко. – С. К.), и еще больше таких, которые завидовали его известности... В Москве лавочки и простые мужики знали его и нарасхват покупали лубочные картинки с его портретом. Повсеместно старушки-богомолницы вынимали

просвиры за его здоровье и слали образочки с безграмотными, но трогательными письмами»³⁷.

Фактически события, связанные с взятием Плевны, заканчивают воспоминания Е. В. Салиас де Турнемир. Несмотря на то что эти мемуары писались для «ближнего круга», они являются важным источником для понимания настроений русского общества в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Примечания

- 1 См.: Салиас де Турнемир Е. В. Воспоминания о войне 1877–1878 гг. Харьков, 2012.
- 2 См.: Воробьева Н. Н. Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Россия – Болгария : векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. М., 2010. С. 121–125.
- 3 См.: Субботин Н. И. Графиня Е. В. Салиас де Турнемир и ее письма // Русский Вестник. 1903. Т. 287, № 10. С. 489–505.
- 4 Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцова : в 25 т. СПб., 1896–1918. Т. 18. С. 65.
- 5 Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 226.
- 6 Русский биографический словарь... Т. 18. С. 65–66.
- 7 См.: Кочуков С. А. Отношение образованного общества России к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Власть. 2011. № 11. С. 163–166.
- 8 Цит. по: Цимбаев Н. И. Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 154.
- 9 Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 39.
- 10 Там же. С. 39–40.
- 11 В частности, М. Н. Катков подверг детальному разбору работу Московского славянского комитета и речи Аксакова как его председателя. Выводы, к которым пришел Катков, поразительны. Он заявил, что «русская помощь христианам не имела организации» (Катков М. Н. Собрание сочинений : в 6 т. СПб., 2010–2013. Т. 2. С. 388). Это может показаться удивительным, ведь именно для этого и был создан Славянский комитет. Тем не менее Катков был убежден в своей правоте, полагая, что подобная «работа» не под силу аксаковскому комитету. Он писал: «Славянский благотворительный комитет явился главным каналом пожертвований и снаряжителем добровольцев. Но он вовсе не подготовлен для представившейся ему деятельности. В самом себе, организация его совершенно не соответствовала расширявшейся с каждым днем цели. Его даже упрекали в том, что у него “Россия, так сказать, выбилась из рук, что он не сумел покрыть ее сетью стройной организации, что не воспользовался в должной мере народною готовностью жертвовать и оставлял множество мест без указаний и руководства”. Дело в том, что Комитет столь же мало подготовлен был к происходящему, как и все русское общество» (Там же. С. 389). Катков был убежден, что Славянский комитет должен был заниматься только жертвованиями, а они, хотя и были значительны, но пущены на самотек и шли, как правило, бездарно (Катков М. Н. Указ. соч. С. 90).

- Гофмейстера императорского двора Е. А. Нарышкина относил всех славянофилов в разряд мечтателей (Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М., 2014. С. 268).
- 12 См.: Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 40–41.
  - 13 Кавелин К. Д. Письмо к К. К. Гроту от 18/VIII 1876 г. // Русская старина. 1899. № 2. С. 381.
  - 14 Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 187.
  - 15 Станюкович К. М. В мутной воде. Жрецы. М., 1966. С. 36.
  - 16 Мецкерский В. П. Воспоминания. М., 2001. С. 356.
  - 17 Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 44.
  - 18 Гурко И. В. Записки о кампании 1877–1878 гг. // Русский орел на Балканах : Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. М., 2001. С. 169.
  - 19 Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 47.
  - 20 Там же.
  - 21 Феоктистов Е. М. Указ. соч. С. 233.
  - 22 Герои русско-турецкой войны 1877–1878 гг. СПб., 1878. С. 81.
  - 23 См.: Кочуков С. А. «Суворовы» Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: боевые генералы в общественном восприятии // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории : сб. материалов VI межвуз. науч. конф. 15–16 февраля 2013 г. Саратов, 2013. С. 50–57.
  - 24 Герои русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С. 81.
  - 25 Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 54–55.
  - 26 Там же. С. 55.
  - 27 См.: Кочуков С. А. «Особое препятствие – Плевна» (к вопросу об отношении русского офицерского корпуса к осаде Плевны) // Российская государственность : от истоков до современности : сб. Междунар. науч. конф., приуроченной к 1150-летию российской государственности (Самара, 13–15 сентября 2012 г.). Самара, 2012. С. 281–286.
  - 28 Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 9 т. М., 2007. Т. 9, ч. 2. С. 293.
  - 29 Даже не военные участники кампании 1877–1878 гг. рассматривали ситуацию под Плевной как опасную. Художник В. В. Верещагин отмечал: «Однако, если строевые офицеры не поняли необходимости укрепления этой позиции – легко доставшейся, легко и отнятой, – как могли просмотреть ее специально образованные офицеры Генерального штаба с полевым начальником их? Зато турки не зевали: редуты воздвигались за редутами и в самое короткое время оборона города была приведена в такое состояние, что две последовательные атаки наши были отброшены с громадными потерями людей, а главное с уничтожением всего престижа, заслуженного русской армией успешною переправой через Дунай, взятием Никополя и набегом Гурко за Балканы... История с Плевной – это в полном смысле слова “histoire des petits paquets”: сначала послали на Плевну маленький отряд, потом дивизию с кончиком, потом два корпуса, потом несколько корпусов, наконец, огромную армию и только с нею, потеряв массу времени, людей и денег, – одолели.

Как мало, как поверхностно мы изучаем историю и как за то мало, как поверхностно она учит нас!» (*Верещагин В. В.* Скобелев. Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. М., 2007. С. 104–105). Верещагину вторит корреспондент В. И. Немирович-Данченко: «Оптимисты говорят, что достаточно двух – трех больших сражений и все для турок будет кончено. Я думаю, что самообольщение такого рода столь же основательно, сколько и практиковавшееся у нас до недавнего времени, презрение к силам неприятеля. Нас ожидают три громадные битвы по сю сторону Балкан» (*Немирович-Данченко В. И.* Год войны. Дневник русского корреспондента // Шипка и Плевна слава русского оружия. М., 2003. С. 133).

УДК 94(575.3)

ПАМИРСКИЕ ПОХОДЫ (1891–1894 гг.) В ВОСПОМИНАНИЯХ ИХ УЧАСТНИКОВ

И. В. Чибров

Саратовский государственный университет
E-mail: chibroviv@list.ru

На основе работ русских военных путешественников и исследователей Б. Л. Громбчевского и Б. Л. (Рустам-Бека) Тагеева рассматривается один из эпизодов «Большой игры» России и Британской империи в Средней Азии. Особое внимание обращается на ситуацию в регионе, причины похода, географические условия Памира, отношения между местным населением и русской армией.

Ключевые слова: Большая игра, завоевание Средней Азии, Памирские походы Ионов, Б. Л. Громбчевский, Б. Л. (Рустам-Бек) Тагеев.

The Pamir Campaigns (1891–1894) in the Memoires of their Participants

I. V. Chibrov

Based on the works of Russian military travelers and explorers B. L. Grombchevski and B. L. (Rustam-Bek) Tageev, the one of the episodes of the Great Game between Russia and the British Empire for supremacy in Central Asia is considered. The report focuses special attention on the situation in this region, the reasons for the campaigns, the local geography of Pamir, the relations between the locals and the Russian army.

Key words: Great Game, Russian Conquest of Central Asia, Pamir campaigns of Ionov, B. L. Grombchevski, B. L. (Rustam-Bek) Tageev.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-37-39

К концу XIX в. почти весь мир был поделен на сферы влияния. Несмотря на то что Российская империя имела большое количество необжитых территорий, она также участвовала в этом процессе. За довольно небольшой исторический промежуток благодаря силе оружия к России были присоединены обширные области Средней Азии –

³⁰ Золотарев В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 189.

³¹ Паренсов П. Д. Из прошлого. Из воспоминаний офицера Генерального штаба : в 2 т. СПб., 1901–1904. Т. 1. С. 175.

³² Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 57.

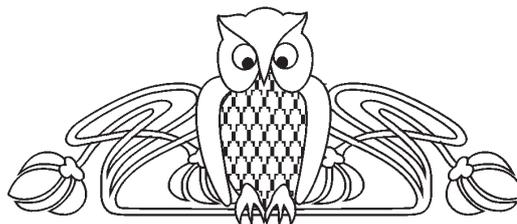
³³ Там же. С. 56.

³⁴ См.: Золотарев В. А. Указ. соч. С. 82.

³⁵ См.: Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года. Письма Е. Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С. 297.

³⁶ См.: Аксаков И. С. Славянский вопрос 1860–1886. М., 1886. С. 213–315.

³⁷ Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 111–112.

Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства. Однако успехи русских военачальников не могли не тревожить другие государства, претендовавшие на территории в данном регионе. В первую очередь такой ход событий не устраивал Великобританию, чьи владения в Индии также постепенно расширялись на север.

По мере сближения границ между Российской и Британской империями, примерно с 30-х гг. XIX в., начинается борьба за сферы влияния в Центральной Азии. Англия опасалась укрепления роли России в данном регионе, мотивируя это угрозой своим владениям в периоды дипломатических или военных осложнений между двумя странами¹. Следует отметить, что опасения эти были не беспочвенны. Еще император Павел I в период своего правления предпринимал попытку отправить отряд донских казаков под командованием В. П. Орлова через территорию Средней Азии в Индию. Однако произошедший 1 марта 1801 г. дворцовый переворот не дал осуществиться этим планам.

В следующий раз к идее Индийского похода вернулись после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., так как королева Виктория не была согласна с условиями Сан-Стефанского мирного договора, и с Дарданеллы были направлены английские боевые корабли². В этих условиях разработка плана Индийского похода могла стать своеобразным рычагом давления на британское правительство.

Следует отметить, что великие державы действовали не только военными методами. По дипломатической линии было предпринято также немало усилий, направленных на разграничение сфер влияния в Центральной Азии.

В 1869 г. между двумя столицами начались переговоры о демаркации границ в регионе. Британская сторона предложила идею создания буферной зоны между владениями, и русское внешнеполитическое ведомство ее поддержало. Однако разграничение сфер влияния было проведено только в 1873 г. Буферной зоной между двумя империями был признан Афганистан, а точнее территории, находившиеся на момент подписания данного соглашения под контролем эмира Афганского³. Особенностью соглашения стал тот факт, что границы буферного государства нельзя назвать сложившимися на момент его подписания. Небольшие ханства то признавали свою зависимость от эмира, то объявляли о своей независимости. К тому же правительства обеих империй имели весьма слабые представления о географии региона, что привело к расплывчатости формулировок и, как следствие, множественности толкования и невозможности четкого установления границы.

Демаркация западного участка северной границы Афганистана была осуществлена по российско-британскому соглашению, подписанному 10 июля 1887 г. в Петербурге. Однако на северо-восток от озера Зоркуль, расположенного в глубине Памира в сторону Китайского Туркестана, граница не была установлена. Это привело к соперничеству за влияние над Памиром между тремя государствами – Британской империей, Россией и Китаем.

Для упрочения позиций России в данную часть Памира в 1891–1894 гг. были направлены несколько военных экспедиций, которые должны были сохранять сферу интересов Российского государства от внешних посягательств. Среди участников данных походов следует отметить подполковника Бронислава Людвиговича Громбчевского и Бориса Леонидовича (Рустам-Бека) Тагеева.

Б. Л. Громбчевский начал свое знакомство со Средней Азией еще в 1875 г., когда оказался в составе 14-го Туркестанского линейного батальона. Впоследствии принимал участие в Алайском походе М. Д. Скобелева, демонстрационных действиях Самаркандского отряда у границы с Афганистаном, работал в комиссии по разграничению Ферганской области с Кашгарией⁴.

В 1888–1890 гг. он совершил два похода на территорию Памирских княжеств. Несмотря на довольно непростые природно-климатические условия, его отряду удалось преодолеть более 3 тыс. верст по гористой местности, исследовал реки Аксу и Вахан-Дарью. В ходе экспедиции 1889–1890 гг. он стал свидетелем захвата афганскими войсками княжеств Шугнан и Рошан⁵.

По возвращении из экспедиции Б. Л. Громбчевский пишет доклад, с которым выступает в Николаевской академии Генерального штаба в марте 1891 г. В своем выступлении он отмечает, что многие правители княжеств Памира симпатизируют «Белому царю», то есть русскому монарху⁶.

В частности, правитель Канджута, Сафдер-Али-хан, показал ему письмо от вице-короля Ин-

дии с призывами принять британское подданство: «Вот письмо, в котором он обещает сделать страну мою арсеналом и казнохранилищем Индии. Я ненавижу англичан и прогнал посланцев. Я знаю, англичане будут мстить мне за это, но я не боюсь их, ибо прислонился к скале, на которой неизбежно стоит Великий Белый Царь»⁷.

Также он отмечает, что Правители Памирских ханств подвергались жестоким наказаниям со стороны афганцев за симпатии, оказанные русским. Правитель Шугнана, Юсуф-Али-хан, казнен был эмиром Абдурахман-ханом за гостеприимство, оказанное им русскому путешественнику доктору Регелю. Правитель Вахана, Али-Мордан-Ша, принял у себя экспедицию капитана Путяты и, опасаясь войск эмира Афганского, бежал в Чатрар⁸.

В ходе экспедиции 1889 г., когда отряд Б. Л. Громбчевского подошел к границам Рошана, правитель Сеид-Акбар-Ша прислал ему письмо, в котором сообщал, что «явились сюда воры-грабители и овладели половиною моих владений... Докладывая вам о положении дел, высказывая надежду, что страна моя будет принята под покровительство Великого Белого Царя, воры же уйдут и перестанут разорять мою родину»⁹. Также в своем письме он сообщает, что «дороги через Шугнан охвачены железным кольцом Афганцами и все находятся в их руках»¹⁰.

Путешественник рисует Памир, страдающим от афганского вмешательства, инициированного англичанами. Кроме того, из его доклада следует, что практически все князья Памира, которых он посещал, поддерживают «Белого царя» и готовы принять российское подданство.

Подводя итог своего повествования, Б. Л. Громбчевский отмечает, что и Англия, и Китай заинтересованы в упрочении своего влияния на Памире. По его мнению, нужно максимально полно использовать ситуацию, сложившуюся в регионе. Сначала следует ликвидировать китайские пограничные посты, после чего заключить новый договор с англичанами.

Русское военное министерство приняло к сведению полученные данные, и весной 1891 г. в Маргелане был сформирован отряд из добровольцев 2-го, 7-го, 15-го, 16-го и 18-го Туркестанских линейных батальонов и 24 казаков 6-го Оренбургского полка. Командовать отрядом, состоящим из 8 офицеров и 114 человек нижних чинов¹¹, был назначен полковник М. Е. Ионов. Также в состав отряда входили подполковник Бронислав Громбчевский, занимавшийся научными исследованиями и картографированием, и Б. Л. Тагеев, принимавший участие в Памирских походах. Б. Л. Тагеев рисует воодушевление в русской армии перед началом похода. Причины похода он описывает следующим образом: «афганцы нарушили наши договоры о границах и выставили свои посты далеко за пограничную линию на нашу территорию. Подстрекаемые англичанами, они заняли Кафиристан и Канджут, а, кроме того, владеют совершенно

незаконно никогда не принадлежавшими им ханствами: Шугнаном, Рошаном и Ваханом, насилуют население и угоняют к себе русских подданных. Китайцы со стороны Кашгарской границы также производят беспорядки на Памире...»¹².

Автор рисует картину противостояния между тремя сторонами. Афганцы, поддержанные англичанами и вооруженные ими же, регулярно совершали набеги на территорию Памирских княжеств, отчего страдало местное население. Китайцы также предъявляли свои претензии на эти территории, выставляя пограничные посты. Отряду М. Ионова пришлось бороться и с теми, и с другими. Целью похода было «обойти Малый и Большой Памир, очистить от китайцев крепость Ак-Таш, занять ханства Шугнан, Рошан и Вахан таким образом, чтобы нашей естественной границей с Индией был хребет Гиндукуш»¹³.

Говоря о походной жизни, он отмечает, что природно-климатические условия были довольно тяжелыми: постоянный ветер, который достигает 20 метров в секунду; постоянные колебания температуры; песок, который забивает «и нос, и глаза, и уши»¹⁴. Русские солдаты страдали от резкой смены погоды: нестерпимый зной сменялся снегопадами.

Также он показывает тяжести, переносимые русскими солдатами из-за подъема в горы: многие жаловались на то, что им тяжело дышать, у некоторых из горла шла кровь: «Вследствие значительно разреженного воздуха и значительной высоты области Памиров, пребывание на них в высшей степени вредно сказывается на здоровье человека и привыкнуть к подобной атмосфере почти невозможно, отчего сильно затрудняется ходьба; приходится часто останавливаться, а во время сна ощущается нередко удушье... Зачастую проявление удушья сопровождается кровотечением из носа, или кровохарканием, и в конце расстраивает человеческий организм...»¹⁵. Тем не менее солдаты стойко преодолевали все трудности походной жизни.

Во время похода М. Е. Ионов не раз встречал англичан, которые занимались разведкой местности и агитацией в пользу Англии. Так, например, в ходе первого похода им был встречен гвардейский капитан Френсис Янгхазбенд, который был выдворен за пределы русской сферы влияния. Еще один англичанин, лейтенант Девиссон, был арестован казаками отряда М. Е. Ионова и отправлен в Фергану¹⁶.

Довольно подробно Б. Л. Тагеев описывает афганскую армию. Он отмечает, что армия состоит из пехоты, кавалерии и артиллерии; кроме того, в армии выделяется регулярная армия и ополчение. Говоря о вооружении афганцев, он отмечает, что вооружены они английскими винтовками и артиллерией, которая, однако, немногочисленна (до 300 орудий)¹⁷. Автор изображает афганских воинов довольно храбрыми, но в то же время из его рассказа ясно, что они заметно уступают русской армии.

Китайский отряд, встреченный участниками похода в крепости Ак-Таш, Б. Л. Тагеев описывает

следующим образом: «Вообще, надо заметить, что пограничные китайские войска не отличаются боевою подготовкой и только называются солдатами, на деле же они никуда не годятся»¹⁸.

Итогами похода М. Ионова стало признание княжеств Шугнан и Рошан русской территорией, а эмир Абдурахман обязался не переступать русской границы.

Характеризуя Памирские походы в целом, Б. Л. Тагеев отмечает, что «этот поход является одним из самых тяжелых походов в смысле климатических условий и борьбы с суровой природою, выпавших на долю Памирских отрядов, а также служит красноречивым доказательством того, что нет такой преграды, через которую бы не перешел русский воин»¹⁹.

В 1895 г. в Лондоне было завершено разграничение сфер влияния между Российской и Британской империями на Памире. Часть Памира отошла к Афганистану, часть – к Российской империи, а часть – к Бухарскому эмирату, подконтрольному России. Сферы влияния России и Великобритании разделил Ваханский коридор, отданный Афганистану.

Таким образом завершился этот далеко не последний эпизод «Большой игры» для двух великих держав.

Примечания

- 1 См.: Хидояттов Г. А. Из истории англо-русских отношений. Ташкент, 1969. С. 28–30.
- 2 См.: «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М., 2014. С. 27.
- 3 Там же. С. 25.
- 4 См.: Терехов В. Памирские экспедиции Б. Л. Громбчевского // Власть. 2011. № 5. С. 157–159.
- 5 Там же.
- 6 Доклад подполковника Громбчевского, читанный в Николаевской Академии Генерального штаба 14 марта 1891 г. URL: <http://militera.lib.ru/research/grombchevsky/01.html> (дата обращения: 15. 04.2015).
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Тагеев Б. Л. Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава, 1902. С. 19.
- 12 Тагеев Б. Л. Памирский поход. (Воспоминания очевидца) // Исторический вестник. 1898. № 7. С. 119–120.
- 13 Там же.
- 14 Тагеев Б. Л. Памирские походы 1892–1895 гг. С. 3.
- 15 Там же.
- 16 Там же. С. 45.
- 17 См.: Майер А. А., Тагеев Б. Л. Полуденные экспедиции. Очерки. М., 1998. С. 270.
- 18 Там же. С. 257.
- 19 Там же. С. 345.

УДК 94(47).083+929 Савинков

«СПОРТСМЕН РЕВОЛЮЦИИ»: ШТРИХИ К ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ Б. В. САВИНКОВА

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье с использованием антропологических и историко-психологических приемов исследуется личность одной из самых противоречивых и ярких фигур революционного терроризма – Бориса Викторовича Савинкова. Анализируя тексты художественных произведений В. Ропшина, воспоминания и официальные документы, автор стремится охарактеризовать внутренний мир и морально-этические установки Савинкова и, таким образом, добавить несколько специфических черт к историческому портрету одной из ключевых фигур революционной эпохи России начала XX века.

Ключевые слова: Борис Савинков, эсер, Боевая организация, организатор, террористические акты.

«The Athlete of the Revolution»: Strokes to the Historical and Psychological Portrait of B. V. Savinkov

Yu. V. Varfolomeev

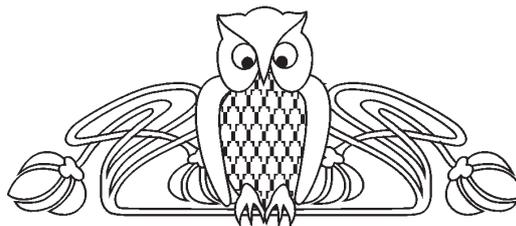
In this paper, using anthropological, historical and psychological techniques, the identity of one of the most controversial and prominent figures of revolutionary terrorism – Boris Viktorovich Savinkov – is investigated. Analyzing the texts of V. Ropshin's fiction works, memoirs and official documents, the author attempts to describe the inner world and the moral and ethical attitudes of Savinkov, and thus add some specific features of the historical portrait of the one of the key figures of the Russian revolutionary era at the beginning of the XX century.

Key words: Boris Savinkov, SR, tactical composition, organizer, terrorist attacks.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-40-46

Противоречивый и харизматичный лидер русского революционного террора Борис Викторович Савинков был носителем множества псевдонимов и партийных кличек: В. Ропшин, Вениамин, Джемс Галлей, Крамер, Ксешинский, Павел Иванович, Деренталь, Леон Роде, Д. Е. Субботин, Рене Ток, Адольф Томашевич, Константин Чернецкий. И точно так же сформировалась пестрая и разноречивая историографическая палитра, а еще корпус оценочных суждений о нем.

Изучению личности и преступной деятельности Савинкова посвящено немало работ. Одна из первых публицистических статей, носящих при этом исследовательский характер и оценочные суждения о выдающемся революционере, вышла из-под пера его политического визави, человека, отбывавшего вместе с ним ссылку, – большевистского наркома просвещения А. В. Луначарского.

Покрытую ореолом таинственности жизнь террориста и его загадочную смерть уже в двадцатые годы прошлого века пытались осмыслить современники¹. Так, например, эсер, публицист и историк Е. Е. Колосов в статье «Савинков как мемуарист» отмечает: «Хорошо, когда мемуарист мыслит образами, но если эти образы он склонен, благодаря живости своего воображения, отождествлять с действительностью, его правдивость подвергается большому искусу»².

В то время как в России, начиная с 1930-х гг. и вплоть до семидесятых, на эсеровскую и террористическую тематику в исторических исследованиях было наложено табу, работы о Савинкове выходили за рубежом. Среди них следует особо выделить труды К. Вендзягольского³, Д. Футмана⁴, Р. Б. Спенса⁵, М. Геллера⁶.

В 1975 г. в СССР был издан роман Василия Ардаматского «Возмездие»⁷, повествующий о Савинкове и об операции, организованной ВЧК по его поимке. Это художественное произведение, написанное в историко-приключенческом жанре, имеет, вместе с тем, и определенную научную ценность, так как автору удалось с высокой степенью достоверности реконструировать психологический портрет выдающегося авантюриста, основываясь, прежде всего, на информации, полученной лично от вдовы Савинкова – Л. Е. Дикгоф-Деренталь.

Можно считать, что научный прорыв в изучении революционного терроризма произошел в 90-е гг. прошлого века. В эти и последующие годы выходит целый ряд работ, как о различных сторонах террористической деятельности революционеров, так и непосредственно о его ключевых фигурах и, в частности, Б. В. Савинкове. В числе этих работ следует, прежде всего, выделить труды историков и литературоведов: К. В. Гусева, Ю. В. Давыдова, Д. Б. Жукова, Костина, В. А. Шенталинского, М. Б. Могильнер, А. П. Шикмана, Р. А. Городницкого, О. В. Будницкого, Д. Ю. Алексеева, В. А. Савченко, Г. З. Иоффе, Ю. В. Варфоломеева, Е. И. Гончаровой⁸.

Источниковый потенциал для реконструкции историко-психологического портрета Б. В. Савинкова весьма обширен. Особенно ценны для понимания личности, составления его психологического портрета воспоминания о нем соратников (В. М. Зензинова⁹, В. Н. Фигнер¹⁰, В. М. Чернова¹¹), противников (Великого князя Александра Михайловича¹², А. В. Луначарского, Н. Н. Суханова¹³), родных (матери С. А. Савин-

ковой¹⁴), близких (Л. Е. Дикгоф-Деренталь), известных политиков (У. Черчилль¹⁵), писателей (З. Н. Гиппиус¹⁶, Д. В. Философова¹⁷, С. Моэма¹⁸, Ю. П. Анненкова¹⁹, А. М. Ремизова²⁰, Ф. А. Степуна²¹, И. Г. Эренбурга²²). В большинстве своем эти документальные материалы опубликованы. Интересен и продуктивен для данного исследования анализ и таких источников, как рецензии и отзывы на литературные работы В. Ропшина (В. П. Кранихфельда²³, А. Измайлова²⁴). Кранихфельд, например, отмечал сходство Жоржа и Азефа, подчеркивая, что «почва, вспаханная Жоржем, как будто специально предназначалась для культуры «азефовщины» в самом широком масштабе. Нет закона – нет преступления. Все дозволено»²⁵.

Так что же представлял собой Борис Савинков – этот, по меткому выражению Великого князя Александра Михайловича, «спортсмен революции»? Еще при жизни его образ приобрел героически-романтический флёр супертеррориста, у которого не обыкновенная жизнь, «а кинематографическая лента – боевик о боевике». «Народное воображение, – отмечал современник, – не подозревая, что представляла собою на самом деле личность Савинкова, причисляло его к лику «святых революции» и приписывало ему все политические убийства, происшедшие в первом десятилетии двадцатого века. А говоря по правде, убил он собственноручно всего одного старого городского, оказавшегося безоружным»²⁶.

Савинков, примеряя на себя трагично-мистический образ принца Гамлета, подмеченный в нем Г. В. Плехановым и А. В. Луначарским, старался, по выражению К. Б. Радека, «быть Цезарем Борджиа», а на самом деле стал расчетливым и беспринципным прорабом кровавой «террорной работы», вербующим на весьма сомнительные «подвиги» «истерических молодцов, падких до его красноречия и готовых умереть за революцию»²⁷. В разговоре с английским писателем и разведчиком Сомерсетом Моэмом Савинков разоткровенничался и заявил ему, что террористический акт – «это такое же дело, как и всякое другое, к нему тоже привыкаешь»²⁸.

Савинков оказывал почти гипнотическое влияние и неизгладимое завораживающее впечатление на молодых рекрутов революционного террора. Ф. А. Степун колоритно и тонко прорисовывает психологический портрет Савинкова-оратора: «В суховатом неподвижном лице, скорее западноевропейского, чем типично русского склада, сумрачно, не светясь, горели печальные и жестокие глаза. <...> Говорил Савинков, в отличие от большинства русских ораторов, почти без жеста, надменно откинув лысеющую голову и крепко стискивая кафедру своими холеными барскими руками. Голос у Савинкова был невелик и чуть хрипл. Говорил он короткими энергичными фразами, словно вколачивая гвозди в стену»²⁹. Неприязненно относившийся к Савинкову

А. И. Куприн, тем не менее, очень точно передал магически-властный императив, исходивший от «спортсмена революции». «Я залюбовался этим великолепным экземпляром совершенного человеческого животного! – признавался он. – Я чувствовал, что каждая его мысль ловится послушно его нервами и каждый мускул мгновенно подчиняется малейшему намеку нервов. Такой чудесной машины в образе холодно-красивого, гибкого, спокойного и легкого человека я больше не встречал в жизни, и он неизгладимо ярко отпечатавался в моей памяти»³⁰.

Зензинов подметил, что Савинков порой рвался в тогу мистика, любил декламировать «под Сологуба» декадентские непонятные стихи, утверждал, что морали нет, есть только красота; а красота состоит в свободном развитии человеческой личности, в непрерывном развешивании и раскрытии всего, что заложено в душе человека³¹. Для ловкого революционера-мистификатора не существовали никакие моральные ценности и установки. Он считал, что предписания о должном и дозволенном, о недозволенном и недопустимом искусственно навязаны человеку воспитанием, влиянием окружающей обстановки и различного рода условностями. В итоге Савинков приходил к выводу о том, что человек должен освободиться от этих мещанских пут, так как они не дают возможности человеку развиваться свободно, не позволяют раскрыться его индивидуальности.

Однако если попытаться «смыть блестящий слой политической фразеологии с лица русского революционного движения, – писал Великий князь Александр Михайлович, – мы получим истинный облик его оловянных богов, фанатиков, авантюристов, которые претендовали на министерские посты, столбовых дворян-революционеров и др. разрушителей Империи»³². Несомненно, что Савинков являлся как раз одним из таких «оловянных богов» «ледяной пустыни», о которой говорил К. П. Победоносцев.

Мораль и психика террориста представляли собой гремячую смесь тираноборческих настроений, революционного фанатизма, религиозной жертвенности и некрофильских настроений. Сдвиги в их внутренней системе координат человеческих ценностей приводили к тому, что политическое убийство они считали «высшим актом человеческой активности во имя общего блага, актом справедливости...», и, с моральной точки зрения, убийство «в глазах самого террориста могло быть оправдано до некоторой степени – только до некоторой степени! – лишь тем, что террорист отдавал при этом свою собственную жизнь, – отмечал В. М. Зензинов. – Но преступлением в его собственной оценке оно всегда оставалось»³³. Последнее утверждение весьма спорно, хотя автор этой сентенции как никто другой близко знал целую когорту террористов, включая одного из их лидеров – Б. В. Савинкова, и, несомненно, хорошо разбирался в их мировоззрении.

Германский историк М. Хилдермейер справедливо замечает, что в эсеровских декларациях террористические акты получали дополнительное оправдание при помощи моральных и этических аргументов. «На террористов распространялась особая аура, – делает вывод Будницкий, – ставившая их выше обычных членов партии, как их удачно называет Хилдермейер, “гражданских членов партии”. Ведь террористы должны были быть готовы отдать жизнь за дело революции»³⁴.

Между тем отношение к террору у социалиста-революционера всегда было трепетное – «почти благоговейное», – уточнял Зензинов, – и в качестве наглядного примера выражения такого преклонения перед «священной королевой» террора он приводил слова члена Боевой организации сормовского рабочего Ивана Двойникова, который как-то сказал: «Я не достоин идти на такое дело. До того, как я поступил в партию, я вел нетрезвую жизнь – пил и гулял, а на это дело надо идти в чистой рубашке»³⁵. Невдомек было рабочему Ивану Двойникову, что его «нетрезвая жизнь» – это «детские шалости» по сравнению с тем страшным грехом человекоубийства, который он сознательно и благоговейно принимал на себя из рук оболванившей его партии революционных террористов.

С щепетильностью одевая, идя «на дело», «чистые рубашки», террористы затем с легкой душой окропляли свои руки по локоть в крови во имя, как им казалось, «всеобщего блага». «Террористический акт, – считали они, – это не столько акт мести или расправы, сколько призыв к действию, к самопожертвованию – на благо родины, народа, во имя человечества»³⁶. Цинично, но точно описал эту дилемму, этот выбор между добром и злом на примере одного из террористических актов его организатор – Б. В. Савинков: «Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему о “не убий”»³⁷.

В то же время идеологам и лидерам террора невозможно было обойти вниманием вопрос ценности человеческой жизни и моральной ответственности за совершаемые ими убийства. «Фигнер и Савинков, по инициативе последнего, вели дискуссии о ценности жизни, об ответственности за убийство и о самопожертвовании, о сходстве и различии в подходе к этим проблемам народолюбцев и эсеров, – пишет О. В. Будницкий. – Фигнер эти проблемы казались надуманными. По ее мнению, у народолюбца, “определившего себя”, не было внутренней борьбы: “Если берешь чужую жизнь – отдавай и свою легко и свободно... Мы о ценности жизни не рассуждали, никогда не говорили о ней, а шли отдавать ее или всегда были готовы отдать как-то просто, без всякой оценки того, что отдаем или готовы отдать”... Для народолюбцев не существовало проблемы абсолютной ценности жизни»³⁸. Между тем Ропшин-Савин-

ков в первой части романа «То, чего не было» в интерьере обломков баррикады Московского декабрьского вооруженного восстания 1905 г. вкладывает в уста своих героев мучительное раздумье о ценности человеческой жизни. Пространные размышления Болотова завершаются такими словами: «По-моему, либо убить всегда можно, либо... либо убить нельзя никогда»³⁹.

«По вере террориста, – пояснял Зензинов, – акт его последнего самопожертвования должен зажечь сердца тысяч других людей волей к борьбе за общее благо»⁴⁰. Эпиграфом террористической борьбы в те годы с успехом мог стать аллегорический, зажигательный пассаж из поэмы А. М. Горького о «соколе»: «О, смелый сокол! В бою с врагами истек ты кровью, но будет время – и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке ночи и сотни храбрых сердец зажгут они безумной жаждой свободы, света!». «И его слова, – по утверждению Зензинова, – находили горячий отклик в сердцах русской молодежи»⁴¹. Правда «буревестник революции» не указал партийную принадлежность зажигательного «сокола», поэтому оставил возможность и эсерам, и эсерам с одинаковой уверенностью представлять себя безумными поджигателями «храбрых сердец». Между тем только террорист, идущий на смерть, мог напрямую отождествлять себя с горьковским персонажем из мира животных.

Вообще безумная жертвенность и некрофильские настроения воспевались, почти что по-горьковски, и самими террористами. Вот как, например, с пророческим предвидением переживал свой неизбежный конец И. П. Каляев: «Я часто думаю о последнем моменте. Мне бы хотелось погибнуть на месте – отдать всё – всю кровь, до капли... Ярко вспыхнуть и сгореть без остатка. Смерть упоительная. Да, это завидное счастье. Но есть счастье еще выше – умереть на эшафоте. Смерть в момент акта как будто оставляет что-то незаконченным. Между делом и эшафотом еще целая вечность – может быть, самое великое для человека. Только тут узнаешь, почувствуешь всю силу, всю красоту идеи. Весь развернешься, расцветешь и умрешь в полном цвете... как колос созревший, полновесный». «Через такую именно смерть и прошел Каляев»⁴², – констатировал в итоге Зензинов. Между тем сам Борис Савинков, недрогнувшей рукой пославший друга и единомышленника сначала на преступление, а затем и на эшафот, много лет спустя, находясь в Лубянской тюрьме, признался: «Когда казнили Ивана Каляева, я был в Париже. Я не спал ни минуты четыре ночи подряд...»⁴³.

В то же время заигрывание со смертью и любование процессом принесения себя в жертву революционному Молоху характерны для многих террористов. Известный философ и публицист Ф. Степун, близко знавший Б. В. Савинкова, подметил, что «Душа Бориса Викторовича, одного из самых загадочных людей среди всех, с которыми

мне пришлось встретиться, была, как и его воинственный язык, так же лишь извне динамична, но внутренне мертва. Оживал Савинков лишь тогда, когда начинал говорить о смерти. <...> не могу не высказать уже давно преследующей меня мысли, что вся террористическая деятельность Савинкова и вся его кипучая комиссарская работа на фронте были в своей последней, метафизической сущности лишь постановками каких-то лично ему, Савинкову, необходимых опытов смерти. Если Савинков был чем-нибудь до конца захвачен в жизни, то лишь постоянным самопогружением в таинственную бездну смерти»⁴⁴.

В этом отношении мировоззрение Савинкова было вполне созвучно настроениям представителей Серебряного века. О. В. Будницкий точно охарактеризовал прозу Савинкова: «Его художественные произведения достаточно холодны и навевны скорее декадентской литературой, чем внутренними переживаниями»⁴⁵. С этой точки зрения харизматичного лидера и идеолога Боевой организации эсеров можно назвать певцом террора Серебряного века России.

Наряду с этим, тот же самый Савинков, по мнению Будницкого, внес наибольший вклад в нравственное оправдание, а затем и в развенчание терроризма. «Его очерки о товарищах по Боевой организации – Егоре Созонове, Иване Каляеве, Доре Бриллиант, Максимилиане Швейцере – настоящие революционные “жития”, – пишет Будницкий. – Трудно понять, насколько нарисованные им образы соответствуют реальным характерам и нравственным ориентирам этих людей, а насколько воплощают собственные чувства Савинкова. Любопытно, что когда Савинков в 1907 году читал уже написанный, но еще не опубликованный очерк о Каляеве пережившей Шлиссельбург и вернувшейся из небытия Вере Фигнер, та сказала, что это не биография, а прославление террора»⁴⁶. Продолжая мысль легендарной народницы, можно сказать, что биографии ее «подкидышей»⁴⁷ – это не просто судьбы ультрареволюционеров, это летопись рудынского терроризма. Мотив самопожертвования, неизменно присутствовавший в сознании революционеров и нередко демонстрировавшийся ими во время террористических актов, привел американских историков Э. Найт и А. Гейфман к выводу о том, что, возможно, многие террористы имели психические отклонения и их участие в террористической борьбе объяснялось некрофильскими настроениями.

Однопартийцы воспринимали Савинкова как человека, ищущего острых впечатлений жизни, этакое, по выражению А. Н. Черновой «кавалергарда революции». Его воспринимали, чуть ли не бретером, который любит рисковать своей жизнью. Эту особенность, кстати, подметил в нем и Ф. А. Степун. Раскрывая психологическую сущность легендарного террориста, он отмечал: «Громадным подспорьем... была его биологическая храбрость. Смертельная опасность не только

повышала в нем чувство жизни, но и наполняла его душу особою жуткою радостью». Степун приводит слова самого Савинкова: «Смотришь в бездну, и кружится голова, и хочется броситься в бездну, хотя броситься на верное погибнуть»⁴⁸.

При этом А. В. Луначарский отмечает еще одну очень важную черту натуры Савинкова, называя его «артистом авантюры»⁴⁹. Большевикский нарком доказывал, что он – человек в высшей степени театральный, по которому трудно определить, когда он играет роль перед самим собой, а когда – перед другими. Причисляя Савинкова к «Гамлетам всевозможных уездов», Луначарский отмечает в нем такие доминирующие черты, как самовлюбленность и самозаинтересованность. По его мнению, такой тип людей – это нытики, «копающиеся в себе, любящие себя за уши, плакаться и жаловаться другу и щекотать чувствительность барышень своим разочарованием»⁵⁰. Трудно не согласиться с Луначарским в отношении увлечения барышнями subtilным, нервно-чувственным террористом. Луначарский настаивает на эгоцентризме Савинкова, или, как он уточняет, его «ячестве». «Для него, – отмечал Луначарский, – призыв к революции означал особо эффектную сферу для проявления собственной оригинальности и для своеобразного чисто-личнического империализма»⁵¹. Как ни странно, и поэтесса Серебряного века Зинаида Гиппиус, хорошо знавшая Савинкова, подтвердила наблюдение Луначарского: «Борис Савинков – сильный, властный индивидуалист. Личник»⁵², – записала она в дневнике. Однако это не просто идеологический фронт. Это не шарлатан авантюры, а ее артист, как подметил Луначарский: «У Савинкова всегда было достаточно вкуса, он умел войти в свою роль. Повторяю, перед другими несомненно, но, может быть, и перед самим собою ежедневно и ежечасно разыгрывал он роль героя, загадочной фигуры со множеством затаенных страстей и планов в своей сердцевине, с несокрушимой волей, направленной к раз навсегда поставленной цели, с темными, терпкими противоречиями между захватывающим благородством своих идеалов и беспощадным аморализмом в выборе средств»⁵³.

Вместе с тем Савинкова постоянно терзали сомнения относительно правильности избранного им пути. Он «замечал и постоянно мысленно анализировал эти разъедающие свойства своего характера, своеобразную извращенность, заставляющую во всем сомневаться, и тогда одиночество и тоска с особой силой захватывали его, – отмечает Р. А. Городницкий. – Единственный выход из этого положения Савинков видел в действии, в борьбе. Ему казалось, что именно действенная связь с товарищами поможет преодолеть внутренние мучения, Однако даже сам себе Савинков не мог ответить: “Куда поведет меня дальше моя мятежная звезда”»⁵⁴. Размышляя над идеями и партийной ориентацией Савинкова, Степун утверждал: «Ни демократа в русском смысле этого

слова, ни народника, ни, тем более, партийного социалиста я, работая с Борисом Викторовичем, никогда в нем не замечал... Это подтверждается, как мне кажется, и языком его очерков. Афористической жестикюляцией этого языка, его латинской нарядностью и риторичностью, его эффективным, но одновременно и мертвенным блеском»⁵⁵.

Серьезный излом в мировоззрении и психологии Савинкова произошел в годы Великой русской революции. Своими смятенными чувствами он делился в письме Гиппиус: «Я стою на распутье и не знаю – куда идти и куда понесет течение. Писать, конечно, буду, но не сейчас. Сейчас одно – молитва за Россию <...> Не думаю ни о чем. Живу, т. е. работаю, как никогда не работал в жизни. Что будет – не хочу знать. Люблю Россию и потому делаю. Люблю революцию и потому делаю. По духу стал солдатом и ничего больше. Все, что не война, – едва ли не чужое. Тыл возмущает. Петроград издали вызывает тошноту»⁵⁶. Сопратник Савинкова К. Вендзягольский также обратил внимание на происшедшую в нем перемену. «Пришла пора отбросить революционный романтизм, заменив его революционным позитивизмом, свободным от оклократических предрассудков»⁵⁷, – рассуждал Савинков.

Зинаида Гиппиус дала характерный портрет Савинкова того смутного времени: «Это чисто мужская натура до такой степени, что в нем для полтика чересчур много прямой гордости и мало интриганства. Все исчезало, когда дело касалось дела»⁵⁸. Савинков действительно влюбился в роль «слуги народа», служение которому, однако, сводилось в его интерпретации «к утолению более или менее картинными подвигами ненасытного честолюбия и стремлению постоянно привлекать к себе всеобщее внимание, – отмечал А. В. Луначарский. – Как истерическая женщина не может спокойно посидеть минуту в обществе, потому что ей нужно заставить его вращаться вокруг себя, так точно и Савинкову нужно было постоянно шуметь и блистать»⁵⁹.

Однако, как считает Е. И. Фролова, мнение ряда зарубежных, советских и нынешних историков о властолюбии Савинкова – несправедливо и предвзято⁶⁰, и ссылается при этом на характеристику, данную ему Уинстоном Черчиллем. «В первую половину своей жизни он вел борьбу, часто в одиночестве, против императорской короны России. Во вторую половину своей жизни он сражался, опять нередко один, против большевистской революции. И царь, и Ленин были в его глазах одним и тем же – тиранами, оба хотели преградить дорогу свободному развитию России», – утверждал Черчилль. В более свободной, демократической стране «перед ним были бы открыты сто разных поприщ. Но случилось так, что со своим умом, со своей силой воли он родился в России... Несмотря на несчастья, им испытанные, опасности, им преодоленные, преступления, им совершенные, он выказал мудрость государствен-

ного человека, талант полководца, храбрость героя и стойкость мученика»⁶¹.

Однако хитросплетенная коварная комбинация ВЧК привела Савинкова в итоге к лубянскому заточению. Доктор Д. С. Пасманик, с которым отставной террорист беседовал в Париже накануне своего отъезда в Россию, приводит его слова: «В одном отношении я сменил вехи <...> тогда речь шла о борьбе, а в случае неудачи – о смерти как символе борьбы с большевиками». Пасманик считает, что в этом разгадка сущности «спортсмена революции», «ибо, что бы ни говорили его нынешние противники, мы присутствуем не при пошлом фарсе, а при тяжелой трагедии»⁶². Размышляя над финалом великой драмы, сыгранной непревзойденным «артистом авантюры», А. И. Куприн посвятил Савинкову две статьи с весьма характерными названиями: «Выползень» и «Межевой знак». «Для нас самое важное, – считал писатель, – то, что вместе со смертью Савинкова умер и навсегда отошел в прошлое героический период революции. Тут межа, на которой память о талантливом и необычайном человеке стоит высоким трагическим символом»⁶³.

Между тем «Борис Савинков сохранился в исторической памяти всей своей феноменально яркой, жестокой и противоречивой судьбой и гибелью, – приходит к выводу Фролова. – Сохранился, как и жил, непонятым до конца, как тунгусский метеорит. <...> Он действовал согласно своим убеждениям и умел идти до конца, до последнего предела, не теряя надежды и не останавливаясь перед преградами, если видел ясную цель, какова бы она ни была с точки зрения потомков»⁶⁴. В свое время Зензинов вынужден был признать, что «жизнь и судьба террориста – всегда драма, всегда трагедия»⁶⁵. И это в полной мере относится к супертеррористу Б. В. Савинкову, вся жизнь которого, по справедливому замечанию А. М. Ремизова, «ушла на организацию истреблений»⁶⁶.

Террорист и писатель Савинков-Ропшин вывел из стойла Апокалипсиса только двух «коней» революции – Бледного («Смерть») и Вороного («Голод») и вместо ненаписанной тетралогии в его судьбе осталась драматичная диалогия. «“Конь вороной” – это панихида, реквием по Белому движению, – считает Е. И. Фролова. – Тут явно ощутим очередной надлом души непримиримого оппозиционера и яркого антибольшевика. Его мучают не просто сомнения, а жестокие в своей безысходности мысли: так ли жил, так ли действовал, верна ли была сама затеянная им борьба?»⁶⁷, и как бы отвечая на этот сакральный вопрос, Великий князь Александр Михайлович свел воедино почти все ипостаси Савинкова: «Ландскнехт, поэт, “великий любовник”, блестящий рассказчик, любитель поеть, мастер и раб громких слов, Борис Савинков боролся со всеми строями только во имя борьбы»⁶⁸. Очевидно, в этом заключался весь смысл жизни «спортсмена революции» Бориса Савинкова.

Примечания

- 1 См.: Загадка Савинкова / под ред. П. А. Арского. Л., 1925; *Тютчев Н. С.* Заметки в «воспоминаниях» о Б. В. Савинкове // В ссылке и другие воспоминания : в 2 ч. М., 1925. Ч. II; *Горбунов М. (Колосов Е. Е.)* Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. № 3–5. С. 35–40.
- 2 *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. Л., 1990. Статья Колосова опубликована в журнале «Каторга и ссылка» (1928, № 3–5. С. 35–40) под псевдонимом М. Горбунов.
- 3 *Вендзягольский К.* Савинков // Новый журнал. 1962. № 68, 70; *Wędziągowski K.* Boris Savinkov : Portrait of a Terrorist. Twickenham, Kingston Press, 1988.
- 4 *Footman D. V. V. Savinkov.* Oxford, St. Antony's College, 1956.
- 5 *Spence R. B.* Boris Savinkov : Renegade on the Left. Boulder (CO), 1991.
- 6 *Heller M.* Krasin-Savinkov : Une rencontre secrète // Cahiers du Monde russe et soviétique. Jan. – Mar., 1985. Vol. 26, № 1. P. 63–67.
- 7 *Ардаматский В.* Возмездие. М., 1975.
- 8 См.: *Гусев К. В.* Рыцари террора. М., 1992; *Давыдов Ю. В.* Тайная лига. М., 1990; *Он же.* Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин. Беглые заметки вместо академического предисловия // В. Ропшин (Борис Викторович Савинков). То, чего не было. М., 1990; *Жуков Д. Б.* Савинков и В. Ропшин. Террорист и писатель // Таинственные встречи. М., 1992; *Костин Н.* Супертеррорист Савинков // Герои и антигерои Отечества. М., 1992. С. 296–325; *Шенталинский В. А.* Свой среди своих. Савинков на Лубянке // Новый мир. 1996. № 7, 8; *Шикман А. П.* Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997; *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998; *Могильнер М. Б.* Мифология «подпольного человека». М., 1999; *Алексеев Д. Ю.* Б. В. Савинков и его деятельность по формированию русских войск в Польше в 1920-м году // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 1999. № 1. С. 69–81; *Савченко В. А.* Многоликий Савинков // Авантюристы гражданской войны : Историческое расследование. М., 2000. С. 256–289; *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2000; *Он же.* Терроризм и современность. Статья первая // Полемика : Электронный журнал. Вып. 10. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/10/bud/>; «Революционное христианство» // Русская литература. 2005. № 1; *Гончарова Е. И.* Савинков Б. В. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь : в 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 249–253; *Иоффе Г. З.* Революционер : Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. 2009. № 20; *Он же.* То, что было // Новый журнал. 2009. № 255; *Варфоломеев Ю. В.* Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009; *Он же.* Евно Азеф : провокация и террор (по материалам
- Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 24–28.
- 9 *Зензинов В. М.* Пережитое. Нью-Йорк, 1953.
- 10 *Фигнер В. И.* Избранные произведения : в 3 т. М., 1933. Т. 3.
- 11 *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. М., 1993.
- 12 Воспоминания Великого князя Александра Михайловича. М., 1999.
- 13 *Суханов Н. Н.* Записки революции : в 3 т. М., 1992. Т. 3 (кн. 5–7).
- 14 *Савинкова С. А.* Годы скорби (Воспоминания матери) // Былое. 1906. № 7.
- 15 *Черчилль У.* Борис Савинков // Звезда. 1995. № 11. С. 114–122.
- 16 *Гиппиус З.* Дневники : в 2 кн. М., 1999. Кн. 1; Письма З. Гиппиус к Б. Савинкову : 1908–1909 годы // Русская литература. 2001. № 3; «Религиозная общественность» и террор // Русская литература. 2003. № 4.
- 17 *Философов Д.* Царь и революция. М., 1999.
- 18 *Мозм С.* Записные книжки. М., 1999.
- 19 *Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч : Цикл трагедий : в 2 т. Л., 1991. Т. 2.
- 20 *Ремизов А.* Собр. соч. : в 10 т. М., 2000. Т. 8.
- 21 *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995.
- 22 *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь : в 3 т. М., 1990. Т. 1.
- 23 *Кранихфельд В.* Литературные отклики. Ставка на сильных // Современный мир. 1909. № 5. II отд. С. 71–92; *Кранихфельд В.* Ответ Г. В. Плеханову // Современный мир. 1913. № 2. II отд. С. 99–110.
- 24 *Измайлов А.* То, чего не было // Биржевые ведомости. 1912. 1 июня.
- 25 Современный мир. 1909. № 5. II отд. С. 82.
- 26 Воспоминания Великого князя Александра Михайловича. С. 301.
- 27 Там же.
- 28 *Мозм С.* Указ. соч. С. 188.
- 29 *Степун Ф. А.* Указ. соч. С. 365.
- 30 *Куприн А. И.* Голос оттуда. М., 1999. С. 135.
- 31 См.: *Зензинов В. М.* Указ. соч. С. 152.
- 32 Воспоминания Великого князя Александра Михайловича. С. 302.
- 33 *Зензинов В. М.* Указ. соч. С. 154.
- 34 *Будницкий О. В.* Терроризм и современность.
- 35 *Зензинов В. М.* Указ. соч. С. 157.
- 36 Там же.
- 37 *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. С. 43.
- 38 *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении. С. 157–158.
- 39 *Ропшин В.* То, чего не было. М., 1990. С. 78–84, 97.
- 40 *Зензинов В. М.* Указ. соч. С. 160.
- 41 Там же. С. 167.
- 42 Там же. С. 182.
- 43 Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С. 189.
- 44 *Будницкий О. В.* Терроризм и современность.

- ⁴⁵ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. С. 161.
- ⁴⁶ Там же. С. 159.
- ⁴⁷ В. Н. Фигнер, получив как-то раз письмо от Б. В. Савинкова с трогательной подписью: «Ваш сын», не удержалась от восклицания: «Не сын, а подкидыш!». (Фигнер В. Н. Запечатленный труд : в 7 т. М., 1933. Т. 3. С. 163).
- ⁴⁸ Степун Ф. А. Указ. соч. С. 368.
- ⁴⁹ Луначарский А. В. Артист авантюры // Правда. 1924. 5 сентября.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Гиппиус З. Дневники. Кн. 1. С. 191.
- ⁵³ Луначарский А. В. Указ. соч.
- ⁵⁴ Горюхицкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 188.
- ⁵⁵ Степун Ф. А. Указ. соч. С. 369.
- ⁵⁶ Звенья. Кн. 2. М.; СПб., 1992. С. 136.
- ⁵⁷ Вендзягольский К. Савинков // Новый журн. 1962. № 68. С. 59.
- ⁵⁸ Там же. С. 193 ; Звенья. Кн. 2. С. 55.
- ⁵⁹ Луначарский А. В. Указ. соч.
- ⁶⁰ Фролова Е. И. Борис Савинков : террор как трагедия // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 93.
- ⁶¹ Черчилль У. Борис Савинков // Звезда. 1995. № 11. С. 119.
- ⁶² За свободу! 7.X.1924. № 289.
- ⁶³ Куприн А. И. Голос оттуда. М., 1999. С. 133–138, 482.
- ⁶⁴ Фролова Е. И. Борис Савинков : террор как трагедия // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 101.
- ⁶⁵ Зензинов В. М. Указ. соч. С. 156.
- ⁶⁶ Ремизов А. Указ. соч. С. 500.
- ⁶⁷ Фролова Е. И. Указ. соч. С. 99.
- ⁶⁸ Воспоминания Великого князя Александра Михайловича. С. 109.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(37).05

МОНЕТНАЯ ПРОПАГАНДА В ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОМ РИМЕ

С. Н. Ахиев

Саратовский государственный университет
E-mail: responsum@list.ru

В статье исследуется дискуссионный вопрос о направлениях монетной пропаганды периода поздней Римской республики и дается оценка ее эффективности. Автор приходит к выводу, что изображения и легенды монет лидеров Римской республики менялись в соответствии с любыми поворотами их политики. Это говорит о том, что на монеты возлагались не только финансовые, но и определенные идеологические функции.

Ключевые слова: политическая пропаганда, монеты, Римская республика, Цезарь, общественное мнение.

The «Coin Propaganda» in the Late Roman Republic

S. N. Akhiev

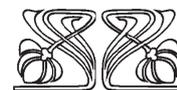
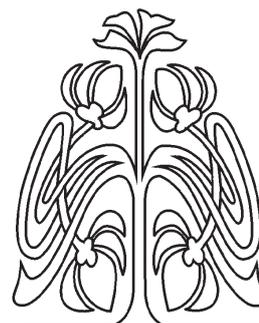
The article is devoted to the issue of the directions of the «coin propaganda» in the Late Roman Republic and the estimation of its effectiveness. The author concludes that the images and legends of the coins changed in accordance with any turns of the Roman Republic leaders' policy. This means that the coins served not only financial, but also certain ideological purposes.

Key words: political propaganda, coins, Roman Republic, Caesar, public opinion.

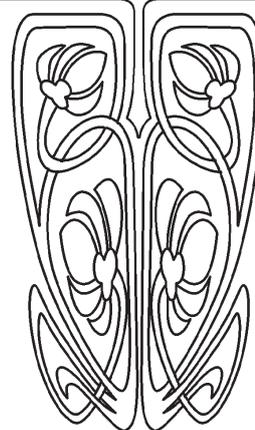
DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-47-51

Важным видом источника по проблеме политической пропаганды периода Второй гражданской войны в Риме являются монеты. Монетная чеканка часто отражает основные пропагандистские лозунги политических лидеров Рима, эволюцию их программ, направленность идеологической конфронтации. Благодаря стараниям ряда выдающихся специалистов по римской нумизматике – Г. Мэттингли, Э. Сайденхема, К. Сазерленда, М. Гранта, М. Крофорда и др.¹ монеты уже немало рассказали о политике и идеологии того времени. Значение этого вида источника для изучения пропаганды обусловлено тем, что монеты с их изображениями и легендами, по мнению многих исследователей, в античном мире играли ту же роль, что и современные средства массовой информации, доходя до самых глубоких уголков ойкумены. Корректная дешифровка монетной символики прямо вводит исследователя в круг идеологической борьбы того времени. Не случайно исследователи отмечают, что монеты представляли собой выгравированное на металле содержание пропаганды видных римских политиков, организованное и структурированное в знаках².

Нумизматические данные не только иллюстрируют сообщения античных авторов, но и сообщают важные факты, о которых нарративные источники часто умалчивают. Иногда монеты являются едва ли не единственным источником информации о направлениях пропаганды участников борьбы. Это в полной мере относится, например, к деятельности М. Эмилия Лепида в период 41–36 гг. до н. э., поскольку нарративные источники практически ничего не говорят о действиях этого триумвира в указанное время. Не менее ценно изучение монетной

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

чеканки Секста Помпея, так как письменные свидетельства о нем весьма противоречивы. Анализ монет Секста Помпея позволяет говорить о целенаправленной «республиканской» пропаганде, стремившейся утвердить его не только среди сторонников и клиентов отца, но и в среде уцелевших сторонников восстановления республиканской формы правления.

Монетная пропаганда стала активно изучаться в 40–60 гг. XX в., когда в разработку темы был активно введен этот относительно новый для данной проблемы вид исторического источника. Исследователи отмечали, что монеты являлись не только средствами платежа, но и выступали в качестве одного из самых эффективных средств пропаганды политических лидеров Рима. Сам тип монетной чеканки, по их мнению, часто определялся идеологией и политической программой³. Как подчеркнул К. Пере, те политики, которым удалось захватить власть, очень интенсивно использовали монеты как замечательный инструмент пропаганды по всей империи и за ее пределами⁴. В современной исторической и нумизматической литературе остаются спорными несколько вопросов. Не определена эффективность монетной пропаганды, а также не выяснено, какие надежды возлагали на нее политические лидеры, занимавшиеся эмиссией денег, и соответственно насколько серьезно они подходили к созданию новых монетных типов. Такие видные исследователи, как Г. Мэттингли, К. Сазерленд, М. Грант, А. Альфельди делали однозначный вывод, называя монеты исключительно эффективным средством пропаганды⁵. М. Грант даже утверждает, что политические лидеры самолично занимались выборами чеканов, которые должны были акцентировать внимание на определенных идеях. Однако позднее выходит ряд исследований, в которых авторы ставят под вопрос эффективность монетной пропаганды. В число этих исследователей входят, в частности, А. Джонс, М. Крофорд, Б. Левик⁶. Исследователи подчеркивают, что монеты – это, прежде всего, явление экономической жизни. Чеканились они исключительно с целью выплат армии, игравшей решающую роль в период кровопролитных гражданских войн. В отношении идеологической функции монет ученые используют более осторожные термины, вроде «убеждение» или даже «общение»⁷. Английский исследователь Фергюс Миллар говорит, что невозможно установить, какие чувства испытывали римляне при попытках воздействовать на их сознание через изображения и легенды, и потому считает неудачным сам термин «пропаганда», используемый в отношении монет⁸.

Несомненной заслугой этой группы исследователей является то, что, поставив под сомнение эффективность монетной пропаганды, они выдвинули на первый план проблему дуализма политической пропаганды, связанной не с навязыванием целевых установок, а ее ориентации

на уже существующее общественное мнение с устоявшимися вековыми традициями и мировоззрением. Новизна подхода заключается в отказе воспринимать их лишь как средство активного и целенаправленного воздействия на сознание людей. Однако трудно согласиться с гиперкритичным суждением Б. Левик о том, что «чеканы предназначены не для публики, а адресованы человеку, чей портрет занимает аверс монеты»⁹.

Действительно, степень эффективности воздействия монетной пропаганды на общественное мнение не стоит преувеличивать. Эффективность всех средств и методов политической пропаганды (а не только монет) была высокой лишь в исключительных случаях. Это происходило, когда политические лозунги затрагивали сознание самых широких слоев общества, доходили до самых глубин народных чувств, примером которых могут служить патриотически-традиционалистские настроения италийцев в 33–32 гг. до н. э. Монетная пропаганда, конечно, не могла стать катализатором подобных настроений, поднявших и объединивших самые различные социальные слои римского общества. С другой стороны, несомненно, что, донося до населения через свои символы, изображения, легенды четко выраженные идеи, взгляды, лозунги противоборствующих сторон, монеты способствовали политической ориентации римских граждан и тем самым становились средством «вербовки» сторонников. Именно этим, на наш взгляд, определяется эффективность монетной пропаганды.

Вряд ли можно считать справедливым утверждение Я. Ю. Межеричко, что в современной исторической литературе само слово «пропаганда» *заменяется* более осторожными терминами¹⁰. Никто из цитируемых им исследователей не отрицал того факта, что монеты в той или иной степени служили инструментом идеологического воздействия на общество. А упомянутые им термины являются составной частью самого понятия политической пропаганды. Терминология, предлагаемая А. Джонсом, М. Крофордом и другими исследователями, прямо относится к той стороне пропаганды, которая ориентируется на уже существующие социальные взгляды и убеждения, а не той, которая касается активной и целенаправленной деформации общественного мнения в своих интересах (на что указывают в основном М. Грант и К. Сазерленд). В первую очередь это относится к чеканке таких близких каждому римскому гражданину изображений, как Pax, Concordia, Fortuna и т. п., прямо отвечающих надеждам и чаяниям людей, уставших от гражданских войн. Но вряд ли можно считать отвечающими чаяниям всех римских граждан отчеканенные легенды типа DICT. PERPETVO на монетах Цезаря, DIVI IVLI FILIVS – на монетах Октавиана, NEPTVNI – на монетах Секста Помпея и множество других легенд и изображений, явно являвшихся политическими лозунгами, направленными на утверждение автори-

тета политического лидера Рима, занимавшегося эмиссией таких монет.

Впрочем, вопрос о целях монетной пропаганды до настоящего времени является спорным. Ряд современных исследователей¹¹ придерживаются более традиционной точки зрения, что монеты следует рассматривать как своеобразные средства массовой информации древности.

Вопрос о направлениях монетной пропаганды и ее эффективности остается дискуссионным. Но тот факт, что изображения и легенды менялись в соответствии с любыми поворотами политики практически всех лидеров Рима в период 49–30 гг. до н. э. прямо свидетельствует, что они возлагали на монеты определенные идеологические функции¹². Неслучайно резкое увеличение числа монетных выпусков и огромное разнообразие в типологиях чеканов хронологически совпадает с самыми беспокойными годами конца Республики.

Чеканка монеты в Риме всегда являлась прерогативой властей, и сенат очень ревниво оберегал свое право денежной эмиссии. В период Второй гражданской войны, когда сенат часто сам оказывался в руках вождей политических группировок, опиравшихся на армию, новые властители присвоили себе право чеканить собственные монеты без разрешения сената. Как подчеркнул Г. Крамп, на монетах 49–30 гг. до н. э. знак разрешенного сенатом выпуска – аббревиатура SC (Senatus Consulto) – практически исчезает, лишь изредка появляясь в пропагандистских целях¹³.

Исследователи отметили, что в период гражданских войн монеты стали служить средством *личной* пропаганды лидеров Римского государства, которые использовали их, чтобы обнародовать свои политические программы, закодированные в специальные символы¹⁴. Несмотря на заявления о трудности корректной расшифровки этих символов, исследователи, тем не менее, часто однозначно трактуют смысл изображений и легенд, содержащихся на монетах.

Замечание П. Жала о том, что символика монет могла действовать избирательно, оставаясь непонятной для непосвященных¹⁵, вряд ли можно считать справедливым. Если даже спустя два тысячелетия благодаря совместным усилиям историков и нумизматов удалось расшифровать значение практически всех символов монет, то едва ли стоит считать, что их смысл оставался непонятным для современников. Достаточно вспомнить, что Кассий Дион, оставивший описание одной из монет Брута, через два с лишним столетия после описываемых им событий без труда смог очень точно донести до читателя смысл ее символики. На реверсе этой монеты содержится изображение колпака, который получали вольноотпущенники в знак свободы, между двумя кинжалами с сопроводительной надписью EID MAR (мартовские иды)¹⁶. Кассий Дион интерпретирует символы так: «Брут... изображал на монетах ... шапку вольноотпущенника, поясняя этим, а также над-

писью, что он вместе с Кассием желал освободить отечество» (Dio Cass. XLVII. 25. 3). Современные исследователи с ним полностью согласны: «Суть дела излагалась максимально четко – тиран был заколот, чтобы мог жить освобожденный Рим»¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что язык символов, использовавшийся в монетной чеканке, был не просто понятен современникам, но и адресовался именно им. В любом случае несомненно, что монеты в античности выступали не только в качестве средства платежа. Часто они содержали надписи Libertas, Concordia, Pax, пропагандирующие такие ценности, как свобода, мир, процветание. Очевидно, что подобные легенды должны были влиять на общественное мнение и привлекать сторонников.

Триумвиры, получившие право чеканки без разрешения сената, использовали его в целях личной пропаганды, менявшейся в зависимости от политических и идеологических условий того времени. Отсюда же и разнообразие монетных чеканов. К. Пере справедливо отметил, что монеты в руках политических лидеров служили своего рода средством мобилизации сторонников. Чем больше конкурентов в борьбе за власть, тем богаче и разнообразней легенды и изображения на монетах. А сами монеты, по мнению французского исследователя, представляли собой не что иное, как «наглядные речи, позволявшие получать поддержку и доверие сограждан»¹⁸.

Именно по монетам мы можем создать довольно целостное представление о политических программах римских лидеров периода гражданской войны 49–30 гг. до н. э., проследить эволюцию их лозунгов и направлений пропаганды. Совершенно не случайно появление новой тенденции, прослеживаемой в монетной чеканке интересующего нас периода – смена традиционных изображений на персональные, демонстрация личного успеха и карьеры. Достаточно посмотреть на монеты Цезаря, Помпея, Октавиана, Антония, чтобы заметить эту тенденцию. Этого не избежали даже сторонники Республики, и в первую очередь – М. Брут, чей портрет присутствовал на многих из выпускавшихся им монет¹⁹.

Символика монет использовалась всеми политическими лидерами Рима для оправдания их власти. В первую очередь это касается символов власти – фасций, ликторских топоров, курульных кресел и т. п. Когда Секст Помпей чеканит свой портрет, сопровождаемый надписью Pius, нетрудно догадаться о его скорби по отцу и брату и стремлении (по крайней мере – демонстрируемому) стать защитником их идей²⁰. Пропаганда Цезаря стремилась оправдать его власть, используя изображения Pax, Concordia, рога изобилия, в совокупности означавшие окончание братоубийственных гражданских войн и процветание Италии²¹. По мнению многих исследователей, использование многочисленных атрибутов божеств римского пантеона в монетной чеканке

Цезаря, Антония, Октавиана, Секста Помпея и др. являлось демонстрацией особой связи с богами и их покровительства²².

Таким образом, монеты, содержавшие различные изображения и легенды, действительно являлись важнейшим средством пропаганды всех лидеров Рима, использовавших их для привлечения сторонников и убеждения в своем превосходстве. При этом следует быть осторожным в приравнивании античных монет к современным средствам массовой информации.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что исследователи нумизматического материала единодушно считают монеты важным средством, игравшим значительную роль в формировании общественного мнения периода гражданской войны 49–30 гг. до н. э. Монетная пропаганда в равной степени была ориентирована как на традиционное общественное сознание, так и на внесение в него новых идей и взглядов, целью которых было доказательство исключительной роли того или иного политического лидера. Донося до населения с помощью специальных общеизвестных символов программы конкурентов, боровшихся за власть, монеты так или иначе способствовали политической ориентации населения в пользу кого-либо из соперников. И умение политических лидеров использовать в своей чеканке те или иные идеи, умение привлечь людей (а в эти бурные годы – особенно армии) на свою сторону с помощью конкретных лозунгов в конечном итоге определяло и степень эффективности политической пропаганды.

Общество является сложнейшей системой, все элементы которой взаимосвязаны. При этом важными регуляторами общественного поведения, составляющими основу социальной системы, являются сознание, психика, образующие специфику человека. Социально ориентированная пропаганда в руках умелого политика превращается в мощнейший инструмент манипуляции как психикой одного человека, так и общественным сознанием в целом.

Политическая пропаганда складывается из двух факторов – ориентации на существующее общественное мнение, с одной стороны, и целенаправленной деформации этого мнения в свою пользу – с другой. Подвижное общественное сознание и в античности выполняло функцию своего рода среды, в которой перемещались пропагандистские лозунги; она же их наполняла, подпитывала и придавала новый смысл, способствовала непрерывной эволюции соответственно всем оттенкам настроений и чувств римских граждан.

Часто игра обстоятельств и общественных настроений вносила неожиданные коррективы в политику лидеров Римской республики, что не могло не оказать влияние на принятие важнейших политических решений. Некоторые лозунги оказывались особенно созвучными идеологии отдельных социальных групп. Так борьба за идеи

определяла расстановку сил в борьбе за власть, а в некоторых случаях и ее результаты. И, как нам представляется, одним из важнейших средств, обеспечивающих это воздействие на общественное мнение в поздне-республиканский период истории Древнего Рима, являлись монеты.

Примечания

- ¹ *Mattingly H. A. Coins of the Roman Empire in the British Museum. L., 1923. Vol. 1 ; Sydenham E. A. The coinage of the Roman Republic. L., 1952 ; Sutherland S. H. V. Coinage in Roman imperial policy. L., 1951 ; Grant M. From imperium to auctoritas. A historical study of Aes coinage in the Roman Empire 49 B. C. – A. D. 14. Oxf., 1969. См. также: Wallace-Hadrill A. Image and authority in the coinage of Augustus // JRS. 1986. Vol. 76. P. 66–87 ; Burnett A. The authority to coin in the Late Republic and Early principate // NC. 1977. Vol. 137. P. 37–63.*
- ² *Pérez C. Monnaie du pouvoir, pouvoir de la monnaie: Une pratique discursive originale – le discours figuratif monétaire (1er s. av. J.-C. – 14 ap. J.-C.). P., 1986. P. 135.*
- ³ Помимо авторов, указанных в примеч. 1, см. также: *Jal P. La guerre civile à Rome. Étude littéraire et morale de Cicéron à Tacite. P., 1963. Автор изучил символику монет 49–30 гг. до н. э. и попытался оценить степень их эффективности как средства пропаганды.*
- ⁴ *Perez C. Op. cit. P. 11. Ср.: Jones A. Numismatics and history // Essays in Roman Coinage presented to H. Mattingli. Oxford, 1956. P. 13.*
- ⁵ *Mattingly H. Op. cit. P. 5 ; Grant M. Roman history from coins. Some uses of the Imperial Coinage to the Historian. Cambridge, 1969. P. 16 ff. ; Sutherland S. H. V. Op. cit. P. 9 ; Alföldi A. The main aspects of Political propaganda on the Coinage of Roman Republic // Essays in Roman Coinage presented to H. Mattingli. Oxford, 1956. P. 64 f. П. Жаль является одним из немногих, кто попытался сравнить различные средства пропаганды. По мнению исследователя, эффективность монетной пропаганды была много выше, чем, например, монументальной, в доказательство чего он приводит небесспорный довод, что монеты не могли быть разрушены так, как разрушались монументы и статуи (*Jal P. Op. cit. P. 192*). Автор говорит далее об известной продолжительности действия монетной пропаганды, поскольку монеты побужденных использовались в обращении даже после поражения. В отечественной литературе подобной точки зрения придерживается М. Г. Абрамзон, считающий, что с точки зрения политической пропаганды монеты оказывали на население большее воздействие, чем изобразительное искусство. (См.: *Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 546–548*).*
- ⁶ *Crawford M. H. Roman imperial coin types and the formation of public opinion // Studies in numismatic method presented to Ph. Grierson. Cambridge, 1983. P. 54 ; Jones A. Op. cit. P. 23–27 ; Levick B. Propaganda and the imperial coinage // Antichthon. 1982. Vol. 16. P. 104–116. См. также: *Межеруцкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М. ; Калуга, 1994. С. 311. Майкл**

- Крофорд в этой связи выделяет два типа легенд на монетах – общественный и частный, причем второй тип, по наблюдению автора, начинает преобладать в эпоху гражданских войн (*Crawford M. H. Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974. Vol. 2. P. 713 ff.*).
- ⁷ См. например, *Wallace-Hadrill A. Op. cit. P. 69.*
- ⁸ *Millar F. State and subject: the impact of monarchy // Caesar Augustus : seven aspects / eds. F. Millar, E. Segal. Oxford, 1984. P. 39.* Автор, в частности, указывает, что не известно кто выбирал легенды и изображения на монетах и какова была на них реакция населения. Ученый высказал мнение, что античные монеты вряд ли могут быть отнесены к пропагандистским средствам.
- ⁹ *Levick B. Op. cit. P. 107.*
- ¹⁰ *Межеруцкий Я. Ю. Указ. соч. С. 311.*
- ¹¹ *Perez C. Op. cit. P. 134 ; Cascio L. E. State and coinage in Late Republic and Empire // JRS. 1981. Vol. 71. P. 76–86 ; Morawiecki L. Political propaganda in the coinage of the late Roman Republic (44–43 B. C.). Wroclaw, 1983. P. 13 f. ; Evans J. D. The Art of Persuasion : Political propaganda from Aeneas to Brutus. Ann Arbor, 1992. P. 20 ; Sayles W. G. Ancient Coin Collecting III : The Roman World – Politics and Propaganda. 2nd ed. Krank Publications, 2007. P. 217.*
- ¹² *Morawiecki L. Op. cit. P. 14–17.*
- ¹³ *Crump G. Coinage and imperial thought // The craft of the ancient historian. N. Y. ; L., 1985. P. 435–437.* См. также: *Поздняков А. В. Начало регулярной чеканки золотой монеты в Риме при Цезаре и причины ее появления // Вестн. Моск. ун-та. 1980. Сер. 8. История. № 1. С. 70–74.*
- ¹⁴ *Perez C. Op. cit. P. 25.* Ричард Шерцль, один из первых исследователей монетных типов, отметил, что в течение республиканского периода на римских монетах чеканились изображения кого-либо из шести богов: Януса, Юпитера, Минервы, Геркулеса, Меркурия и Ромы, тем самым выявив религиозно-консервативный характер монетной чеканки вплоть до середины I в. до н. э., когда впервые появились изображения людей (*Шерцль Р. Римское монетное дело. Харьков, 1893. С. 49–51.*).
- ¹⁵ *Jal P. Op. cit. P. 193*
- ¹⁶ *Cohen H. Description historique des monnaies frappees sous l'Empire Romain communement appelees medailles imperiales. Graz, 1955. Vol. 1. P. 27. № 15 ; De Souza V. Politische Aussage und Propaganda auf Denkmälern spätrepublikanischen und augusteischen Zeit. München, 1974. S. 28. Pileus (лат.) или πῖλος (греч.) – войлочная шапка, которую имели право носить только свободные. Вольноотпущенники получали ее в день освобождения как символ своего приобщения к коллективу свободных граждан, а потому она ассоциировалась с самой свободой.*
- ¹⁷ *Mattingly H. A. EID MAR // AC. 1948. Vol. 17. P. 451.* Ср.: *Смирин В. М. К вопросу об освещении в античной историографии событий, предшествовавших заговору против Цезаря // ВДИ. 1957. № 1. С. 126.* Примечательно, что в день убийства Юлия Цезаря заговорщики, навесив pileus на копье, пронесли этот копьеносец через весь Рим. Таким образом, можно говорить об устойчивой тенденции считать эту шапку именно символом свободы. (См.: *App. В. С. II. 119.*) О выпуске этой монеты см. также: *Hill Ph. V. Propaganda on Coins of the Civil Wars, 44–30 B.C. // NC. 1962. Vol. 70, № 3. P. 52 ; Cahn H. A. L'aureus de Brutus avec EID. MAR. // Congres Internationale de Numismatique de Paris 6–11 juillet 1953. II. Actes. P., 1953. P. 213–217 ; Bengtson H. Zur Geschichte des Marcus Brutus // ABAW. 1970. S. 48–49.*
- ¹⁸ *Perez C. Op. cit. P. 140.* Ср.: *Jal P. Op. cit. P. 192–193.*
- ¹⁹ *Cohen H. Op. cit. P. 24–27 ; Jal P. Op. cit. P. 198 ; Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 45.*
- ²⁰ *Cohen H. Op. cit. P. 4. № 12 ; Perez C. Op. cit. P. 137.*
- ²¹ *Cohen H. Op. cit. P. 13. № 29 ; Perez C. Op. cit. P. 139.*
- ²² См., например: *Alföldi A. Op. cit. P. 85 f. ; De Souza V. Op. cit. S. 11 f. ; Morawiecki L. Op. cit. P. 13.*

УДК 94(437)12/13

ЗБРАСЛАВСКАЯ ХРОНИКА О НАЧАЛЕ СЕРЕБРЯНОЙ ДОБЫЧИ В КУТНОЙ ГОРЕ

П. Н. Лапшов

Саратовский государственный университет
E-mail: pav9204@yandex.ru

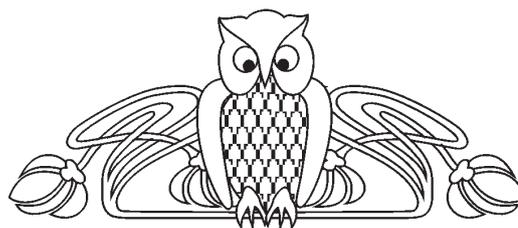
Горное дело в средневековой Чехии – важная страница истории этой страны. Хроника Петра Житавского дает историку возможность выявить черты неповторимости рождения одного из крупнейших горных городов средневековой Чехии.

Ключевые слова: горное дело, Збраславская хроника, Кутна Гора, серебро, Петр Житавский.

Zbraslavskaya Chronicle on the Beginning of Silver Mining in Kutna Hora

P. N. Lapshov

Mining in medieval Bohemia is an important page in the history of this country. The chronicle of Piotr Jitavsky gives the historian an opportunity to identify the unique features of the birth of the one of the biggest highland towns of medieval Bohemia.

portunity to identify the unique features of the birth of the one of the biggest highland towns of medieval Bohemia.

Key words: mining, Zbraslavskaya chronicle, Kutna Hora, silver, Piotr Jitavsky.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-51-53

Историк, обратившийся к изучению развития чешских горных городов в средние века, сталкивается с серьезной проблемой: их ранняя история сохранила для нас ничтожно малое количество источников. Одним из немногих памятников такого рода является Збраславская хроника Петра Житавского.

Зbrasлавская хроника – один из самых ярких источников повествующих об истории чешских земель конца XIII – первой половины XIV в. Это наибольшая по объему хроника догуситского периода, которая содержит богатейший свод сведений о самых разных сторонах жизни чешского общества.

Зbrasлавская хроника освещает события с 1278 по 1338 г., она была написана двумя аббатами Зbrasлавского монастыря – Отто (Оттоном) и Петром Житавским. Причем большая часть (точнее – около 2/3) из 180 глав данной хроники была создана Петром Житавским, который после смерти Отто, в 1314 г., продолжил хронику.

Данный источник представляет интерес благодаря широкому кругозору автора. Капеллан Петр получил блестящее образование и обладал недюжинными литературными способностями. В 1316 г. он был избран аббатом Зbrasлавского монастыря. Петр принимал активное участие в политической жизни чешского королевства, выполнял важные дипломатические поручения, в том числе и при дворе императоров Священной Римской империи. Хроника, составленная на латыни, ценна не только достоверностью повествования, но и тем, что в нее включено большое количество современных хронисту папских, императорских и других грамот, а также рассуждения на политические темы, аллегорические сочинения и т. п. Исключительное значение Зbrasлавская хроника имеет для изучения истории горного города Кутной Горы. История возникновения Кутной Горы до сих пор таит в себе немало загадок. В исторической литературе возникновение этого города связывают с 90-ми годами XIII века.

Грамоты впервые сообщают о существовании самого города Кутны Горы с 1292 г.¹, однако еще ранее этот район был известен как один из перспективных с точки зрения горнорудной промышленности. Современные чешские исследователи указывают на существование кутногорского района добычи с 1260-х гг., отмечая при этом скоротечность возникновения тамошнего горного промысла и хаотичность возникновения строений и жилищ новоиспеченных горняков².

Однако начальная история Кутной Горы покрыта мраком неисследованности в силу того, что основание города, в отличие от многих других случаев в эпоху немецкой колонизации, не было целенаправленным актом государственной власти, а было следствием действий людей, движимых материальным интересом, не осознававших значимости своих действий и потому не заботившихся об их фиксации в исторической памяти.

И тот факт, что Петр Житавский все-таки отразил на страницах своей хроники обстоятельства основания Кутной Горы, свидетельствует о незаурядности этого человека, его способности видеть за частотолом повседневности важные исторические события.

Что же сообщает в Зbrasлавской хронике Петр Житавский? Первое упоминание о Кутной Горе в его повествовании связано с рассказом о вторжении в чешские земли императора Альбрехта Габсбурга в 1304 г. Целью этого вторжения, как сообщает хронист, было овладение богатейшими серебряными рудниками Кутной Горы. Он описывает попытки овладеть Кутной Горой и успешное противостояние жителей города этим попыткам. В Зbrasлавской хронике сообщается о первой неудачной попытке осады города. Несколько горняков из осажденной Кутной горы, по сообщению хрониста Петра, проявили неразрывно связанные со своей профессией изобретательность и инженерное искусство: они направили в реку шлаки серебра, осадки и прочие смрадные нечистоты, вытекавшие из рудничных ям и печей, дабы лишить немецкое войско единственного источника питьевой воды. Таким образом, согласно Зbrasлавской хронике, людей и животных было отравлено бесчисленное количество. Петр Житавский оправдывает действия своих соотечественников на страницах хроники фразой: «... а что есть более приличного, чем сопротивляться безбожным намерениям губительным способом. Они [воины Альбрехта] жаждали серебра, а выпили серебряный шлак»³. Таким образом, первый поход Альбрехта Габсбурга против Кутной Горы не удался, несмотря на то, что оборонительные укрепления в это время представляли слабые стены.

После первой неудачи императора Священной Римской империи последовала вторая попытка захвата богатых кутногорских приисков, на сей раз более продуманная и подготовленная. В 1307 г. Альбрехт, как сообщает Пётр Житавский, вооружился даже греческим огнем, который метал на город. Однако и второй поход римского императора также потерпел неудачу вместе с притязаниями его сына Фридриха на чешский королевский трон. Если принять во внимание техническую оснащенность и опыт, которыми располагало войско Альбрехта во время второй осады, эту неудачу можно, по-видимому, объяснить тем, что кутногорцы под руководством Йиндрижиха из Липе успели укрепить город новой оборонительной системой до 1307 г.⁴

Но Альбрехта настолько сильно манил блеск драгоценного металла, что, потерпев фиаско на военном поприще, он попытался взять реванш на дипломатическом. Хроника Петра Житавского рассказывает об интереснейшем эпизоде – споре чешского короля Вацлава с «королем римским» Альбрехтом за право обладания доходами от горного дела и добычи серебра.

Петр сообщает, что Альбрехт затребовал у Вацлава либо 1/10 часть дохода – 80 тыс. марок, либо передачу рудников и доходов от них сроком на 6–7 лет⁵. Интерес императора к чешскому серебру свидетельствует о том, что слухи о неслыханном богатстве кутногорских копей распространились далеко за пределами самой Чехии.

Сами походы Альбрехта представляют событие беспрецедентное в истории Средневековья. В предшествующий период средних веков не встречается сообщений о походах, имеющих целью овладение сокровищами земных недр. Это свидетельствует о том, что современники действительно воспринимали богатства Кутной Горы как нечто сверхъестественное, а кроме того, о том, что правовое оформление стихийно возникших в Кутной Горе отношений и особенно их письменная фиксация существенно запаздывали по сравнению с жизнью.

Для историка горного дела в средневековой Чехии наиболее интересны содержащиеся в хронике сообщения о начале добычи серебра в Кутной Горе. Судя по всему, Петр Житавский пользовался рассказами очевидцев, описывая историю создания рудников Кутной Горы. Недостатка в заинтересованных наблюдателях не было, особенно среди аббатов Седлецкого монастыря, который был основан в близлежащих землях в XIII в. и активно занимался разысканием серебряных месторождений.

В рассказе Петра Житавского содержится беспощадная критика того духа наживы, который сыграл очень важную роль в рождении Кутной горы. По всей вероятности, свидетельство Петра в достаточной мере объективно. Оно отражает поразивший современников недуг серебряной лихорадки, которая сочеталась с реалиями возникновения Кутной Горы и начального периода её истории. С другой стороны, жесткая критика Збраславским аббатом духа наживы могла быть связана и с тем, что церковь была вынуждена растаться со своими первоначальными надеждами быть единственным хозяином здешних месторождений.

В общем и целом, картина рождения Кутной Горы предстает достаточно полной и ясной. Стекавший сюда люд с горных городов Чехии и других регионов Западной Европы, в частности с немецких и приальпийских земель, обусловил стихийный характер как разработок недр, так и условий возникновения нового и крупного чешского горного города.

Горное дело, которое оставалось главной осью развития горного города, создало из Кутной Горы привилегированный королевский город. Ключевые позиции в управлении городом захватили представители быстро оформившегося городского патрициата. Они пользовались своим высоким положением и извлекали выгоды из экономического и правового положения, а также от транзитной торговли не чеканенным серебром. Своим богатством они соперничали с земскими панями, которым нередко давали деньги в рост, а свой возрастающий капитал вкладывали в земельные владения – покупали сельские усадьбы и укрепляли замки, как об этом сообщает Збраславская хроника: «Кутногорец Бертольд по прозвищу Пирхнер, которого вознесло над уровнем бюргерского сословия множество денег, приобрел

ретенных из подземных рудников, построил себе между Кутной горой и Седлецким монастырем с южной стороны в долине замок, который стали называть Перштейнец, и часто там задерживался, скорее из-за стремления возвыситься, чем из-за необходимости»⁶.

Установления йиглавского горного права, записанного в 1249 г., предоставляли достаточно полную свободу поиска и эксплуатации месторождений на территории Чехии, которая принесла щедрые результаты на кутногорских землях⁷.

По всей вероятности, первоначально Кутна Гора представляла собой даже не город, а пестрый конгломерат крупных и мелких рудников, рудничных ям, отдельных горняцких хижин и поселков, а также повсеместно возникавшую обсуживающую их инфраструктуру небольших рынков, кузниц, плотницких мастерских и т. п. Подобные условия возникновения исключали возможность формирования четкой урбанистической структуры, что объясняет особенности планировки уже зрелой Кутной Горы.

Стремительность, с которой возводилась Кутна Гора, обусловила тот факт, что город был лишен какого-либо целенаправленного урбанистического планирования, и его топографическая структура отвечала исключительно тем задачам, которые ставила бурно развивающаяся добыча драгоценного металла.

Вместе с тем, в этих горняцких поселках гнездились неведомый средневековью дух свободы, осознания ценности своей личности и этот дух свободы сыграл решающую роль в тот критический момент ранней истории города, когда императору не удалось взять Кутную Гору, хотя она и не имела крепких стен.

Таким образом, хроника збраславского аббата дает историку возможность выявить черты неповторимости рождения одного из крупнейших горных городов средневековой Чехии. Уже в первой половине XIV в. Кутна Гора, возникшая в 90-е годы XIII века, выросла во второй по значению город в Чешском государстве, одну из резиденций чешских королей, главный центр чеканки монеты, успешно соперничая с Прагой вплоть до первых лет гуситского движения.

Примечания

- ¹ *Matejková E.* Kutná Hora. Praha, 1962. S. 8.
- ² См. подробнее: *Matulova E.* Socioekonomická analýza města Jihlavy. Jihlava, 2008; *Hoch A.* Doklady středověkých rudních mlýnů a zařízení na drcení rudy na Jihlavsku a Havlíčkovobrodsku. Brno, 2008. S. 17–20.
- ³ Цит. по: *Matejková E.* Kutná Hora. S. 9.
- ⁴ *Matejková E.* Op. cit. S. 22.
- ⁵ *Zbraslavská kronika / ed. by Z. Fiala.* Praha, 1976. S. 151.
- ⁶ Цит. по: *Matejková E.* Op. cit. S. 10.
- ⁷ *Ius regale montanorum aneb právo královské horníkuov.* Kutná Hora, 2000. S. 17–84.

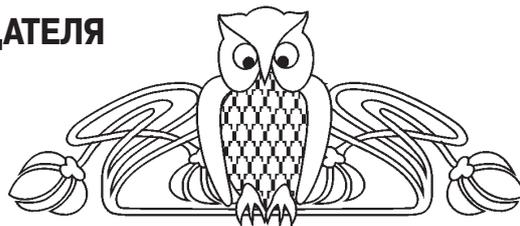

УДК 655.26(427.1)|15|+929

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ТИПА КНИГОИЗДАТЕЛЯ В ЧЕШСКОМ КНИГОПЕЧАТАНИИ XVI ВЕКА

Е. Н. Многолетняя

Саратовский государственный университет
E-mail: elenamnogoletnjaja@rambler.ru

Автор в статье анализирует издательскую деятельность крупных чешских типографов XVI века – образованных и всесторонне развитых людей своего времени, которые выступали в роли переводчиков и даже авторов издаваемых ими произведений. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с репертуаром продукции и личным вкладом каждого типографа в чешскую культуру XVI века.

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, чешские типографы, издательская деятельность.

The Formation of a New Type Book Publisher in Bohemian Book Printing of the XVI Century

Е. N. Mnogoletnyaya

The author of the article analyzes the activities of the major Bohemian book printers of the XVI century – educated and well-rounded people of their time, who acted as translators and even authors of the works they published. Particular attention is paid to the issues related to the production repertoire and the personal contribution of each book printer to the Czech culture of the XVI century.

Key words: book printing in Bohemia, book printer, publishing.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-54-59

Могучим орудием культуры Возрождения была печатная книга. В Чехии книгопечатание получило широкое распространение ещё в XV в. Первой чешской печатной книгой была столь популярная во всей Европе «Троянская хроника» с псевдоантичным сюжетом. В целом из 39 книг, изданных непосредственно в Чешских землях до 1500 г., лишь 5 были латинскими.

Особая роль книгопечатания в чешской культуре XVI в. нашла свое отражение в появлении нового, исключительно своеобразного типа культурного деятеля, а именно издателя. Эта фигура и в странах Западной Европы (Германия, Италия и т. д.) в XVI в. приобрела важное значение. Книгоиздатель становится яркой фигурой культурной жизни. Ведь отпечатать книгу – это всего лишь часть работы. Не менее важно подготовить рукопись к печати. Издатель должен был найти для издания такое произведение, которое было бы рентабельным, заполнить рукопись и права на ее публикацию. Иными словами, заключить с автором или переводчиком договор, найти редактора и художника для оформления издания, найти типографа и книготорговца.

В силу названных обстоятельств все лица, занимающиеся изданием книг в XVI в. в Запад-

ной Европе, обладали широкой образованностью. Вокруг каждого крупного издательства группировались писатели, ученые, принимая участие в подготовке текстов к печати.

Для этого нужен был немалый капитал, умение разбираться в конъюнктуре книжного рынка, видеть основные тенденции в интеллектуальной жизни эпохи, поддерживать постоянные контакты с учеными и писателями, занимать определенную позицию в политической, социальной и религиозной борьбе своего времени.

В Чехии в XVI в. также появились издатели, которые своим вкладом в чешскую культуру занимают отнюдь не меньшее значение, чем западноевропейские типографы. В лице чешского издателя мы также видим образованного и всесторонне развитого человека, который являлся и организатором производства, и корректором.

В Чехии принципиально новое в фигуре издателя заключалось в том, что он нередко выступал и в роли переводчика и даже автора издаваемых произведений. Издательская деятельность неразрывно соединялась с литературной. Имена чешских издателей XVI в. заняли видное место в истории чешской культуры.

Первой характерной фигурой чешского Возрождения начала XVI в. является типограф Микулаш Конач из Годишково (умер в 1546 г.). Он был первым чешским типографом, начавшим издавать книги в Праге в XVI в.¹, занимался при этом и литературной деятельностью, переводил с немецкого и латинского языков².

Издательскую деятельность Конач начал в 1507 г. вместе с компаньоном Яном Вольфом, богатым торговцем, владевшим домом под названием «Шмерхоф» на Староместской площади, неподалеку от ратуши. Первая книга, которую компаньоны издали, датирована 10 января 1507 г. Это были «Семь покаянных псалмов Петрарки – знаменитого поэта, богомысленного и набожного мужа».

Все переводы М. Конача предназначались для последующего их издания. Он сам отбирал для перевода произведения. Это были сочинения итальянских гуманистов (Петрарка, Боккаччо, Пикколомини, Ф. Бериальдо-старший), литературные памятники произведения античности (Лукиан), встречаются в его творчестве и переводы средневековых авторов (В. Бурлей) и представителей богословской литературы (Савонарола).

Крупнейшим изданием М. Конача как самостоятельного типографа стала «Чешская Хроника» итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколомини, выпущенная в 1510 г.³

Как литератор М. Конач оставил оригинальное произведение «Книга о страданиях и жалобах справедливости» (1547), перевод немецкой пьесы школьного театра на библейский сюжет «Юдифь» (ряд исследователей склоняется к мысли, что оригиналом послужила «Юдифь» Иоахима Греффа, 1536 г.) и драматическую обработку сюжетов Боккаччо «Игра прекрасных историй» (1547). Автор, как бы стремясь охватить все многообразие литературных форм, использует разнообразные источники как светские, так и религиозные. Эти издания увидели свет уже после смерти М. Конача⁴.

За свою издательскую деятельность М. Коначем с 1507 по 1528 г. (умер около 1546 г.) было напечатано свыше 30 книг. Чешский исследователь З. Тоболка говорит о 33 изданиях⁵, нами было установлено 32 названия книг. Основным источником сведений для нас послужила «Библиография чешских и славянских изданий» и основные труды исследователей по истории чешского книгопечатания и литературы⁶.

Весьма вероятно, что это далеко не полный список, ибо некоторые брошюры и листовки до нас не дошли. Поэтому мы не можем с полной достоверностью назвать то количество изданий, которые действительно были изданы в типографии М. Конача. Но даже то, что нам известно, позволяет говорить о том, что в лице М. Конача перед нами предстает новый тип издателя, который обладает высоким уровнем образования, хорошо ориентируется в культурной жизни своего времени, является предприимчивым человеком, чутко реагирующим на изменения, происходившие в социально-политической жизни Чехии. Об этом нам позволяет судить факт прекращения издательской деятельности после 1528 г., когда в политических судьбах Чехии произошли заметные перемены, хотя мы не встречали каких либо других объяснений данного обстоятельства.

Микулаш Конач был первым чешским типографом, оставившим глубокий след в истории чешской культуры, не только как издатель, но и как литератор.

Ко второй половине XVI в. относится деятельность выдающегося чешского переводчика и типографа Иржи Черного Рождяловского, впоследствии именованного Мелантрихом⁷. О молодых годах жизни Иржи Мелантриха нам известно немного. Как сообщает «Исторический календарь» Велеславина, в год своей смерти, в 1580 г., Иржи Мелантрих достиг возраста 69 лет, следовательно, родился будущий знаменитый издатель в 1511 г.⁸ Произошло это в Рождяловицах – городе или скорее местечке, расположенном на полпути между Ичином и Нимбурком. Старый город Рождяловицы, который получил свою первую привилегию еще в 1350 г., полностью выгорел

в 1666 г. Поэтому не осталось никаких сведений о времени жизни в нем Иржи Мелантриха. Таким образом, науке ничего не известно ни о его семье, ни о его детстве и молодых годах. Несколько позже появляются сведения об его брате Томасе. Имя Иржи Мелантриха появляется на страницах письменных источников только в начале 30-х гг. XVI в., когда он уехал из Рождяловицы в столицу и поступил учиться в Пражский утравкистский университет. Спустя несколько лет, в 1534 г., он получил степень бакалавра. По всей вероятности, Мелантрих продолжил свое обучение за границей. Там в Виттенбергском университете – центре ортодоксального лютеранства – будущий типограф познакомился со знаменитым немецким гуманистом Филиппом Меланхтоном⁹. По завершении учебы в Виттенберге Мелантрих изучал секреты искусства книгопечатания у нюрнбергских типографов, а затем в Базеле в типографии знаменитого Фробена. Вероятно, он был какой-то период работником предприятия Фробена и приобрел многосторонний опыт в деле производства и продажи книг¹⁰. Издательская деятельность его была плодотворной и многообразной, типография Мелантриха в XVI в. была крупнейшим центром книгопечатания. Из его типографии вышло множество книг различного содержания на чешском, немецком, латинском и греческом языках. По своему изяществу и совершенству печати издания Мелантриха могут быть поставлены в один ряд с книгами знаменитых издателей эпохи Возрождения – Альда Мануция и Эльзевира.

Три десятилетия Иржи Мелантрих оказывал определенное влияние на развитие чешской книжной культуры. За это время из его типографии вышло больших и малых 223 издания, из них 111 – чешском, 75 – латинском, 1 – итальянском языках, а также многоязычные учебники и словари¹¹. В его типографии работали как специализированные сотрудники, так и подсобные рабочие. К 1577 г. насчитывалось 11 человек. Издания печатались на трех прессах¹².

Мелантрих издавал чешские сочинения религиозного, правового и медицинского характера. Значительную часть изданий И. Мелантриха занимала религиозно-богословская литература. Это, прежде всего, пятикратное издание чешской Библии¹³ и различных богословских трактатов, сборников проповедей, молитвенников.

Издание и продажа книг не были единственным средством получения прибыли для Иржи Мелантриха: он был и предпринимателем в винодельческом деле и содержал в своем доме трактир¹⁴. Он вел также активную общественную деятельность – заседал в Магистрате Старого Места Пражского, – которая часто отвлекала от деятельности в типографии. Мелантрих был членом магистрата 8 раз между 1558–1560 гг., а затем без перерыва – с 1565 по 1579 г.¹⁵

За свою долгую издательскую деятельность он был удостоен решением короля Фердинанда I

собственного герба и аристократической приставки к имени «z Aventyna». И герб и «*pridomek*» Иржи Мелантрих избрал себе сам, король лишь утвердил его своим указом. Аристократическая приставка была выбрана в честь первой древнеримской библиотеки, стоявшей на Авентинском холме. Этот выбор определялся его представлениями о профессии типографа и своем месте в чешском обществе¹⁶.

Ещё более значительной фигурой является продолжатель дела Мелантриха, муж его дочери – Даниил Адам Велеславин (1546–1605), учёный и переводчик, мастер чешской прозы, которую он довёл до высокого совершенства. Последний период чешского Возрождения называют иногда «веком Велеславина». Точно известно, что родился он 31 августа 1546 г. в Праге. Он сам свидетельствует об этом в своем «Историческом словаре» под датой «31 августа»: «В 1546 году во вторник ... родился в Праге Даниэль Адам из Велеславина»¹⁷. Однако о его детстве известно совсем немного. Так, мы располагаем его воспоминаниями о посещении городской школы, о которой у него остались тягостные впечатления. По-видимому, они были связаны с неудовлетворенностью от полученных знаний.

Его родители не были богатыми людьми, поэтому не могли отправить сына для продолжения образования за границу, как это делали представители дворянских (шляхетских) семей, чьи дети нередко обучались в Германии и Италии. Отец будущего типографа Стефан Адам был родом из местечка Велеславина, расположенного неподалеку от Праги. Даниэль Адам об этом нам сообщает в предисловии к своему «Историческому календарю» (1578 г.)¹⁸. А в посвящении к своему словарю «*Nomenclator quadrilinguois*» вспоминает, в свою очередь, о своей матери Регине, которая была родом из Кутной Горы. Она происходила из пользовавшейся большим уважением среди горожан семьи скульптора Якуба и Элизы (Алжбеты) из Лоречка (a Elkuse)¹⁹. Таким образом, о молодых годах Велеславина нам почти ничего не известно. Есть основания предполагать, что он ни в молодости, ни в зрелые годы никогда не покидал своей родины – Чехии.

Благодаря своей энергии и незаурядным способностям он в двадцать два года (в 1568 г.) стал бакалавром факультета свободных искусств Пражского университета. 20 июля 1569 г. Велеславику после публичного испытания (защиты тезисов) перед четырьмя профессорами была присуждена ученая степень магистра философии. Одним из его экзаменаторов был профессор истории Проккоп Лупач из Главачова, после ухода которого из университета Даниэль Адам из Велеславина занял освободившуюся кафедру. Молодой, подающий надежды преподаватель выделялся своими глубокими познаниями в истории, о чем позволяет судить ряд обширных и оригинальных трудов, изданных им сразу после оставления кафедры,

для подготовки которых он, несомненно, собирал материал во время своей преподавательской деятельности. Это прежде всего «Исторический календарь» (1578 и 1590).

Преподавательская деятельность Велеславина продолжалась сравнительно недолго. 27 ноября 1576 г. Велеславин женился на старшей дочери Иржи Мелантриха Анне. Об этом он под 27 ноября записал в «Историческом календаре»: «В тот же день 1576 г. во вторник после дня св. Екатерины перед рождественским постом магистр Даниэль Адам из Велеславина сыграл свадьбу с Анной, первой дочерью Иржи Мелантриха из Авентина, сенатора Старого Места Пражского»²⁰. Во второй половине XVI в. согласно существовавшему со времен Карла IV закону, запрещавшему профессорам университета жениться и обязывавшему их жить в коллегии (общезитии), Даниэль Адам из Велеславина оставил кафедру и покинул университет. Такое происходило в те времена довольно часто, так как материальное положение преподавателей не было достаточно прочным, и по этой вполне понятной причине многие из них часто меняли, как они сами говорили о себе в шутку, преподавательскую кафедру университета на супружеское ложе и занимали места писарей, воспитателей в дворянских семьях, библиотекарей. Так и для Велеславина было, по-видимому, весьма материально выгодным переселиться «с коня на осла», как он сам иронически обозначил свой переход от преподавательской деятельности в университете к издательскому делу в своем предисловии к словарю «Изречений» (1579 г.)²¹. При этом уже тогда он сознавал, что на этом новом поприще он может принести пользы чешскому обществу не меньше, чем на университетской кафедре.

Однако после смерти тестя Иржи Мелантриха Даниэль Адам не стал собственником типографии, она досталась по наследству в соответствии с завещанием сыну Мелантриха Иржи младшему, который оказался не в состоянии достаточно эффективно управлять предприятием. В 1584 г. он передает управление Даниэлю Адаму, а в 1586 г. умирает. По завещанию Иржи Мелантриха старшего, если бы его сын умер, не оставив после себя наследников, то все имущество должно было быть разделено пополам между дочерьми и дядьями Мелантриха старшего. По мнению исследователя И. Пашека, Велеславин после смерти Иржи младшего и после выплаты долгов кредиторам при разделе имущества между дочерьми (сестрами) Анной, Алжбетой и Доротой получил оставшиеся на складе издания и типографию, а его жена Анна получила дом, известный под названием дома «у двух верблюдов». В этой типографии Велеславин работал до самой своей смерти, которая его настигла в 53 года. Причиной смерти стала лихорадка или чума, которая поразила его на собственном винограднике 14 октября 1599 г., а уже 18 октября он умер. Велеславин унаследовал типографию,

расширил её и достиг замечательных результатов. Обилие, внешнее изящество, необычайная тщательность изданий «пражского архитипографа» доставили ему известность далеко за пределами страны. К числу изданий Велеславина относится знаменитая «Московская хроника» Ал. Гваньини, переведённая им на чешский язык. Велеславин является также составителем чешско-латинского и четырёхязычного словарей, юридического руководства и др.

Главным учёным трудом Велеславина был «Исторический календарь» (1578–1590)²², составленный в назидательном духе. Это издание стало первенцем издательской деятельности Даниэля Адама. Он был напечатан два года спустя после того, как Велеславин покинул Пражский университет. Вероятно, работать над ним он начал, еще занимаясь преподавательской деятельностью. Своим трудом он стремился дать в руки чешской читающей публики нечто вроде пособия или справочной книги по всеобщей истории. Форма произведения отвечала тогдашним представлениям об историческом сочинении. Оно представляло собой всемирную хронику, которые в большом количестве составлялись в середине века и эпоху гуманизма. Форма, которую избрал Велеславин для популяризации исторических сведений, оказалась не совсем удачной. Распределение исторических сведений (событий) в календарном порядке по дням месяца, начиная с событий библейской истории и до современных автору событий, не давало читателю единого, цельного представления об исторических судьбах чешского народа и христианского мира в целом. По мнению исследователей, трудно предположить, что читатель воспринимал это сочинение как единое сюжетное целое, потому что календарная форма предполагала чтение отдельных частей, как правило, отрывков, связанных с отдельными днями. Это лишь знакомило читателя с отдельными достопамятными событиями и способствовало популяризации исторических знаний²³. Следуя избранной форме, Велеславин сообщал на каждый день месяца самые разнообразные факты, например, рождение, свадьбы, коронации знаменитых правителей, битвы, голодовки, эпидемии, наводнения и другие природные катастрофы. Велеславин в своем «Историческом календаре» (1578 г.) выступает в роли хрониста, который стремится в самых мельчайших подробностях донести до читателя все исторические события, вплоть до таких, как и когда появился в Чехии первый верблюд или когда впервые в Праге можно было увидеть слона²⁴.

Велеславин хорошо знал иностранные сочинения этого жанра, наиболее известным из которых был так называемый немецкий календарь Эбра, а позднее – в 1584 г. – вышел на латинском языке календарь учителя Велеславина – Прокопа Лупача из Главачова. Однако типограф ориентировался примерно на чешского читателя, не

знавшего иностранных языков. Это был предельно широкий слой читающей публики. В своем предисловии к календарю Велеславин писал: «Те, кто станет утверждать, что моя книга не нужна, так как со всем тем, о чем она повествует, можно гораздо более основательно ознакомиться по немецким и латинским книгам, будут, пожалуй, правы, но только по отношению к самим себе, так как они знают эти языки. Но ведь нельзя же требовать знания этих языков от людей простых, число коих значительно больше»²⁵. Это место в предисловии характеризует всю его издательскую программу, которая была ориентирована на читателей, не имевших разностороннего образования, умевших только читать по-чешски. Он пришел в издательское дело, чтобы служить именно этому кругу чешских читателей.

«Исторический календарь» был, безусловно, очень популярным изданием, об этом свидетельствует его второе издание в 1590 г. Оно значительно отличалось от первого издания 1578 г., правда, оба издания сохранили календарную форму и были воспроизведены некоторые отдельные части. В остальном же это было совершенно новое издание. Оно предназначалось иной читательской публике – образованному патрициату. Для этого читателя, как полагает М. Копецкий, Велеславин переработал календарь, значительно расширив его. Это проявилось, в частности, в изменении его внешнего вида – издание 1590 г. сильно отличается от издания 1578 г.: первое издание в малом формате насчитывало 212 листов, второе издание в большом формате имело 370 листов. Во втором издании отсутствует предисловие, но оно, как и первое, посвящено пуркмистам, советникам и старшинам Пражских городских общин²⁶. Но издание 1590 г. имело более высокую цель: дать наставления и предостережения, необходимые для полезного и мирного управления общинами²⁷. В издании Велеславин добавил родословную королей и князей, которые правили в чешских землях. Этому он отвел целую главу в своем сочинении²⁸.

Об основательности второго издания свидетельствует тот факт, что автор здесь постоянно ссылается на исторические сочинения других авторов, к которым постоянно отсылает своих читателей, он несколько строже относится к своим источникам, исправляет ошибки, имевшиеся в первом издании, заменяет обширными сообщениями, излагает исторические события с указанием их причин и следствий. Велеславин-хронист стал отсесняться Велеславиным-историком, который стал предельно объективным записям достопамятных событий.

Так, например, под датой «3 января» записаны следующие достопамятные события: «... родился Цицерон, славный муж и оратор римский... в 1117 г. произошло землетрясение в Чехии, Ломбардии и Римской империи... в 1415 г. арестован магистр Ян Гус... умер в 1547 г. король

английский Генрих VIII, оставил после себя сына Эдуарда VI и двух дочерей...»²⁹, а также некоторые другие события, произошедшие в этот день. После сообщений дается источник, откуда почерпнуты те или иные сведения, так, о землетрясении информация взята из более ранних хроник Козьмы Пражского и Гайека³⁰, а об аресте Яна Гуса – из хроники Лупача³¹.

Конечно, в своем Календаре Велеславин значительное предпочтение отдает историческим событиям национальной истории и стремится познакомить с ней более широкий круг чешской читающей публики. Как человек, любящий свое отечество, автор с искренней любовью отзывается о своем родном городе – Праге. Он глубоко убежден, что Прага не уступает ни в чем Афинам, ибо все, что процветающие Афины давали своим гражданам, дает Прага чехам: «Отечество наше богато, – говорит Велеславин, – оно в изобилии дает нам пищу и питье, и одежду, золото, серебро и иные металлы, так что мы, несмотря на все наше увлечение роскошью, можем делиться ими с соседями и если бы оставили чужие вредные обычаи и нравы, одежды и моды, нам ничего не нужно было бы из чужих земель»³². Он убежден даже, что знакомство чехов со многими соседними народами сыграло пагубную роль для чехов, навившихся у чужеземцев лишь дурному³³.

В конце своего календаря 1590 г. издания Велеславин помещает список чешских сеймов, а также указатель индексов и авторских маргиналий (т. е. заметок на полях страницы).

Если пытаться отнести «Исторический Календарь» к какому-то жанру исторического сочинения, то вслед за М. А. Глазковой мы можем поставить его в ряд произведений историко-просветительской литературы³⁴. Данный вид исторической литературы интенсивно развивался в Чехии во второй половине XVI в. Работы такого типа были частью исторического просветительства и имели основания для выделения из общей массы исторической литературы по следующим критериям: изложение в возможно более популярной форме самого различного рода фактических сведений по чешской и всемирной истории, ориентация на средние слои читателей, обладающих невысоким уровнем образования, и компилятивный метод работы авторов таких сочинений.

Главная заслуга Велеславина – издание разнообразной исторической литературы, ее перевод (совместно с целой дружиной учеников) и дополнение предисловиями, в которых формулировались взгляды издателя, отражавшие наиболее характерные черты чешского бюргерства, приобщившего к гуманизму.

Велеславин явил собой совершенно новый для Чехии тип книгоиздателя: он не только печатник и автор принципиально важных предисловий, но и редактор – соавтор публикуемых текстов, талантливый переводчик и даже автор. Его деятельность была многогранной: гуманист, историк,

публицист, лингвист, книгоиздатель и организатор переводческой и типографской деятельности. В глазах деятелей Национального Возрождения конца XVIII в. – первой половины XIX в. он стал символом расцвета чешской культуры XVI в., поэтому конец XVI в. даже стали называть «эпохой Велеславина»³⁵.

Итак, в Чехии в XVI в. сложился своеобразный тип книгоиздателя. Во-первых, это была предприимчивая личность, которая, с одной стороны, осознавала экономическую целесообразность издания тех или иных произведений, а с другой – издавала совершенно некоммерческую продукцию, направленную на повышение культурного уровня чешского читателя. Книгоиздательскую деятельность некоторые из них совмещали с достаточно обширной общественной и предпринимательской деятельностью.

Во-вторых, это была личность толерантная во многих отношениях, как в политическом, так и религиозном. Они не стремились издавать печатную продукцию одного какого-либо политического или религиозного направления. Они избегали непосредственного участия в религиозно-политической борьбе. Их продукция равным образом отвечала запросам широкого круга читательской аудитории. Без этой толерантности нельзя было бы достичь успеха, поскольку вся жизнь чешского общества XVI в. основывалась на ней.

В-третьих, это были энциклопедически образованные люди, они обучались в университетах и имели научную степень (Иржи Мелантрих – бакалавра, Велеславин – магистра, о М. Коначе за неимением достаточно полных сведений точно сказать не можем). Впрочем, исключать такую возможность у нас нет оснований. Это были творческие люди, которые не только передавали и тиражировали знания при помощи типографского станка, но и создавали много нового в научном и художественном смысле.

Они были носителями в широкие массы национальной культуры, в первую очередь национального языка. Поэтому помимо издателей все они были прекрасными переводчиками и достаточно успешно совмещали эти два необходимые при книгоиздании занятия. Помимо всего этого, все они были редакторами и даже авторами издаваемых сочинений. Литературная деятельность каждого имеет свое культурно-историческое значение в истории чешской и славянской литературы.

Примечания

- ¹ Horák F. Pět století českého knihtisku. Praha, 1968. S. 51–52.
- ² См.: Tobolka Z. Český knihtiskař Mikulas Konáč z Hodiškova. Praha, 1927.
- ³ Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Vydala Komise pro knihopisný soupis československých tisků až do konce XVIII. století.

- Dil. I. Prvotisky. (do r. 1500). Praha, 1925 ; Dil. II. Tisky z let 1501–1800. Č. I–IX. Praha, 1939–1967. Č. 1190, Č. 1191, Č. 13884 (Ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания) ; *Bohatcová M.* [a kolektiv]. Česká kniha v proměnách staletí. Praha, 1990. S. 177.
- ⁴ См.: Dějiny české literatury. Dil. I. Starší česká literatura. Praha, 1959. S. 330–333 ; *Мочалова В. В.* Чешская литература // История литератур южных и западных славян. Т. 1. От истоков до середины XVIII века. М., 1997. С. 653.
- ⁵ *Tobolka Z.* Český knihtiskař... S. 6.
- ⁶ Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Dil. II. Tisky z let 1501–1800. Č. I–IX. Praha, 1939–1967 ; *Копецký М.* Uvod // Památky staré literatury české. Sv. 24. Praha, 1961. S. 7–20 ; *Копецký М.* Literární dílo Mikuláše Konáče z Hodiškova. Příspěvky k poznání české literatury v období renesance. Praha, 1962 ; Dějiny české literatury. Dil. I. Starší česká literatura. Praha, 1959.
- ⁷ Получив гуманистическое образование, Иржи Рожда-ловский избрал себе имя в античной манере Мелантрих, что в переводе с греческого означает «черноволоный».
- ⁸ *Pešek J. Jiří.* Melantrich z Aventýna. Příběh pražského arcitiskaře. Praha, 1991. S. 1.
- ⁹ *Мыльников А. С.* Чешская книга. Очерки истории. М., 1971. С. 68.
- ¹⁰ *Pešek J.* Op. cit. S. 2.
- ¹¹ *Bohatcová M.* [a kolektiv]. Česká kniha... S. 216.
- ¹² Ibid. S. 216.
- ¹³ Если считать Библию 1549 г., так как она полностью была составлена и издана усилиями И. Мелантриха.
- ¹⁴ *Pešek J.* Op. cit. S. 20.
- ¹⁵ Ibid. S. 16.
- ¹⁶ Ibid. S. 38–39.
- ¹⁷ *Vešlavín D. A.* Kalendář historický z roku 1578. Цит. по: *Францев В.* Даниель Адам Велеславин «Архи- типограф Пражский». К трехсотлетию его смерти (1599–1899) // Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие. Часть CCCXXVII. 1900. январь. С. 311.
- ¹⁸ *Копецký М.* Daniel Adam z Vešlavína. Praha, 1962. S. 16.
- ¹⁹ Ibid. S. 16.
- ²⁰ *Vešlavín D. A.* Kalendář historický. Цит. по: *Францев В.* Указ. соч. С. 313.
- ²¹ *Vešlavín D. A.* Preamluva k «Dictionarium...» 1579 г. Цит. по: *Францев В.* Указ. соч. С. 313.
- ²² *Knihopis.* Č. 58, 59. См.: Dějiny české literatury. Dil. I. Starší česká literatura. Praha, 1959. S. 346 ; *Bohatcová M.* [a kolektiv]. Česká kniha... S. 224.
- ²³ *Копецký М.* Daniel Adam... S. 20–21.
- ²⁴ *Францев В.* Указ. соч. С. 315.
- ²⁵ *Vešlavín D. A.* Preamluva ke Kalendáři Historickemu z r. 1578 // *Копецký М.* Daniel Adam. S. 94.
- ²⁶ См.: посвящение к изданию 1578 г.: *Vešlavín D. A.* Dedikace Kalendáře historického z r. 1578 // *Копецký М.* Daniel Adam... S. 89.
- ²⁷ *Францев В.* Указ. соч. С. 317.
- ²⁸ См.: *Vešlavín D. A.* Z kapitoly rodové knizat Kalendáře historického z r. 1590 // *Копецký М.* Daniel Adam... S. 144–147.
- ²⁹ *Vešlavín D. A.* Leden 3. – 7. z Kalendáře historického z r. 1590 // *Копецký М.* Daniel Adam... S. 148–149.
- ³⁰ Ibid. S. 148.
- ³¹ Ibid. S. 149.
- ³² Ibid. S. 90.
- ³³ Ibid. S. 90–91.
- ³⁴ *Глазкова М. А.* Развитие чешской историографии в XVI–первой четверти XVII вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 143.
- ³⁵ См.: *Степович А. И.* Очерк истории чешской литературы. Киев, 1886. С. 111–112 ; *Мочалова В. В.* Указ. соч. С. 655.

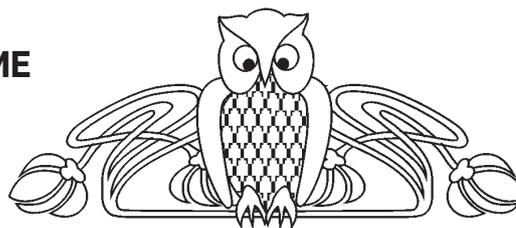
УДК 72.035.51

ИНОСТРАННЫЙ ВКЛАД В ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ ТУРЕЦКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Е. И. Кононенко

Государственный институт искусствознания, Москва
E-mail: J_kononenko@inbox.ru

В статье анализируется участие западных архитекторов в создании национального стиля в архитектуре османской и республиканской Турции. У истоков поисков визуальной самоидентификации в архитектуре и турецкого архитектурного образования стояли иноземные мастера; однако иностранный опыт использовался в Турции ограниченно и этапно, лишь на стадии формирования соответствующих стилей. Работа иностранцев оставалась под контролем государственной идеологии, а с середины XX в. приоритет отдавался национальным кадрам, составляющим конкуренцию европейским архитектурным бюро.

Ключевые слова: турецкая архитектура, национальный стиль, историзм, модернизм, вестернизация, архитектурное образование, Кемалеттин, Хольцмейстер.

Foreign Contribution to the Formation of the National Style of Turkish Architecture

Е. И. Кононенко

The article studies the role of foreign architects in the creation of national style of the Ottoman and Republican Turkey. Foreign masters founded the process of searching the visualization of national identity and Turkish school of architectural education, but these

alien experiments were used in Turkey only at the stage of proper styles development. The foreigners' work was under governmental ideological control, and since the middle of the XX century national specialists were preferred and they competed with the European architectural bureau.

Keywords: Turkish architecture, national style, historicism, modernism, westernization, architectural education, Kemalettin, Holzmeister.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-59-64

К середине XIX в. правительство Османской империи оказалось вынуждено предпринять целый ряд мер, направленных на активизацию темпов развития и включение державы в европейскую экономическую систему. Буржуазные реформы 1840–1870-х годов получили в турецкой историографии название *танзимат* – «упорядочение». Важным фактором танзимата стала откровенная вестернизация, выразившаяся в перестройке по европейским образцам административной системы, финансового законодательства, промышленности, светского образования¹. Результаты реформ оказались довольно скромными: «империя предприняла отважную попытку перестроить свою жизнь по западным образцам, чтобы, как многие верили, воспользоваться наконец могуществом западной магии; однако это усилие ее и доконало – слишком слабым к тому времени стало ее сердце»².

Танзимат вызвал в среде османской интеллигенции необходимость поиска новых путей развития культуры. Наиболее показательными оказались попытки создания национального стиля в архитектуре – ведущем виде искусства в мусульманском обществе. Целый ряд зданий Стамбула XIX в. – мечети Ортакей и Пертевниял Валиде Султан, дворцы Бейлербей, Долмабахче, Чираган – демонстрируют проникновение в османское зодчество европейских планировочных решений и элементов архитектурной декорации. Западным стандартам градостроения следовала и планировка новых районов Стамбула и Измира, осуществлявшаяся с соответствием с генеральным планом и сопоставимая с развитием Лондона, Парижа и Берлина.

Активное привлечение европейских архитекторов имело двоякий результат. С одной стороны, османская архитектура запоздало отреагировала на рококо, ампир, неоренессанс, неовизантийский стиль и даже на неоготику, переносимые на берега Босфора заказами дворцовых, гражданских и культовых зданий различных христианских конфессий (болгарская церковь св. Стефана, греческая церковь св. Троицы на Таксима, Крымская мемориальная церковь, католическая церковь св. Антония, фонтан Кайзера, вокзал Сиркеджи). С другой стороны, некоторые приглашенные мастера пытались создать в столице Халифата некий «неоисламский стиль», искусственно соединяя элементы арабской, персидской, мавританской архитектуры и вызывая справедливую критику

патриотически настроенной части интеллигенции, разделявшей идеологию «новых османов» и младотурок³. Эти результаты обострили необходимость акцентирования собственного культурного наследия.

Первой серьезной попыткой самоанализа стала подготовка к Всемирной выставке 1873 г. в Вене труда «Основы османской архитектуры»⁴, оцененного как манифест официальной программы поиска национальных ориентиров и ставившего программную задачу отделения османского вклада как от некоего «ориентального», так и от византийского. Правда, исполнителями «госзаказа», контролировавшегося Министерством торговли и общественных работ, наряду с просветителем О. Хамди оказались европейцы – В. Мари де Лоне и П. Монтани, вдохновленный идеологом неоготики Э. Виолле-ле-Дюком. В роскошно изданной книге была сделана первая попытка периодизации османской архитектуры и выделены элементы собственно османского стиля, сведенного к ряду схем. Политические задачи продиктовали и выбор представляемых памятников, наиболее изученных к тому моменту западными же реставраторами, и их оценки, ощутимые и в турецкой, и в европейской историографии и по сей день. В частности, культура эпохи танзимата была объявлена «османским ренессансом», и романтизация славного прошлого стала одной из идеологических установок. Это привело к формированию в османской архитектуре своеобразного варианта «историзма», почти синхронного европейским поискам исторических стилей.

Обращение к архитектурному историзму как части поисков цивилизационных истоков национальных культур оказалось общим явлением культуры рубежа XIX–XX вв. В России в рамках историзма при покровительстве государства развивались «русский» и «византийский» стили, во Франции и Англии – неоготика, в Германии – необарокко и т. д.⁵ Именно представители этих направлений оказались вовлечены в систему специального образования Османской империи.

В последние десятилетия XIX в. в ответ на требования времени в Турции (прежде всего, в Стамбуле) в дополнение к старой султанской архитектурной школе (*Hassa Mimarları Ocagi*) открывается целый ряд специальных учебных заведений, готовивших архитекторов: в 1881 г. учреждено Управление строительных работ, в 1882 г. основана Академия изящных искусств (где по французскому образцу с подачи А. Валлари появляется отделение истории архитектуры), в 1883 – Школа гражданских инженеров⁶. Квалифицированные инженерно-строительные готовили и военно-технические школы, преподавание в которых было организовано по европейским моделям и осуществлялось иноземными специалистами, в большинстве своем офицерами западных армий.

Необходимо отметить, что приглашение европейских архитекторов во многом объяснялось

непрестижностью строительной деятельности в мусульманских общинах, – даже должности придворных архитекторов в Империи обычно занимали представители христианских общин, что в свою очередь облегчало архитектурную вестернизацию. Позже эти посты занимали европейцы: так, в 1896–1908 гг. придворным архитектором служил Раймондо д’Аронко, один из ведущих представителей итальянского модерна.

Важно, что «европеизация» османской культуры не рассматривалась как колонизация и не являлась таковой, Турция была более других мусульманских стран интегрирована в европейскую культуру, мода на «европейское» мало затронула мусульманскую элиту, османский архитектурный заказ оказался более самостоятельным и избираемым, и узнаваемый «колониальный стиль» мог найти применение лишь в европейском заказе в Анатолии (консульства, представительства). Тем не менее уже к началу XX в. активная националистическая пропаганда паносманистов, пантюркистов, младотурков заставляла воспринимать вестернизацию как «империалистическую угрозу»⁷. Для младотурков оказалось необходимо отделить турецкую составляющую от культурного «интернационализма».

Популярная идея национального возрождения способствовала быстрому появлению поколения собственно турецких архитекторов, возглавивших так называемое Первое национальное архитектурное движение, вылившееся, как ни странно, в неоосманский стиль, представленный прежде всего постройками М. Ведата Тека и А. Кемалеттина. Показательно, что для европейских мастеров места в Первом национальном архитектурном движении почти не нашлось, наоборот, оба зодчих, вышедших из среды османских чиновников, закончив османские инженерные школы, пройдя выучку у западных архитекторов (Кемалетдин был помощником немца А. Ясмунда, строителя неоготического вокзала Сиркеджи), стажировавшиеся в Европе (Тек – в Париже, Кемалеттин – в Берлине), заняли посты ведущих архитекторов правительственных ведомств и активно создавали собственно турецкую систему подготовки архитекторов, противопоставленную европейской модели⁸. Следует отметить, что наряду с национальными мастерами одним из идеологов национальной турецкой архитектуры стал итальянец Джулио Монжери, правда, уроженец Стамбула, деятельность которого всецело была связана с Турцией.

Неоосманский стиль выразился в устойчивом использовании ограниченного набора архаичных декоративных элементов, объявленных неотъемлемыми чертами национального турецкого зодчества, во вполне современных архитектурных конструкциях, воспроизводящих образы османских зданий. Такими элементами стали купольные портики, лотковые своды, стрельчатые арки, выносные карнизы на деревянных кронштейнах,

сталактитовые заполнения ниш, изразцовые панно (стамбульские мечети Хобьяр, Бебек, здание Почтамта, мавзолей Мехмеда V, вокзал Хейдарпаша, вокзал в Пловдиве). За счет наиболее узнаваемых «цитат» мастера пытались создать архитектурный образ, отсылающий к определенному историческому образцу, активно применяя анахроничные конструкции, материалы, элементы декорации, в том числе барочные и ампирные, заимствованные у своих западных учителей.

Нас не будет интересовать подробное описание памятников неоосманского стиля и его эволюция. Отметим лишь, что, иллюстрируя идеологию младотурков, Первое национальное архитектурное движение пережило и I мировую войну, и распад Османской империи, и провозглашение Турецкой Республики в 1923 г. Правда, турецкие мастера, работавшие в сфере культовой архитектуры, не смогли найти себе применения в первые десятилетия Республики и вынуждены были работать за границей, подобно А. Кемалеттину, реставрировавшему мусульманские святыни Палестины. Государство не отделило религию, но полностью поставило ее под свой контроль. При этом идеология ислама оказалась заменена турецкой национальной идеей, «нация» была противопоставлена «умме» (религиозной общине). Но, как ни странно, республиканский национализм востребовал архитектурную риторику неоосманского стиля: во-первых, эта риторика отражала обращение к славному прошлому турок, идеалы тюркизма, во-вторых, визуально воплощала правопреемственность республики по отношению к Империи и должна была легитимизировать новый строй в глазах старшего поколения⁹.

Кроме того, восстановление городов после войны за независимость, реорганизация управления и перенесение столицы государства в дотол провинциальную маленькую Анкару потребовали активизации гражданского строительства, и строительство это велось по проектам, разработанным еще в османской Академии и реализуемым ее выпускниками, европейские архитекторы после Первой мировой войны были обеспечены заказами на родине. Образцом нового революционного стиля становятся здание Анкара-Палас (1924–1927) – совместная работа Ведата Тека и Кемалеттина, использовавших весь уже опробованный лексикон «турецкого Ренессанса», и корпус Этнографического музея (1926, арх. А. Коюноглу), позже служивший мавзолеем Ататюрка.

Основные элементы столичной парадигмы запоздалого неоосманского (ныне раннереспубликанского) архитектурного стиля легко распространялись в провинцию благодаря активной поддержке государства, которое именно этот стиль – за неимением другого – активно использовало при возведении зданий госучреждений, школ и почт¹⁰. Благодаря этому госзаказу второй половины 1920-х гг. оказались востребованы представители последних поколений османских

архитекторов, разрабатывавшие указанный стиль в совершенно других условиях. Параллель этому «почтовому» госзаказу можно увидеть в реализации американского «Федерального проекта развития искусств», принятого правительством Ф. Рузвельта для поддержки художников в период экономической депрессии и мобилизовавшего их для оформления общественных зданий, тех же почтамтов¹¹.

Но в первое десятилетие республики Турция, декларируя приверженность европейским ценностям, пристально изучала и западный опыт того времени, пытаясь оценить новые архитектурные тенденции и примеряя к своим потребностям интернациональные тренды визуальной культуры. На рубеже 1920–1930-х гг. возрожденные османские формы были объявлены устаревшими. Правительство провозгласило курс на внедрение принципиально новых (для Турции) архитектурных форм, более соответствовавших республиканскому обновлению страны, разрыву с ценностями прошлого и обращению к будущему, ассоциирующемуся с европеизацией, – *yeni mimari*, «новой архитектуры», образцом для которой стал европейский модерн.

«Новая архитектура» требовала новых кадров, как самих архитекторов, так и их учителей. В 1929 г. в Стамбуле открывается Инженерная школа (позже преобразованная в Технический университет), на первых порах составившая альтернативу «неосманской» Академии изящных искусств, а затем разделившая со старым вузом учебные программы и современные, более востребованные концепции архитектурного развития. Преподавателями в двух учебных заведениях стали приглашенные европейцы, таким образом, состоялось «второе пришествие» западных архитекторов в турецкое зодчество, в 1930–1940-х гг. пережившее очередную волну интереса к «интернационализму».

«Суперпроектами», которые были призваны сформировать визуальный образ республики, оставались Анкара и Измир: первая, став столицей, нуждалась в расширении и преодолении провинциализма, второй, оставаясь крупнейшим эгейским портом и важнейшим экономическим центром, бурно отстраивался после греко-турецкой войны. Конкурс на разработку плана перестройки Анкары выиграл немецкий архитектор Г. Янсен¹², ранее предлагавший градостроительный проект Большого Берлина и прославившийся работами в Бранденбурге, Риге, Лодзи, Братиславе, Мадриде. Кроме Янсена, в анкарском конкурсе приняли участие немец Й. Брикс и француз Л. Жассели¹³. Янсен проектировал также турецкие города Мерсин и Адану. Для создания генерального плана Измира правительство Турецкой Республики пыталось привлечь Ле Корбюзье¹⁴ – уже знаменитого пионера архитектурного функционализма, в 1920 – начале 1930-х гг. активно занимавшегося урбанизмом и разрабатывавшего

градостроительные планы для Буэнос-Айреса, Антверпена, Рио-де-Жанейро, Алжира. Уже сам этот факт демонстрирует программное стремление Турции включиться в общие процессы модной в то время «интернациональной архитектуры»¹⁵.

Архитектурный модернизм европейского – прежде всего немецкого, австрийского и швейцарского – образца был объявлен желаемой визуальной антитезой неосманскому стилю в рамках революционного обновления турецкого общества. Если Первое национальное архитектурное движение настаивало на обретении культурной идентичности и противопоставляло себя космополитичности конца XIX в., то «новая архитектура» республики представляла собой осознанную попытку интеграции в современную западную культуру, причем уже без отставания: в это же время архитектурный модернизм становится актуальным трендом во всех странах, где существовал государственно-идеологический патронаж строительной практики: Италии, Германии, СССР, Палестине.

Необходимо отметить, что привлечение иностранных зодчих часто инспирировалось не столько спросом, сколько предложением: правительство Турецкой Республики не только размещало заказы в европейских архитектурных бюро, но и пользовалось опытом эмигрантов, по разным причинам не находившим применения на родине. В 1920-х гг. это были прежде всего архитекторы Веймарской Республики, чьи проекты не были реализованы в Европе (М. Вагнер, В. Лихотски, Ф. Хиллингер), в 1930-х – в первую очередь политические беженцы из Италии и Германии, – несмотря на то что Турция официально сотрудничала с Третьим Рейхом¹⁶.

Одним из наиболее авторитетных приглашенных архитекторов был Клеменс Хольцмейстер, профессор Академии изящных искусств Вены и преподаватель дюссельдорфской Академии художеств, получивший в 1927 г. контракт на строительство в Анкаре здания военного министерства. В 1938 г. Хольцмейстер оставил высокие посты в Австрии и переехал в Турцию, прожив здесь до 1954 г., преподавая в Стамбульской инженерной школе и работая в Анкаре¹⁷. Показательно, что опыт Хольцмейстера в создании в Австрии, Германии и Италии в 1920–1930-х гг. большого количества церковных построек оказался не востребован в Турции: ему пришлось сосредоточиться на гражданских заказах и строить здания Национальной Ассамблеи и Президентского дворца, министерств, банков, посольства. Реализация принципов светского государства, каким объявила себя Турецкая Республика, на несколько десятилетий практически исключила культовое строительство из архитектурной практики. М. Эльсессеру, специалисту по средневековой европейской архитектуре, строившему в 1910–1920-х гг. в Германии лютеранские церкви, в Анкаре в 1937 г. достался лишь проект банковского офиса.

Многие известные западные архитекторы в Турции не столько строили сами, сколько готовили молодые национальные кадры: например, яркий представитель «новой вещественности» и теоретик «нового строительства» Бруно Таут, прославившийся крупными комплексными градостроительными работами в Магдебурге и Берлине, став в 1936 г. профессором архитектуры в стамбульской Академии художеств, жилую застройку уже не проектировал, а создавал проекты зданий учебных заведений; последним выполненным им заказом оказался катафалк Ататюрка¹⁸. Эмигрировавший из Германии в 1943 г. промышленный архитектор П. Бонатц прославился в Турции прежде всего перестройкой здания оперного театра в Анкаре¹⁹.

Вместе с К. Хольцмейстером из Вены в Анкару переехал Э. Эгли, уже имевший опыт масштабных градостроительных проектов. Но и его опыт востребован не был: проработав в Турции до конца 1930-х гг., Эгли возвел в Анкаре и Стамбуле корпуса учебных заведений, здания посольств, столичную консерваторию. Во время работы в Турции Эгли проявил себя не только как архитектор-практик, но и как разработчик вузовской программы по архитектуре, как аналитик проблем турецкого жилищного строительства и как историк османского зодчества, собравший, в частности, материалы о творчестве Синана – знаменитого архитектора XVI в.²⁰

Однако включение Турции в «интернациональную архитектуру» активизировало и попытки поисков ее национального варианта. В 1930-е гг. появляется целый ряд журналов, на страницах которых этот вариант обсуждался, – «Mimar» («Архитектор»), «La Turquie Kemaliste» («Кемалистская Турция»), «La Turquie Moderne» («Современная Турция»). И в архитектурную практику, и в преподавание архитектуры включались и турецкие мастера, прошедшие обучение у западных учителей и стажировавшиеся в Европе, например Э. Онат и С. Эльдем, позже возглавившие Второе национальное архитектурное движение. В 1932 г. Эльдем организовал в Академии изящных искусств семинар «Турецкий дом», поставив его целью поиск именно национальной турецкой составляющей, которую следует интерпретировать и применить в жилищном строительстве.

Второй этап национального архитектурного движения начался с конца 1940-х гг. и выразился в программном поиске уже не тюркских (национальных), а именно анатолийских (региональных) особенностей – вниманию к климату, освещению, рельефу местности, традиционным строительным материалам. Вполне логично, что при внимательном отношении к западному опыту практическое участие иностранных мастеров в этом поиске было сведено к минимуму; наоборот, востребованы оказались даже мастера-«неоосманисты» старшего поколения (прежде всего при возвращении в строительную практику зданий мечетей, опыта возведения которых у республиканских архитек-

торов не было²¹). Во многих сферах (в частности, в строительстве мусульманских зданий) тенденции, намеченные Вторым национальным архитектурным движением, сохраняются до сих пор.

К 1950-м гг. Турция имела целое поколение национальных архитекторов; в турецких вузах работали преимущественно турецкие преподаватели, прекрасно знавшие тренды мировой архитектуры. Послевоенная либерализация привела к появлению частных архитектурных ателье, успешно конкурировавших с европейскими при получении заказов. В 1954 г. была учреждена Палата архитекторов, неофициальной задачей которой стало ограничение строительной деятельности иностранцев. Безусловно, от западного опыта никто отказываться не собирался, и европейские, и американские мастера активно участвовали в объявлявшихся Турцией престижных и интересных по поставленным задачам архитектурных конкурсах (мавзолей Ататюрка, мечеть Коджатеппе в Анкаре, ансамбль площади Таксим в Стамбуле), участвовали в проектировании и реализации ряда крупных объектов, но победителями в этих конкурсах и руководителями проектов в подавляющем большинстве случаев оказывались турецкие зодчие²². В то же время предложенные именно турками модели современной мечети становились победителями конкурсов в ряде азиатских стран, прежде всего в Пакистане и Индии²³.

Таким образом, в процессе создания национальной турецкой архитектуры до середины XX в. иностранный фактор использовался весьма активно: и Османская империя, и Турецкая Республика отдали дань самым современным культурным течениям и визуальным трендам, приспособивая их к своей идеологии. Европейцы стояли у истоков турецкого архитектурного образования, формировали облик позднеосманских городов, предоставляли туркам условия для практических стажировок и начала самостоятельной работы. Однако иностранный опыт неизменно использовался очень избирательно, дозированно, беря из этого опыта лучшее, турецкая администрация оговаривала заказ, диктовала свои требования и жестко контролировала результаты их выполнения. Неслучайно в 1938 г. Г. Янсен потребовал убрать свою подпись с генплана Анкары, а опытные урбанисты вынуждены были реализовывать проекты отдельных зданий.

При следовании интернациональной моде в турецкой архитектуре I половины XX в. всегда сохранялось стремление к самоидентификации; менялись лишь ее векторы – османизм, национализм, модернизм, регионализм, – которые по необходимости корректировались иностранным участием. Это участие требовалось лишь для создания образцов на этапе становления собственного стиля и для подготовки первого поколения национальных архитекторов, способных этот стиль развивать. После этого сделавший свое дело «мавр» становился не нужен.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Шабанов Ф. Ш.* Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку, 1967; *Sertoğlu M.* *Türkiyede yenileşmenin tarihçesi ve Tanzimat devrim.* Istanbul, 1973.
- ² *Гудвин Дж.* Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов. М., 2012. С. 5.
- ³ *Bernardini M.* Impact of Sinan on Turkish Revivalism // *Environmental Design : The Urban Vision* / ed. by A. Petruccioli. Istanbul, 1987. P. 216; *Киреев Н. Г.* История Турции. XX век. М., 2007. С. 56–70.
- ⁴ *Osmanli mimarisi / Usul-i Mi'mari-i Osmani.* Istanbul, 2010 [1873]; *Ersoy A.* Architecture and the search for Ottoman origins in the Tanzimat period // *Muqarnas.* 2007. Vol. 24. P. 117–130.
- ⁵ См.: *Савельев Ю. Р.* Искусство «историзма» в системе государственного заказа второй половины XIX – начала XX века (на примере «византийского» и русского стилей) : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения / СПбГАИ живописи, скульптуры и архитектуры. СПб., 2006. С. 5. См. также: *Иконников А. В.* Историзм в архитектуре. М., 1997.
- ⁶ *Seyand Y., Tapan M.* Architectural Education in Turkey : Past and Present // *MIMAR 10 : Architecture in Development.* Singapore, 1983. P. 69–70.
- ⁷ *Kuban D.* A Survey Of Modern Turkish Architecture // *Architecture in Continuity* / ed. by S. Cantacuzino. N. Y., 1985. P. 65.
- ⁸ Некоторые турецкие исследователи считают наиболее важным вкладом Ветага и Кемалеттина именно их педагогическую деятельность; см. например: *Seyand Y., Tapan M.* Op. cit. P. 69–70.
- ⁹ См.: *Кононенко Е. И.* Турецкая мечеть : между неоклассикой и не-классикой // *Искусствознание.* 2014. № 3–4. С. 155–157.
- ¹⁰ *Bozdoğan S.* Modernism and nation building : Turkish architectural culture in the Early Republic. Seattle, 2001. P. 38.
- ¹¹ См. подробнее: *Мартыненко Н. В.* Живопись США XX века. Пути развития. Киев, 1989. С. 37–40.
- ¹² *Bozdoğan S.* Op. cit. P. 62.
- ¹³ Подробнее см.: *Turkoğlu Ongue S.* Spatial Representation of Power : Making the Urban Space of Ankara in the Early Republican Period. Pisa, 2007.
- ¹⁴ *Kuban D.* Op. cit. P. 67.
- ¹⁵ См. подробнее: *Фремттон К.* Современная архитектура. Критический взгляд на историю развития. М., 1990. С. 363.
- ¹⁶ *Bozdoğan S.* Op. cit. P. 71.
- ¹⁷ Подробнее см.: *Bernd N.* Moderne und Exil. Deutschsprachige Architekten in der Türkei. Berlin, 1998; *Franck O. A.* Deutschsprachige Architekten in der frühen Republik // *Das Werden einer Hauptstadt : Spuren deutschsprachiger Architekten in Ankara.* Ankara, 2011.
- ¹⁸ См.: *Gasco G.* Bruno Taut and the program for the protection of monuments in Turkey (1937–38). Three case studies : Ankara, Edirne and Bursa // *METU JFA.* 2010. № 1. P. 15–36; *Bozdoğan S.* Against style : Bruno Taut's pedagogical program in Turkey, 1936–1938 // *The education of the architect* / ed. by M. Pollak. Cambridge, 1997.
- ¹⁹ См.: *May R.* Remigration: Postponed. The Architect Paul Bonatz between Turkey and Germany // *New German Critique.* 2009. Vol. 36. № 3.
- ²⁰ См.: *Egli E.* Das türkische Wohnhaus // *La Turquie Kemaliste.* 1936. № 14; *Ibid.* Sinan, der Baumeister osmanischer Glanzzeit. Erlenbach–Zürich, 1954.
- ²¹ См.: *Кононенко Е. И.* Турецкая мечеть... С. 157–159.
- ²² См.: *Кононенко Е. И.* В ожидании «суперпроекта» : ориентиры турецкой мечети // *Азия и Африка сегодня.* 2014. № 4. С. 66–68.
- ²³ Подробнее см.: *Keene H.* The Turks in India. Hawaii, 2001; *Shaw I.* Pakistan Handbook. Hong Kong, 1989.

УДК 327(100+497)|1990/2000|

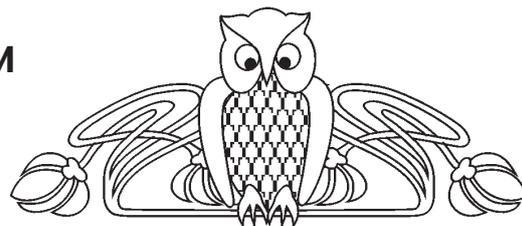
ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ НАТО К СИТУАЦИИ НА БАЛКАНАХ В 1990–2000-е ГОДЫ

Е. С. Корнев

Саратовский государственный университет
E-mail: korenev.es@mail.ru

В статье на основе официальных документов НАТО анализируется изменение позиции руководства организации относительно ситуации на Балканах в 1990–2000-е гг. Особое внимание уделяется анализу эволюции подходов альянса к выстраиванию политики в Балканском регионе в контексте его участия в операциях по кризисному регулированию и поддержанию мира на территории бывшей Югославии. Обосновывается предположение о поэтапной реализации региональной стратегии НАТО на Балканах в процессе установления его геополитической гегемонии в регионе.

Ключевые слова: НАТО, Балканы, Стратегическая концепция НАТО, саммиты НАТО.

The Evolution of NATO's Approaches to the Situation in the Balkans in the 1990s –2000s

E. S. Korenev

The article analyses the change of the organization's position concerning the situation in the Balkans in the 1990s–2000s on the basis of official documents. Special attention is paid to the analysis of the evolution of the Alliance's approaches to the building of policy in the Balkan region in the context of its participation in the crisis management and peacekeeping operations within the territory of former Yugoslavia. The author proves the hypothesis concerning the

step-by-step realization of NATO's regional strategy in the Balkans in the process of establishing its own geopolitical hegemony in the region.

Key words: NATO, Balkans, Strategic concept of NATO, NATO's summits.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-64-70

В 1990–е гг. начался процесс трансформации Североатлантического альянса, вызванный необходимостью адаптации организации к реалиям постбиполярного мира. Особое место в повестке дня НАТО заняла ситуация на Балканах, где не только произошел крах коммунистических режимов, но и вспыхнули кровопролитные конфликты, угрожавшие безопасности всей Европы.

Такое положение дел, с одной стороны, вызывало обеспокоенность руководства альянса, поскольку дестабилизация крупного региона, имеющего к тому же взрывоопасное историческое прошлое, могла привести к экспорту нестабильности на территорию членов организации, а значит, требовалось выделить большое количество средств и развернуть масштабную дипломатическую кампанию для предотвращения этой угрозы. С другой стороны, подобная геополитическая ситуация давала уникальный исторический шанс воспользоваться ослаблением российских позиций в регионе и установить здесь собственную гегемонию.

Последняя четверть века свидетельствует о том, что НАТО превратило Балканский полуостров в своеобразный испытательный полигон, на котором пробует отработать механизмы конструирования региональной стратегии, предполагающей применение всего спектра военно-политических инструментов, начиная от проведения операций и миссий и заканчивая включением балканских государств в организацию. При этом при переходе с одного уровня реализации стратегии на другой постепенно корректировалось представление о роли и статусе Балкан в планах Брюсселя. Изменение в восприятии региона руководством альянса отчетливо прослеживается при анализе официальных документов организации (стратегические концепции, декларации по итогам саммитов глав государств и правительств, заявления генерального секретаря, коммюнике по итогам министерских встреч). Попытаемся проанализировать те из них, которые имеются в открытом доступе, для того чтобы проследить эволюцию подходов НАТО к ситуации на Балканах в процессе формирования региональной стратегии организации в 1990–2000-е гг.

Первые упоминания о позиции альянса по происходившему процессу трансформации на Балканском полуострове появились в Лондонской декларации, принятой 5 июля 1990 г. по итогам саммита глав государств и правительств стран-членов Североатлантического блока. В документе содержалось приглашение Болгарии и Румынии

вместе с другими государствами ОВД незамедлительно установить постоянные дипломатические отношения с альянсом¹. Этот небольшой пункт в документе, соответствовавший духу того времени, означал, что организация готова начать диалог с балканскими странами после того как в них произошло падение коммунистического режима.

Римская декларация, принятая год спустя, 8 ноября 1991 г., развивала положения предыдущих документов, посвященных вопросам сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы. В ней было сформулировано предложение создать Совет североатлантического сотрудничества, к участию в котором в качестве полноправных партнеров пригласили Болгарию и Румынию².

Внимание альянса было обращено не только на Восточные Балканы, которые являлись длительным форпостом ОВД в регионе, но и на западную часть полуострова, где также происходили политические трансформации. В частности, в коммюнике Генерального секретаря НАТО М. Вёрнера от 17 декабря 1990 г. в разделе «Дальнейший прогресс в создании новой Европы» отмечалось, что альянс ожидает окончательного распространения демократических свобод в Албании и надеется, что реформы, начавшиеся в этой стране, принесут свои плоды³.

Это сообщение было опубликовано сразу после того как в Албании вспыхнули студенческие беспорядки с требованиями демократизации. Председатель президиума Народного собрания Албании Р. Алия тогда пообещал протестующим продолжение реформ. События в Албании давали руководству альянса повод для сдержанного оптимизма, поскольку было понятно, что прозападные демократические силы, которые начали формироваться в стране, скоро придут к власти так же как и в странах Восточной Европы. В отсутствие собственной модели демократии Албании особенно важно было опираться на опыт государств ЕС и НАТО в построении новой политической системы. По сути, это и стали делать албанские демократы после того как в начале 1990-х они пришли к власти и начали сближение с альянсом.

Если Албании, Болгарии и Румынии удалось в целом мирно демонтировать коммунистический режим, несмотря на определенные беспорядки, то в Югославии подобные перемены совпали с резким ростом националистических настроений населения и республиканских элит, что привело к возникновению ряда кровопролитных межэтнических конфликтов и распаду союзного государства. Впервые достаточно четко НАТО обозначила свою позицию по вопросу усиления напряженности на югославской территории в пресс-релизе «Ситуация в Югославии», который был опубликован 8 ноября 1991 г. во время заседания Североатлантического совета на высшем уровне в Риме⁴. Альянс выражал обеспокоенность кризисом, вспыхнувшим на югославской территории, и

осуждал многочисленные факты нарушения прав человека и режима прекращения огня сторонами конфликта. Однако конкретно в документе говорилось только об атаках Югославской народной армии на Дубровник и другие хорватские города, поэтому было понятно, на чьей стороне находятся симпатии альянса.

В пресс-релизе содержались два очень важных принципа, которые на тот момент определяли позицию НАТО по отношению к югославскому кризису, а затем с течением времени были забыты руководством организации, хотя их применение могло бы оказать стабилизирующее воздействие на ситуацию в регионе. Речь идет о том, что альянс признавал невозможность реализации права на самоопределение народами Югославии без учета прав и интересов национальных групп в самих республиках. Этот принцип был нарушен применительно к ситуации в Хорватии и Боснии и Герцеговине, поскольку НАТО последовательно осуждала попытки сербов на территории этих государств сформировать свои национальные образования с возможностью их последующего присоединения к Югославии, несмотря на то, что это отвечало в полной мере смыслу права наций на самоопределение.

При этом НАТО заявила о том, что при разрешении югославского кризиса необходимо опираться на принцип нерушимости границ. Именно он был нарушен, когда большинство государств-членов организации признали независимость Косово, после того как в течение десяти лет альянс проводил целенаправленную политику для того, чтобы сделать возможным отделение края от Сербии.

Пресс-релиз от 8 ноября 1991 г. продемонстрировал, что в конце 1991 г. руководство НАТО продолжало наблюдать за ситуацией в Югославии со стороны, не пытаясь активно вмешиваться в происшедшие события. Ведущую роль в разрешении кризиса организация отводила ЕС, СБСЕ и ООН, не рассматривая Балканы, во всяком случае, официально в качестве зоны своих непосредственных геополитических интересов. Это объяснялось, во-первых, отсутствием консолидированной позиции членов альянса по ситуации в регионе, а во-вторых, тем фактом, что внимание руководства НАТО было сосредоточено на наблюдении за процессом распада СССР, последствия которого могли оказаться более значимыми для международной безопасности.

Тем временем события на Балканах продолжали развиваться стремительно. Война в Хорватии набирала обороты, кратковременные перемирия постоянно нарушались сторонами конфликта. Осенью 1991 г. в ООН стали разрабатываться проекты введения миротворческих контингентов на югославскую территорию. После окончания нескольких миссий в Югославии личного посланника Генерального секретаря ООН С. Вэнса, в ходе которых ему удалось пообщаться

со всеми сторонами конфликта, были разработаны и уточнены планы возможного размещения миротворцев в зонах повышенной напряженности. В итоге, 21 февраля 1992 г. была принята резолюция СБ ООН № 743⁵, согласно которой были учреждены силы Организации Объединенных Наций по охране. Это стало началом активной фазы международного вмешательства в разрешение югославского кризиса.

НАТО к концу 1991 г. также обозначила свою позицию по вопросу об учреждении миротворческой миссии на территории Югославии. Небольшой раздел под названием «Югославия» в опубликованном 19 декабря коммюнике М. Вёрнера содержал призыв к сторонам конфликта соблюдать договоренности по прекращению огня, для того чтобы обеспечить беспрепятственное развертывание миротворческих сил ООН⁶.

Начиная с 1992 г. и вплоть до начала 2000-х гг. декларирование позиции НАТО по кризисному регулированию конфликтов на территории бывшей Югославии стало занимать центральное место в официальных документах альянса. При этом политике «открытых дверей» на Балканах внимания не уделялось, поскольку в практическом плане для реализации региональной стратегии организации на тот момент она имела второстепенное значение.

НАТО в 1990-е гг. было необходимо силой проложить себе дорогу на Балканы для того чтобы прочно здесь обосноваться в 2000-е гг. Очевидно, что в этот период регион уже вошел в сферу геополитических интересов альянса, а поскольку других угроз, серьезно беспокоивших организацию на тот момент, не существовало, Брюссель начал активно реализовывать военный аспект своей региональной стратегии.

Весной 1992 г. вспыхнула война в Боснии и Герцеговине. Это заставило НАТО начать проработку возможных сценариев своего участия в миротворческих операциях. В июне того же года в коммюнике, принятом по итогам министерской встречи Североатлантического совета в Осло, была обозначена готовность НАТО оказывать поддержку миротворческой деятельности СБСЕ на разовой основе путем предоставления собственных сил, ресурсов и опыта⁷. Уже через месяц ВМС альянса приступили к патрулированию в водах Адриатического моря, выполняя положения резолюций СБ ООН № 713⁸ и № 757⁹, которые вводили эмбарго на поставки оружия и всеобъемлющие санкции в отношении бывшей Югославии. 9 октября 1992 г. резолюцией № 781 был введен режим «бесполетной зоны» над Боснией и Герцеговиной, его обеспечение сразу же стали осуществлять самолеты государств-членов НАТО¹⁰.

В декабре 1992 г. было опубликовано Заявление по бывшей Югославии, в котором говорилось о готовности НАТО поддержать миротворческие операции под эгидой СБ ООН¹¹. Таким образом, альянс предпринял первые практические шаги на боснийском направлении и тем самым обо-

значил свое желание быть активным игроком в разрешении конфликтов на пространстве бывшей Югославии.

В течение следующих нескольких лет повышенное внимание руководство альянса уделяло ситуации в Боснии и Герцеговине. Несмотря на миротворческий характер операций НАТО, проводившихся на территории этой страны, организации не удалось соблюсти беспристрастность. Это выразилось как в конкретных действиях на боснийской территории в ходе осуществления операций «Запрет на полеты» и «Преднамеренная сила», так и в оценках ситуации в этой стране, зафиксированных документально. В официальных документах того периода вся вина за происшедшие события была возложена на боснийских сербов, при этом подчеркивалась стабилизирующая роль НАТО не только в Боснии и Герцеговине, но и на Балканах в целом.

В частности, в Заявлении по Боснии и Герцеговине от 5 декабря 1995 г. НАТО подтвердила свою готовность продолжить усилия по содействию мирному урегулированию в стране¹². В том числе речь шла об операциях по поддержанию мира. В конце года Альянс приступил к развертыванию Сил по выполнению мирного соглашения (ИФОР), чтобы реализовать военные аспекты Дейтонского мирного соглашения. 60-тысячный контингент военнослужащих НАТО, размещенный в Боснии и Герцеговине, стал наглядным свидетельством того, что организация не только готова содействовать мирному урегулированию в стране, но и планирует установить здесь свое геополитическое влияние. Оценивая последующий двадцатилетний пост-дейтонский период развития Боснии и Герцеговины, можно сделать вывод о том, что альянсу удалось это сделать.

После длительного доминирования боснийской проблематики в балканской повестке дня НАТО в 1997–1998 гг. произошли определенные изменения. Первым индикатором перемен стала Мадридская декларация, принятая 8 июля 1997 г. по итогам встречи глав государств и правительств¹³. В ней говорилось о начале новой эры в отношениях с партнерами в Центральной и Восточной Европе. В частности, отмечался прогресс 12 стран-кандидатов, среди которых были и государства Балкан.

В документе подчеркивалось, что альянс остается приверженным политике «открытых дверей» и готов к приему новых членов в свой ряды при условии, если они будут активно проводить процесс реформ под эгидой программы «Партнерство ради мира». При этом в декларации говорилось о том, что НАТО будет оказывать активное содействие Албании в реформировании ее вооруженных сил, которые после беспорядков в январе–марте 1997 г., сопровождавшихся разграблением армейских складов и массовым дезертирством, фактически были разрушены. Такая поддержка Тираны, мечтавшей присоединиться к организации, позволяла альянсу формировать

нужный облик албанской армии для того чтобы использовать ее в дальнейшем в своих целях.

В 1998 г. началась эскалация конфликта в Косово. Альянс, который довольно прочно обосновался на тот момент на Балканах и практически полностью определился со своей региональной стратегией, просто не мог не отреагировать на появление зоны нестабильности в сфере своих новых геополитических интересов.

В первом коротком заявлении Североатлантического совета по ситуации в Косово, опубликованном 5 марта 1998 г., говорится о том, что НАТО имеет законный интерес следить за происходящими в крае событиями, поскольку они влияют на стабильность всего региона, который имеет значимость для организации¹⁴. События развивались стремительно, поэтому уже к концу апреля было подготовлено новое заявление, более четко обозначившее позицию альянса по косовскому конфликту¹⁵. В нем, в частности, осуждались не только действия правительственных сил в крае, но и акции, предпринятые террористами в целях достижения политических изменений. Североатлантический совет заявил, что организация выступает резко против предоставления независимости Косово и в то же время считает неприемлемым сохранение status quo. Альянс призвал союзную Республику Югославию к соблюдению принципа нерушимости границ, а соседние государства к установлению контроля над приграничными территориями для того чтобы они не использовались в качестве плацдарма для экспорта нестабильности в Косово.

По сути, этот документ получился нехарактерным для НАТО, поскольку в нем критиковались действия не только югославского руководства, но и албанских сепаратистов, а также оказывалось определенное скрытое давление на традиционных региональных союзников организации: Македонию и в особенности Албанию. Хотя есть все основания полагать, что заявление стало лишь своеобразной ширмой, за которой была спрятана реальная позиция НАТО, не совпадавшая с основными положениями документа.

На фоне эскалации конфликта происходило ужесточение позиции НАТО по ситуации в Косово, что отчетливо видно по официальным документам, начиная с конца мая 1998 г. При этом основное давление естественно было направлено на югославское руководство. Так, в заявлении по Косово, принятом 8 декабря 1998 г., говорилось о том, что стабильность в Косово связана с демократизацией в Югославии¹⁶. При этом осуждались действия С. Милошевича по подавлению независимых СМИ и политического плюрализма в Сербии и приветствовались демократические реформы, проводившиеся в Черногории М. Джукановичем, который по факту формировал свой авторитарный режим.

Поскольку все попытки найти мирный выход из сложившейся ситуации оказались безуспешны-

ми, НАТО решила использовать силовой сценарий для реализации собственных задач. Проведенная альянсом с 24 марта по 10 июня 1999 г. операция «Союзная сила» стала точкой бифуркации в новейшей истории Балкан. В ходе ее реализации фактически был уничтожен последний оплот сопротивления НАТО на Балканском полуострове и регион вошел в зону влияния альянса.

12 апреля 1999 г. на внеочередной министерской встрече Североатлантического совета было принято заявление по ситуации в Косово, которое содержало предостережения для С. Милошевича в случае нарушения территориальной целостности Албании и Македонии и оказания давления на М. Джукановича¹⁷. Однако наиболее важным является небольшой вывод, который делается в документе. Он заключался в необходимости разработки всеобъемлющего подхода к стабилизации кризисного региона и в интеграции балканских государств в евроатлантическое сообщество.

Важным для понимания эволюции подходов альянса к ситуации в регионе является заявление по Балканам, опубликованное 6 июня 2002 г. по итогам сессии Североатлантического совета на уровне министров обороны¹⁸. Это был комплексный документ, по сути, посвященный оценке состояния региона после завершения силовой фазы установления геополитического доминирования организации на Балканском полуострове. Было зафиксировано обязательство НАТО соблюдать территориальную целостность и суверенитет балканских государств. Очевидно, что изменилось восприятие Балкан Брюсселем. Теперь регион представлялся руководству альянса единой территорией, которую, несмотря на все существующие проблемы, необходимо было интегрировать.

Пражский саммит НАТО в 2002 г. стал значимым событием на пути к достижению этой цели. Он ознаменовался приглашением Болгарии, Румынии и Словении вступить в альянс. В то же время, несмотря на то что балканская проблематика активно обсуждалась на полях саммита, обозначилось изменение повестки дня альянса. Теперь после событий 11 сентября 2001 г. на первый план вышла борьба с терроризмом. В декларации по итогам саммита были отмечены достигнутые Албанией и Македонией успехи в процессе реформирования вооруженных сил и подтверждено решение рассмотреть их заявки на вступление в организацию в будущем¹⁹.

После приема в члены альянса Болгарии и Румынии внимание руководства НАТО было сфокусировано на Западных Балканах. В декларации по итогам Рижского саммита НАТО в 2006 г. было отмечено, что евроатлантическая интеграция, основанная на демократических ценностях и солидарности, остается необходимым условием для поддержания стабильности в субрегионе²⁰.

Для того чтобы окончательно убедиться в эволюции подходов НАТО к ситуации на Балканах, попробуем кратко проанализировать важнейший

документ альянса – Стратегическую концепцию в редакциях 1991 г., 1999 г. и 2010 г.

Первая несекретная Стратегическая концепция НАТО была принята в 1991 г.²¹ Основное внимание в ней уделялось оценке изменившейся геополитической ситуации в Европе и в мире в целом. Стратегическая концепция не содержала в себе положений, указывающих на официальную позицию альянса по отношению к событиям на Балканах. Во-первых, потому что вооруженные конфликты в то время еще не достигли своего апогея, а быстрое завершение Десятидневной войны в Словении вселяло определенный оптимизм. А во-вторых, и это представляется наиболее реальным объяснением отсутствия балканских сюжетов в стратегической концепции, четкой и консолидированной позиции НАТО по вопросу о ситуации на Балканах на тот момент просто не существовало. Представляется маловероятным, что какие-то определенные рекомендации по действиям военного руководства в случае обострения обстановки на Балканском полуострове содержались в засекреченном до сих пор документе под названием «Директива ВК по выполнению вооруженными силами Стратегической концепции Североатлантического союза».

Стратегическая концепция 1999 г., принятая на саммите в Вашингтоне, стала запоздалой попыткой объяснить место альянса в мире после окончания холодной войны²². Как отмечает известный российский исследователь В. В. Штоль, в документе в качестве основного потенциального театра военных действий рассматривались Балканы²³. Это было вполне логично, с учетом того что концепция принималась в самый разгар операции «Союзная сила», а теоретики, разрабатывавшие ее, могли также опираться на боснийский опыт НАТО. Можно согласиться с выводом А. Л. Белоногова и Ф. Д. оглы Усубова, сделанным ими в совместной статье²⁴. По их мнению, принятая Стратегическая концепция 1999 г. лишь закрепила произошедшие изменения в реальной стратегии НАТО после вовлечения организации в разрешение конфликтов на территории бывшей Югославии. На наш взгляд, главным итогом этой концепции стало признание Балкан неотъемлемой частью Евроатлантического региона, в котором согласно документу альянс сам себе разрешил проводить операции по реагированию на кризис вне статьи 5 Вашингтонского договора.

Стратегическая концепция 2010 г. отличается от предыдущей версии тем, что в ней особое внимание уделяется политическим, а не военным механизмам установления геополитического влияния НАТО в регионе²⁵. В частности, говорится о стремлении альянса облегчить евроатлантическую интеграцию Западных Балкан с целью обеспечения длительного мира и стабильности «на основе демократических ценностей, регионального сотрудничества и добрососедских отношений».

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что в 1990–2000-е гг. наблюдалась определенная эволюция подходов НАТО к ситуации на Балканах. Это отчетливо видно при анализе официальных документов организации.

На начальном этапе трансформации региона, характеризовавшегося крахом коммунистических режимов в балканских государствах, а также появлением очагов этнополитических конфликтов на территории Югославии, альянс не имел четко сформулированной региональной стратегии. События на Балканах рассматривались руководством организации в контексте изменений, происходивших в момент окончания Холодной войны во всей Восточной Европе. В самом начале 1990-х гг. Балканский полуостров еще не входил в сферу непосредственных геополитических интересов НАТО.

Эскалация конфликтов на территории Югославии заставила альянс определить свою позицию по ситуации в регионе. В общих чертах это было сделано уже в период боснийской войны, когда организация выработала каноническую формулу освещения событий югославского кризиса, закрепленную во множестве последующих документов. Согласно этой формуле вина за кровопролитие в регионе была возложена на югославское руководство и сербов, а НАТО получала образ миротворца, защищавшего интересы своих партнеров. При этом обосновывалось право альянса проводить операции на Балканах в целях стабилизации всего Евроатлантического региона.

Переломным моментом для региональной стратегии НАТО стало проведение операции «Союзная сила» в 1999 г. Тогда впервые в официальных документах организации было четко сказано о том, что Балканы вошли в сферу ее непосредственных геополитических интересов. С окончанием военной фазы установления геополитического доминирования НАТО в регионе можно было переходить к интеграционному компоненту региональной стратегии.

Обозначенная впервые на Мадридском саммите НАТО в 1997 г. политика «открытых дверей» для государств Балкан стала приоритетом деятельности альянса в 2000-е гг. Интеграция в организацию Болгарии, Румынии, Словении, Албании и Хорватии не только де-факто, но и де-юре закрепила изменение геостратегической обстановки в регионе. Альянс из внешнего игрока превратился в настоящего регионального гегемона, определяющего для балканских государств не только военно-политическую, но и социально-экономическую повестку дня.

Единственным субрегионом, не входящим в альянс полностью, на сегодняшний момент являются Западные Балканы. Однако необходимость решения задачи по интеграции государств, расположенных в западной части полуострова, обозначена в действующей Стратегической концепции НАТО, что дает основания прогнозировать активизацию альянса на этом направлении уже в среднесрочной перспективе.

Примечания

- 1 Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23693.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- 2 Declaration on Peace and Cooperation. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23846.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- 3 Final Communiqué Chairman : Manfred Wörner 17.12.1990. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23690.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- 4 The Situation in Yugoslavia. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23849.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- 5 Резолюция 743 от 21 февраля 1992 года. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/012/50/IMG/NR001250.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.04.2015).
- 6 Final Communiqué Chairman : Manfred Wörner 19.12.1991. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23843.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- 7 Final Communiqué of the Ministerial Meeting of the North Atlantic Council. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23983.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- 8 Резолюция 713 от 25 сентября 1991 года. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/597/33/IMG/NR059733.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.04.2015).
- 9 Резолюция 757 от 30 мая 1992 года. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/012/64/IMG/NR001264.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.04.2015).
- 10 Резолюция 781 от 9 октября 1992 года. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/495/94/IMG/N9249594.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.04.2015).
- 11 Statement on Former Yugoslavia. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23974.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- 12 Statement on Bosnia-Herzegovina. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24719.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- 13 Madrid Declaration on Euro-Atlantic Security and Cooperation issued by the Heads of State and Government at the Meeting of the North Atlantic Council . URL: http://www.nato.int/cps/en/nhttp://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25460.htm?selectedLocale=enatohq/official_texts_23693.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- 14 Council Statement on the Situation in Kosovo issued on 5 March 1998. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25989.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- 15 Council Statement on the Situation in Kosovo issued on 30 April 1998. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25985.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).

- ¹⁶ Statement on Kosovo Meeting of the North Atlantic Council in Foreign Ministers Session on 8 December 1998. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25939.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- ¹⁷ The situation in and around Kosovo. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27435.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- ¹⁸ Statement on the Balkans issued at the Meeting of the North Atlantic Council in Defence Ministers Session held in Brussels. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19563.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- ¹⁹ Prague Summit Declaration. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19552.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- ²⁰ Riga Summit Declaration. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_37920.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.04.2015).
- ²¹ The Alliance's New Strategic Concept agreed by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 15.04.2015).
- ²² Стратегическая концепция североатлантического союза. Одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23–24 апреля 1999 г. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 15.04.2015).
- ²³ Штоль В. В. О новой Стратегической концепции НАТО // Обозреватель – Observer. 2010. № 8. С. 47.
- ²⁴ Белоногов А. Л., Усубов оглы Ф. Д. Проблемы трансформации стратегии НАТО в начале XXI в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6, Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. Вып. 1. С. 93–94.
- ²⁵ Активное участие, современная оборона – «Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации Североатлантического Договора». Утверждена главами государств и правительств в Лиссабоне. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 15.04.2015).

УДК 327(100+73)20]

КОНЦЕПЦИЯ «ГОСУДАРСТВ-ИЗГОЕВ»: ПРОЕКТ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. Д. Орехова

Саратовский государственный университет
E-mail: valerie2010@yandex.ru

В статье рассматриваются этапы формирования концепции «государств-изгоев», оцениваются ее сильные и слабые стороны с точки зрения практического применения, проводится анализ содержания с позиций основных теоретических школ. Делается вывод о возможности ее будущей модификации и воздействии на структуру международных отношений.

Ключевые слова: политика США, государства-изгои, теория международных отношений, реализм, либерализм, конструктивизм.

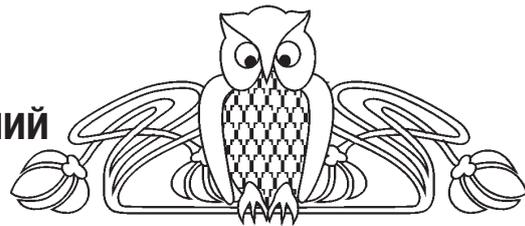
The «Rogue State» Concept as the Project of a Structural Change in the International Relations System

V. D. Orekhova

The article examines the history of the “rogue state” concept, its strong and weak points in terms of practical application; analyses the content in the view of major theoretical schools; concludes the possibility of the concept’s modification in the future and its impact on the structure of international relations.

Key words: USA policy, rogue states, international relations theory, realism, liberalism, constructivism.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-70-75

Введение

Австралийская исследовательница Белинда Хелмке, рассматривая в книге «Под ударом» случаи использования международных вооруженных сил в конфликтах после окончания холодной войны и связанные с этим изменения в международном праве, особое внимание уделяет проблеме «государств-изгоев». По ее мнению, данный концепт прошел долгий путь эволюции. Впервые он был применен по отношению к нацистской Германии в 1942 г. в статье Los Angeles Times¹, однако в публикации периода Второй мировой войны встречается в основном определение «государство вне закона» (*an outlaw state*), появившееся после создания Лиги Наций, чей устав (статья 16) предусматривал коллективные меры против страны, представляющей угрозу для остальных членов организации. Если есть международно-правовые обязательства, то логично появление и тех, кто их нарушает.

Существовало и другое понятие – «страны-ревизионисты» – оно обозначало группу государств, которые желали пересмотреть положения мирных договоров, сформировавших Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений.

Перечисленные случаи употребления понятий «государства-изгой»/«государства вне закона» не носили массового характера. Тем не менее они свидетельствуют о возникновении подобной стигматизации задолго до оформления соответствующей концепции, возникшей изначально в русле либеральной традиции американской политической мысли, а затем переработанной приверженцами реализма с учетом геополитических интересов США.

Цель данного исследования – определить воздействие концепции «государств-изгоев» на конфигурацию современной мировой политической системы. Для достижения обозначенной цели поставлены следующие задачи: проследить процесс концептуального оформления внешнеполитической линии США в отношении определенной группы стран; сопоставить теоретическое наполнение концепции с практикой ее применения; рассмотреть концепцию с позиций политического реализма, либерализма и конструктивизма.

История оформления концепции

В 1979 г. статья *The Washington Post* поставила на примере режимов Пол Пота в Камбодже и Иди Амина в Уганде вопрос о том, можно ли пренебречь принципом невмешательства во внутренние дела суверенного государства в случае, если в нем происходят систематические нарушения прав человека, т. е. акцент был сделан на *внутренней политике* страны, рискующей попасть в разряд «изгоев»?

В то же время американские исследователи объединили такие прозападные страны, как Израиль, Южная Африка, Тайвань и Южная Корея в группу «государств-парий», представляющих угрозу остальным членам мирового сообщества. В качестве аргумента выбран особый *внешнеполитический курс*: конфликтные отношения сразу с несколькими соседями и уязвимость с военной точки зрения объясняли желание их руководства получить технологии создания ядерного оружия и средств его доставки. Стоит отметить, что термин «государств-парии»² не использовался администрацией Картера на официальном уровне, поскольку относился к партнерам США.

В 1980-е гг. обновляется список «государств-изгоев», а, вместе с тем, и содержание самого понятия. Акцент делается исключительно на угрозе, исходящей от ряда стран, по выражению Р. Рейгана – «корпорации убийц»³ (Иран, Ливия, Северная Корея, Куба, Никарагуа), желающих обеспечить собственную национальную безопасность путем спонсирования терроризма и развития программ ОМУ. За ужесточением риторики Госдепа последовали конкретные действия, в том числе военного характера (бомбардировка Триполи в 1986 г.).

Вместе с тем, в действиях Госдепартамента наблюдалась непоследовательность, проявившаяся

на примере Ирака, исключенного из списка спонсоров терроризма в период с 1982 г. по 1990 г. несмотря на продолжительное сотрудничество Саддама Хусейна с организацией Абу Нидаля, и Пакистана, разрешившего разместить на своей территории базы афганских моджахедов. В этой непоследовательности и проявилось влияние геополитических интересов США на концепцию «государств-изгоев»/«государств вне закона», получившей окончательное оформление в 1990-е гг.

Во-первых, война в Персидском заливе доказала неэффективность стратегии поддержания баланса сил между Ираком и Ираном как инструмента контроля сразу обеих стран. Пришлось отказаться от «заигрывания» с режимом Саддама Хусейна и найти этому объяснение. Основанием для внешнеполитической переориентации стала концепция «государств-изгоев» в «новом издании».

В 1993 г. сотрудник Совета национальной безопасности (СНБ) США, старший директор Департамента по делам Ближнего Востока и Южной Азии, Мартин Индик, выступив с речью в защиту политики двойного сдерживания Ирака и Ирана, объяснил это враждебностью обоих режимов по отношению к США⁴, и уже весной 1994 г. в *Foreign Affairs* вышла статья советника СНБ Энтони Лейка⁵. Ему удалось сформулировать концепцию «государств-изгоев» (в статье используется понятие *backlash states* – «мракобесные государства» – Куба, Иран, Ирак, Ливия, Северная Корея) в либеральном ключе, руководствуясь при этом логикой политического реализма. Приводя в качестве аргумента недемократический характер режимов ряда стран, в которых власть осуществляется за счет подавления и принуждения, нарушений прав человека и насаждения радикальной идеологии, Э. Лейк пришел к выводу о невозможности их конструктивного взаимодействия с внешним миром. Снова в качестве доказательства тезиса послужил пример развития в «государствах-изгоях» программ оружия массового уничтожения и средств его доставки, что представляет угрозу для международной безопасности.

Во-вторых, популярность концепции в кругах американского истеблишмента имеет и другую более серьезную причину, связанную с окончанием холодной войны. Прекращение гонки вооружения как следствие распада Советского Союза означало для США необходимость существенного сокращения военных расходов. Чтобы не допустить этого, в 1989 г. был составлен проект, обосновывающий целесообразность поддержания военной мощи на уровне, достаточном для успешного участия сразу в двух региональных конфликтах одновременно⁶. В следующем году, после вторжения Ирака в Кувейт, Джордж Буш-старший выступил с речью о возникновении новых угроз международной безопасности – терроризма и «государств-изгоев» (в оригинале – *renegade regimes* – «режимы-изменники»), определив тем самым современный

внешнеполитический курс США⁷. Билл Клинтон, будучи представителем Демократической партии, не отказался от вектора, заданного предшественником. Необходимость реструктуризации ВПК и решения задачи повышения его эффективности во многом объясняет, почему в контексте обсуждения вопроса увеличения ракетного потенциала он еще до публикации статьи Э. Лейка начал первым употреблять понятие *rogue state* (по отношению к Ирану и Ливии)⁸.

Тем не менее концепция «государств-изгоев» не была полностью согласована с внешнеполитическим курсом США: использование резкого оценочного высказывания противоречило действиям, направленным на установление диалога и определение сфер сотрудничества со странами, по отношению к которым оно применялось. Госдепартаменту пришлось официально заявить о замене данного термина на выражение «государство, вызывающее озабоченность» (*state of concern*)⁹, которое, впрочем, просуществовало недолго: с июня 2000 г. по февраль 2001 г. (отменено Джорджем Бушем-младшим)¹⁰. События 11 сентября обозначили начало новой эпохи в международных отношениях, связанной с глобальной войной против терроризма. Стратегическим приоритетом США стала нейтрализация «изгоев». Общая радикализация внешней политики обусловила появление еще более одиозного термина – «ось зла»¹¹, к которой в разные периоды причислялись Ирак, Иран, КНДР; Сирия, Куба и Ливия (в трактовке Джона Болтона, заместителя госсекретаря США¹²).

«Мракобесные государства/государства-изгои/государства, вызывающие опасения/режимы-изменники»/«члены корпорации убийц», – вне зависимости от используемого в политическом лексиконе термина суть практически не меняется. Концепция, по мнению А. Джорджа, является лишь вспомогательным инструментом для обозначения нескольких стран, угрожающих национальным интересам США¹³. Это целиком и полностью продукт американской политической культуры, так называемой «гражданской религии»¹⁴, зачастую сводящей проблемы принятия решения к полярным категориям и ценностным ориентациям. «Империя зла», «ось зла» – столь негативное обозначение оппонентов выполняет важную функцию: позволяет добиться поддержки собственного населения в вопросах, решение которых сопряжено с большими затратами и рисками на международной арене.

Концепция, созданная изначально для внутреннего использования, имеет ряд серьезных минусов. И дело даже не в оценке ее объективности и том, насколько этично первым лицам одного государства называть другие страны «изгоями», не имея на то никаких юридических оснований. С точки зрения внешнеполитического применения она накладывает определенные ограничения на тех, кто в своей риторике использует заложенную

в ней логику аргументации. Селективность, сужение пространства для стратегического маневра, а также высокая вероятность встретить непонимание со стороны союзников – это подводные камни, органически присущие рассматриваемой концепции.

Можно задаться, например, вопросом: какое объяснение можно найти тому факту, что в списке «стран-изгоев» долгое время значилась Куба? Правительство острова Свободы не спонсирует террористических организаций, не рассматривает возможность развития программ ОМУ и не является источником напряженности в регионе, т. е. не отвечает ни одному из критериев формирования данного перечня в отличие от Сирии и Судана, которым долгое время удавалось сотрудничать с США. Индия и Пакистан не входят в «ядерный клуб», но это не помешало им провести испытания ядерного оружия, а Соединенным Штатам – придерживаться здравого прагматизма при дальнейшем выстраивании отношений с ними.

Поскольку клеймо «изгоя» уравнивает разных акторов мировой политики, отличающихся по господствующей идеологии, особенностям исторического развития, географическому положению (все они расположены в разных регионах мира), исключается возможность сотрудничества и дифференцированного подхода при выстраивании отношений с каждым из них в отдельности – допустима лишь стратегия изоляции и сдерживания. Демонизация ряда режимов усложняет процесс нормализации отношений с ними. Ярким примером является подписание Рамочного соглашения США с КНДР в 1994 г. и последовавшие выборы в Конгресс – настоящий триумф республиканцев, считавших обязательства, взятые правительством в обмен на гарантию демонтажа северокорейского ядерного реактора, проявлением политики «умиротворения».

Радикальность концепции вызвала непонимание и у союзников США. Введение в 1996 г. санкций против компаний, ведущих бизнес в Иране, Ливии и на Кубе, осложнило отношения с Европейским союзом, негативно воспринявшим попытку американцев расширить действие внутреннего законодательства за пределы национальной юрисдикции¹⁵.

Таким образом, неоднозначность концепции «государств-изгоев» свидетельствует о том, что основная ее функция – подготовка общественного мнения к принятию ответственных и зачастую непопулярных внешнеполитических решений (увеличение военных расходов, введение санкций и т. д.). Являясь частным случаем обозначившейся в XXI столетии тенденции обуславливать вмешательство во внутренние дела суверенного государства гуманитарными соображениями, она заслуживает не только рассмотрения с точки зрения опыта ее применения в мировой практике, но и оценки с позиций теории международных отношений.

Место концепции в теории международных отношений

Наверное, каждый исследователь, сталкивающийся с концепцией «государств-изгоев», в первую очередь должен ответить на три важных вопроса. Во-первых, каков характер международной среды? во-вторых, где проходит граница, переступив через которую страна признается «изгоем»? в-третьих, кто решает, были эти границы нарушены или нет?

Реалисты полагают, что международная среда по своей природе анархична, конфликтна и представляет собой поле взаимодействия государств, в котором определяющую роль играют влияние, измеряемое материальными возможностями, и конкуренция между великими державами, а основной принцип выживания – «помоги себе сам». Тогда при отсутствии верховной власти, регулирующей взаимоотношение между акторами, чьи интересы часто вступают в противоречие, существование «изгоев» невозможно по определению. Однако представители школы не отрицают, что между наиболее влиятельными странами может возникнуть консенсус: условия сохранения такого баланса становятся всеобщим законом, лишь подтверждающим доминирование гегемонов. Следовательно, не подчиняющиеся ему государства оказывают дестабилизирующее воздействие на равновесную систему международных отношений, эти «раздражители» с легкой руки американских политиков стали называться в XXI столетии «изгоями».

Что касается неореализма, то в соответствии с его положениями международные отношения – это структурированная система, накладывающая ограничения на действия ее элементов. Государства, руководствующиеся мотивом выживания, в зависимости от собственного потенциала могут выбирать разные модели взаимодействия с другими акторами¹⁶: сохранение баланса сил или, по версии Стивена Уолта, баланса угроз¹⁷, примыкание или *bandwagoning* (объединение с государством, представляющим потенциальную угрозу, ради обеспечения собственной безопасности, а также извлечения выгоды по принципу «волк и шакал»¹⁸). Страны, относящиеся к группе «изгоев», не обладают достаточной мощностью для того, чтобы нарушить сложившийся после окончания холодной войны баланс сил, в то же время они не создают коалиций или постоянно действующих механизмов политических консультаций, т. е. действуют изолированно друг от друга. Выходит, неореализм может предложить для объяснения их поведения только теорию «баланса угроз», но и она не работает. По мнению исследователя Пола Хойта¹⁹, если бы «изгои» на самом деле ассоциировались с серьезной угрозой для международной безопасности (в контексте разработки ОМУ, а также спонсирования терроризма), то остальные члены мирового сообще-

ства, обладающие большими экономическими и военными возможностями, стремились бы ее нейтрализовать в кратчайший срок. Тем не менее на практике этого не происходит.

Если реализм делает акцент на унитарном характере государств, тем самым во многом упрощая картину международных отношений, то либерализм акцентирует внимание исследователей на различиях в экономических системах, политических традициях, культурных особенностях стран. Сторонники данной парадигмы обосновывают необходимость для большинства акторов мировой политики прийти к общему знаменателю, позволяющему отказаться от насилия при разрешении конфликтов. Тем не менее теория демократического мира не объясняет, почему не все авторитарные страны причисляются к «изгоям». Важным условием, согласно Стратегии национальной безопасности США от 2002 г., остается «ненависть к Соединенным Штатам и ко всему, что они поддерживают»²⁰.

Неолиберализм, подчеркивающий значение международных организаций и институтов, призванных упорядочить мировые политические процессы, позволяет выявить основание причисления группы стран к «изгоям»: систематическое нарушение ими основных положений международного права разрушает основы безопасности. Опять возникает логическое противоречие: не все нарушители международного права становятся «изгоями», классическим подтверждением является незаконное вторжение коалиционных сил под эгидой США в Ирак в 2003 г.

Подход конструктивистов заключается в том, что акторы (представители данной школы оперируют в основном понятием «агенты») принимают решения, руководствуясь общими принципами, из которых строится каркас всей структуры международных отношений. Этот «скелет» не статичен, поскольку, диктуя поведение различных его компонентов и в то же время испытывая на себе их давление²¹, меняется сам, постоянно оставаясь в «границах интересубъективности» (взаимопонимания).

Приверженность общепринятым в мировом сообществе взглядам сковывает свободу государств в их политическом выборе по двум направлениям. Во-первых, формулировки, «исключающие» (концепция «государств-изгоев»), равно как и обосновывающие чью-либо «исключительность» (тезис об исключительности американской нации), предписывают странам строгую модель поведения, которой нужно придерживаться во избежание международной изоляции. Во-вторых, в случае возникновения новых «норм» и «идей» остальные агенты вынуждены реагировать на них: принимать, подстраиваться или сопротивляться. К примеру, долгое время во французском и немецком языках не существовало адекватных эквивалентов концепту «государство-изгой», они появились лишь в конце 1990-х гг.

Это свидетельствует о том, что несмотря на несогласие с подобной стигматизацией, европейцам пришлось выработать вслед за американцами терминологический аппарат для рассмотрения проблемы, внесенной Вашингтоном в международную повестку дня.

Изучение границ интерсубъективности позволяет прогнозировать, насколько долго идея (концепция «государств-изгоев») будет влиять на мировую политику. В частности, европейские партнеры США в итоге смогли выступить с критикой не только самой концепции, но и унилатерализма, отличавшего американскую внешнюю политику в период президентства Дж. Буша-младшего, когда ее курс был плавно изменен после прихода к власти Барака Обамы. В то же время возможно допустить, что поменялся не вектор, а общая риторика. По крайней мере, концепт «государство-изгой» не встречается в дипломатическом словаре Белого дома, а используется более политкорректный – «обособленное государство» (*outlier state*)²².

Сотрудница Йельского университета Элизабет Саундерс²³ считает, что при изучении концепции «государств-изгоев» необходимо осуществить синтез либерализма и конструктивизма. Либерализм большое внимание уделяет внутренним факторам, влияющим на принятие внешнеполитических решений. Конструктивизм объясняет процесс возникновения, распространения и формирования интерсубъективных «норм» на международном уровне. Стоит также учитывать, что принятие новой «нормы», «идеи» приводит к перераспределению сил в мировом масштабе. Следовательно, в анализе должны учитываться категории «сила» и «влияние» в том значении, которое предлагает реализм.

Статья Э. Саундерс была опубликована в 2006 г. и, следовательно, не учитывает изменившихся к настоящему времени политических реалий. Концепция «государств-изгоев» перестала быть столь обсуждаемой после 2009 г., когда президентом США стал Б. Обама. Под воздействием усиливающейся с каждым годом критики со стороны других акторов (Франция, Германия, Россия, Китай, ряд стран Латинской Америки) новая американская администрация стала искать индивидуальные подходы при выстраивании двусторонних отношений с «изгоями». То есть у Соединенных Штатов не хватило ресурсов и влияния для того, чтобы навязать мировому сообществу данную концепцию и сделать ее интерсубъективной и, стало быть, структурообразующей. Пришлось от нее отказаться и руководствоваться при выстраивании внешнеполитического курса другими аргументами – общепринятыми в мировом сообществе «нормами» и «идеями» – идеалами демократии и прав человека. В то же время сама концепция не перестала быть актуальной. Она пережила своеобразный «ренессанс» в 2014 г., когда в ведущих мировых СМИ появилось несколько публикаций с концептом «изгой» уже по отношению к России²⁴,

находящейся под действием международных санкций, основная цель которых – заставить нашу страну изменить позицию по Украине.

Заключение

Разграничение на «своих» и «чужих», зачастую являющееся отправной точкой в мировых политических процессах, на каждом историческом этапе принимает разные формы. Одна из них – концепция «государств-изгоев», предложенная Соединенными Штатами и прошедшая с начала 1980-х гг. длительную эволюцию под воздействием внутри- и внешнеполитической конъюнктуры. Данная концепция представляет собой «искусственный», «сфабрикованный» продукт, поскольку создана без глубокого теоретического осмысления и проработки для выполнения определенного набора функций. Среди них: обеспечение поддержки электората в момент принятия непопулярных в обществе решений; возможность предоставления заказов предприятиям американской военной промышленности, оказывающим значительное влияние на политику страны; формирование международной повестки дня после распада СССР; общая переориентация союзников с целью сохранения лидерских позиций США в мире. В то же время несоответствия между положениями концепции и практикой ее реализации свидетельствуют о том, что она имеет серьезные противоречия, очевидные при анализе с позиций основных теоретических школ. Созданная американскими политиками, действующими в соответствии с логикой реализма, концепция повлияла на развитие международных отношений, и теперь для ее оценки и понимания необходим синтез нескольких теоретических подходов и школ, в том числе либерализма и конструктивизма.

Для исследователя представляет интерес, каким образом «сфабрикованная» концепция, несущая на себе отпечаток американской политической культуры и присущих ей ценностей, смогла претендовать на то, чтобы стать интерсубъективной, то есть поддерживаемой всеми членами мирового сообщества (разумеется, за исключением тех, кто в соответствии с ней признается «изгоями»); почему этого не произошло и какова вероятность ее модификации с тем, чтобы она стала «универсальной нормой».

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Политика Китая в отношении “государств-изгоев”» (№ 15–37–01208).

Примечание

¹ Helmke B. Under Attack : Challenges to the Rules Governing the International Use of Force. Ashgate Publishing, 2010. P. 198.

- ² *Harkavy R. E.* Pariah States and Nuclear Proliferation // International Organization. 1981. Vol. 35, № 1. P. 135–163.
- ³ *Lama G.* Reagan Condemns 5 «Outlaw» Nations // Chicago Tribune. 1985. July 9. URL: http://articles.chicagotribune.com/1985-07-09/news/8502140196_1_terror-and-outright-acts-confederation-of-terrorist-states-outlaw-nations (дата обращения: 05.04.2015).
- ⁴ *Litwak R.* Rogue States and U. S. Foreign Policy : Containment after the Cold War. Woodrow Wilson Center Press, 2000. P. 59.
- ⁵ *Lake A.* Confronting Backlash States // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73, № 2. P. 45–55.
- ⁶ *Бартнев В.* Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США // Международные процессы. 2009. № 1. URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/008.htm> (дата обращения: 10.04.2015).
- ⁷ *Bush G.* Remarks at the Aspen Institute Symposium in Aspen, Colorado // The American Presidency Project. 1990. August 2. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18731> (дата обращения: 15.04.2015).
- ⁸ *Clinton W. J.* Remarks to Future Leaders of Europe in Brussels // The American Presidency Project. 1994. January 9. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=49643> (дата обращения: 20.04.2015).
- ⁹ *Marquis Chr.* U. S. Declares «Rogue Nations» Are Now «States of Concern» // The New York Times. 2000. June 20. URL: <http://www.nytimes.com/2000/06/20/world/us-declares-rogue-nations-are-now-states-of-concern.html> (дата обращения: 22.04.2015).
- ¹⁰ *Litwak R.* Regime Change : U. S. Strategy through the Prism of 9/11. JHU Press, 2007. P. 37.
- ¹¹ *Bush G.* President Delivers State of the Union Address // The White House. 2002. January 29. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (дата обращения: 26.04.2015).
- ¹² US Expands «Axis of Evil» // BBC. 2002. May 6. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/1971852.stm> (дата обращения: 28.04.2015).
- ¹³ *George A. L.* Bridging the Gap : Theory and Practice in Foreign Policy. United States Institute of Peace Press, 1993. P. 48.
- ¹⁴ *Bellah R. N.* Civil Religion in America // Robert N. Bellah. URL: http://www.robertbellah.com/articles_5.htm (дата обращения: 28.04.2015).
- ¹⁵ *Davidson N.* U. S. Secondary Sanctions : The U. K. and EU Response // Stetson Law Review. 1998. URL: <http://www.stetson.edu/law/lawreview/media/u-s-secondary-sanctions-the-u-k-and-e-u-response.pdf> (дата обращения: 29.04.2015).
- ¹⁶ *Waltz K.* Theory of International Politics. Addison-Wesley, 1979.
- ¹⁷ *Walt Sr. M.* Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security. 1985. Vol. 9, № 4. P. 3–43.
- ¹⁸ *Schweller R. L.* Bandwagoning for Profit. Bringing the Revisionist State Back In // International Security. 1994. Vol. 19, № 1. P. 72–107.
- ¹⁹ *Hoyt P. D.* «Rogue States» and International Relations Theory // J. of Conflict Studies. 2000. URL: <http://journals.hil.unb.ca/index.php/jcs/article/view/4312/4926#14> (дата обращения: 23.04.2015).
- ²⁰ The National Security Strategy of the USA // U. S. Department of State. 2002. P. 14. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (дата обращения: 28.04.2015).
- ²¹ *Wendt A.* Anarchy is what States Make of it : The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46, № 2. P. 391–425.
- ²² *Litwak R. S.* Outlier States : American Strategies to Change, Contain, or Engage Regimes. Woodrow Wilson Center Press ; Johns Hopkins University Press, 2012.
- ²³ *Saunders E. N.* Setting Boundaries : Can International Society Exclude «Rogue States»? // International Studies Review. 2006. URL: <http://home.gwu.edu/~esaunder/roguestates.pdf> (дата обращения: 26.04.2015).
- ²⁴ *Coughlin C.* Ukraine Crisis : We Have to Stand up to Russia – It's a Rogue State // The Telegraph. 2014. March 17. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/9131313/Ukraine-crisis-we-have-to-stand-up-to-Russia-its-a-rogue-state.html> (дата обращения: 30.04.2015).

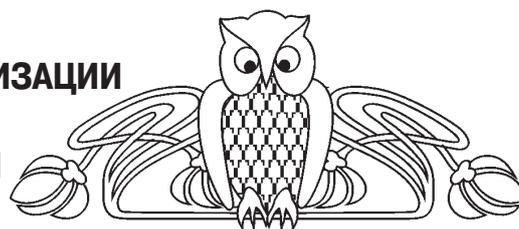
УДК 327 (4/5) [20]

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ НА ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Д. С. Алексеев

Саратовский государственный университет
E-mail: alexeyevds@rambler.ru

В статье рассмотрены основные вызовы на пути процессов евразийской интеграции. Автор анализирует потенциальные препятствия и сложности, которые могут формироваться в ходе конкуренции России с различными региональными и внерегиональными игроками на постсоветском пространстве, такими

как США, ЕС и Китай. В статье даются некоторые прогнозы развития интеграционных и дезинтеграционных тенденций в Евразии. Ряд выводов, к которым приходит автор, могут быть реализованы в ходе формирования внешнеполитической линии России.

Ключевые слова: Внешняя политика России, Евразийский экономический союз, Таможенный союз, постсоветское пространство, евразийская интеграция, восточное партнерство.

Strategic Challenges for the Eurasian Integration Project: Global and Regional Aspects

D. S. Alexeev

The article focuses on the main Russian concerns on the way of the Eurasian integration process. The author analyses real and potential obstacles for the Eurasian union during the competition between Russia and other players in the region such as China, the US and the EU. The article gives some forecasts on the development of integration and disintegration tendencies in Eurasia. Some author's conclusions might be used for the improvement of Russian foreign policy course.

Key words: Russian foreign policy, Eurasian economic union, Customs Union, post-soviet republics, Eurasian integration, Eastern partnership.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-75-79

Практические шаги по созданию интеграционных объединений на постсоветском пространстве уже давно являются предметом самого широкого обсуждения среди экспертов и политиков.

Не вдаваясь в рассмотрение значительного числа позитивных откликов со стороны лидеров Казахстана и Беларуси, а вслед за ними значительного числа политиков и ученых этих стран, остановимся на возможных проблемах и препятствиях, которые стоят на пути этого проекта.

Во-первых, следует отметить, что у данной идеи на пространстве СНГ нет прямой конкуренции. Интеграционные импульсы такого масштаба и силы, которые уже запущены и реализуются (Таможенный союз, ЕврАзЭС, ЕЭП ОДКБ) в своей совокупности приобрели на сегодняшний день настолько широкий размах и достигли такой глубины, что любой проект взаимодействия, который теоретически может быть запущен любым внешним игроком, составить им конкуренцию не сможет, по крайней мере, в обозримой перспективе.

Во-вторых, запустить альтернативные механизмы в условиях сложившихся в ряде стран политических систем и определенных стратегий их сохранения у власти на ближайшие годы – не представляется возможным.

Тем не менее подводные камни и скрытые препятствия на пути реализации данного проекта существуют и они весьма весомы. Рассмотрим основные из них:

США и ЕС

Активность России по интенсивному «собиранию» постсоветского пространства в рамках разного рода экономических и политических объединений воспринимается в политических и экспертных кругах США как повод для серьезного беспокойства. Причем практически независимо от партийной и идеологической принадлежности. Особенно тщательному анализу процессы интеграции подвергают эксперты, относящиеся к лагерю республиканцев и неореалистов. Так, кон-

сервативный журнал *The National Interest*, который традиционно является рупором неоконсерваторов, опубликовал в апреле 2012 г. на своих страницах статью крупного эксперта по России Джеффри Манкофа, сотрудника Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне¹. По его мнению, центристские тенденции, спонсируемые Россией, несут опасность того, что вовлекаемые в них страны, скорее всего, утратят самостоятельность в своей внешней политике и будут следовать за Россией в своей позиции по целому ряду важнейших международных проблем. Данный факт может существенно ослабить влияние США в мире и усилить противовес активному осуществлению внешнеполитических стратегий Штатов в регионе и за его пределами.

В США, тем не менее, признают значительные экономические выгоды, которые сулит интеграция бывшим советским республикам, подчеркивая «колоссальные преимущества» единого рынка перемещения товаров и людей². Возрождение региональной специализации, существовавшей еще в бывшем СССР, даст возможность сделать акцент на сравнительных преимуществах, которыми обладают республики перед лицом возрастающей международной конкуренции.

Однако, по мнению реалистов, препятствием может стать то, что более тесная интеграция станет препятствием экономической открытости внешнему миру для ряда потенциальных участников. В частности, предполагаемое присоединение Киргизии сделает невозможным реэкспорт китайских товаров на постсоветские страны, что в настоящее время приносит этой стране значительную прибыль, а также сократит китайские инвестиции в страну. Для Украины, которую Москва всячески пытается привлечь в экономические структуры, данная перспектива воспрепятствует созданию зоны свободной торговли с ЕС.

Собственно, основные усилия по препятствованию проводимой Москвой интеграции, Брюссель и Вашингтон направят не на страны, уже выразившие заинтересованность в ее углублении, а на государства, которые либо представляют для России существенный интерес как партнеры (Украина), либо колеблющиеся в своем выборе (Таджикистан и Киргизия).

Единственное, что может в данных условиях противопоставить такой политике Москва – сделать перспективы такого партнерства экономически привлекательными. Следует признать, что подобные тактики уже реализуются Москвой в рамках Таможенного союза и ЕАЭС. Как пишет казахстанское издание Республика KZ: «Создавать структуры интеграции России приходится не просто на паритетных условиях, а на постоянных уступках. Россия уже отдает Казахстану и Беларуси больше денег в виде пошлин, чем полагалось бы, если бы таможенные союзники рассчитывались с Россией по реальному импорту (ряд независимых подсчетов показывает, что

российский бюджет недополучает около 37 млрд руб. в год). Деньги, конечно, небольшие, но Москва готова идти дальше. Ради скорейшего подписания договора о евразийской экономической комиссии российские переговорщики разменяли свое категорическое требование о принципе всеобщего голосования в ЕЭП (по нему Российская Федерация имеет 57% голосов) на равноправное представительство сторон. Если к Таможенному союзу присоединятся Кыргызстан и Таджикистан, вес Российской Федерации в евразийской комиссии снизится с 1/3 до 1/5»³.

Кроме того, как показывают независимые расчеты, произведенные экспертами Российской академии наук и Академии наук Украины, возможные последствия экономической интеграции для украинской экономики очень велики. Следовательно, на стороне противников интеграции в Украине – условные политические мотивы, а на стороне сторонников – убедительные цифры, как утверждает Андрей Слепнев, министр по торговле Евразийской экономической комиссии. Отсюда у Москвы появляется соблазн помимо предоставления очевидных выгод использовать экономическое и политическое давление в качестве инструмента убеждения «сомневающимся и несговорчивых».

Вот здесь, на наш взгляд, скрывается рычаг давления и окно возможностей, которые готовит для себя Запад. По словам того же Дж. Манкоффа, США не должны безоговорочно осуждать интеграционные усилия России. Для США и их союзников были бы не желательными, в свете ухода из Афганистана, перспективы радикализации таких стран, как Таджикистан и Киргизия, их экономическое процветание и стабилизация, в общем, в интересах США. Поэтому экономические усилия России будут восприниматься спокойно. Однако все попытки Москвы конвертировать экономическое сотрудничество в политические дивиденды, использовать открытое давление на страны, а также попытки заставить бывшие советские республики следовать антизападной политике Москвы в регионе будут вызывать жесткую реакцию со стороны США и их европейских партнеров. Иными словами, США и ЕС будут всячески препятствовать политике Москвы конвертировать экономическое влияние в политическое.

Наиболее действенный для России способ ответить на формирующиеся вызовы – укрепление связи с политическими элитами (причем, что особенно важно, как с официальными, так и, по возможности, с оппозиционными), что создаст России более прочную базу в условиях традиционных обществ ЦА. К сожалению, российская оторванность от широкого политического спектра Украины периода Виктора Януковича не позволила вовремя найти действенные инструменты влияния на партии, участвовавшие в поддержке гражданской активности на Майдане.

Тем не менее, несмотря на массовый прозападный идеологический подъем в Украине,

активность и возможности ЕС как самостоятельной силы в регионе ЦА еще более ограничены по сравнению с США. По мнению ряда экспертов, после активной фазы украинского кризиса, интеграционные импульсы, исходящие от Европы, которые та стремится распространить на постсоветское пространство, постепенно ослабевают. Экономические и политические сложности, которые переживает ЕС в настоящее время, заставляют страны Европы концентрироваться на внутренних сложностях и существующих конфликтах. Между тем для европейцев вопрос привлечения на свою сторону Украины является своеобразным тестом на состоятельность, поскольку последняя не поддалась на уговоры Москвы, рассчитывая на четкие сигналы из Европы. Данные сигналы во многом стали причиной драматических событий на Украине, которые будут иметь самые серьезные стратегические последствия для всего постсоветского пространства. Очевидно, что украинский кризис серьезно повысил ставки в конкуренции за политическое влияние в регионе и стал серьезным испытанием для евразийских интеграционных амбиций.

Острое дипломатическое противостояние между Россией и ЕС во время активной фазы украинского кризиса наглядно продемонстрировало серьезность возможной борьбы за реализацию альтернативных стратегий интеграции на постсоветском пространстве. Причем, как показывают разворачивающиеся события, ЕС действительно ограничен в своих практических возможностях влияния на процессы в украинском политическом поле. Кроме того, экономический кризис лишает европейцев возможности участия в восстановлении украинской экономики, а этот момент является едва ли не решающим в реализации стратегии вхождения Украины в экономическое пространство ЕС, на чем так активно настаивали европейские политики в период подписания соглашения об ассоциации между ЕС и Украиной.

Значительно более действенные инструменты, как финансовые, так и военно-политические имеются в распоряжении США. Более того, именно США готовы принимать непосредственное участие в решении вопросов сохранения украинской целостности, предоставляя военных инструкторов и материальную поддержку вооруженным силам Украины. Таким образом, новейшие тенденции в стратегическом подходе к реализации идеи евразийской интеграции подталкивают руководство России к сочетанию силовых и экономических инструментов в этой сфере. Рост военно-политической составляющей неминуемо ведет к появлению новых рисков и напряженности в отношениях с Западом.

Важно подчеркнуть, что украинский кризис следует рассматривать не как конфликт между Россией и Западом, между Россией и новой политической элитой Украины, а как системный вызов идее евразийской интеграции. Глубокая

вовлеченность России в украинский конфликт и сложности выхода из создавшейся ситуации, используя дипломатические инструменты, создает широкий спектр критики и обвинений не только со стороны Запада, но и со стороны некоторых кругов в постсоветских республиках. Все это создает питательную среду для антироссийских идей даже в странах, которые традиционно являются наиболее тесными партнерами Москвы по реализации евразийской интеграционной политики.

Китай

Китайская политика в отношении российских инициатив не столь категорична и однозначна. На официальном уровне Китай предпочитает не демонстрировать своего отношения к российским инициативам. Как пишет англоязычная японская газета *The Diplomat*, Китай пока не сильно волнуется возможное скрывание его в Центральной Азии. Освещение предполагаемого Евразийского союза варьируется от равнодушия до насмешек⁴. Данный скептицизм подтверждает недавняя публикация в одной из центральных газет Китая *Жэньминь Жибао* под заголовком «Что делать Путину в новой более сложной России», она по оценкам российских экспертов, впервые столь скептически (если не сказать больше) отзывалась о перспективах развития Российского государства. Возможно, в невысоких оценках эффективности российской экономики и внутренней политики кроется ответ на китайское спокойствие. Тем не менее, по заявлениям российских экспертов, опубликованным российским агентством *Regnum* по результатам круглого стола «Евразийский Союз и Китай – интеграция или соперничество: экспертные оценки»⁵, Китай, безусловно, заинтересован в экономическом развитии своих бедных северозападных провинций, а также должен четко контролировать ситуацию в беспокойном Сынцзян-Уйгурском округе. В этой связи укрепление экономических контактов между Китаем и странами ЦА рассматривается как приоритетное направление внешнеполитической линии Китая в регионе.

Это также актуально в свете китайской политики диверсификации поставок энергоносителей из стран в страну. Следовательно, Китай постарается предпринять адекватные шаги для укрепления своих позиций в регионе в условиях более тесного сотрудничества России и стран Центральной Азии в рамках ЕАЭС. В целом, по оценкам экспертов, ответ Китая может быть сделан в экономической области путем попытки все большего проникновения в регион Евразии, предлагая заманчивые и перспективные проекты экономического сотрудничества. Отчасти в пользу этого говорит активизация китайской экономической дипломатии на центральноазиатском направлении. Начавшись с создания масштабных по количеству, но относительно небольших по объ-

емам финансовых средств совместных китайско-центральноазиатских предприятий в основном в секторе сельского хозяйства и оптово-розничной торговли, а также с реализации средних и крупных проектов по доставке энергоносителей, китайская стратегия в регионе постепенно приняла системный характер.

В Китае понимают, что дальнейшее развитие евразийской интеграции создает объективные проблемы для его экономики. Вступление Казахстана и в перспективе Киргизии, Таджикистана в ЕАЭС автоматически вызовут закрытие границы и запустят антидэмпинговые расследования по целому ряду групп товаров повседневного спроса и продуктов питания. Понимая это, Китай будет стремиться войти в экономику стран Центральной Азии таким образом, чтобы его присутствие максимально не попадало под действие ограничений экономического союза и оставляло возможности для дальнейшего укрепления.

В этом контексте озвученная в сентябре 2013 г. председателем Си Цзиньпином идея «экономического пояса Шелкового пути», который должен включать страны Центральной Азии, является весьма серьезной заявкой Китая на постепенное экономическое доминирование в Евразии.

Ситуация осложняется тем, что механизмов противодействия китайской экономической экспансии у России не так уж много. В качестве одного из них можно рассматривать углубление экономических взаимосвязей со своими партнерами по процессам евразийской интеграции, что постепенно реализуется с подписанием договора о создании Евразийского экономического союза, где определенные протекционистские меры закрепляются на законодательном уровне. Необходимо убедить партнеров по ЕАЭС, что определенный уровень протекционистских мер в долгосрочной перспективе выгоден всем участникам интеграции, а попытки получить быструю одностороннюю выгоду от сотрудничества в обход общих интересов чреваты серьезными потерями в будущем.

Также одной из возможностей следует рассматривать ориентацию на постепенное расширение ШОС с привлечением туда экономических конкурентов Китая, таких как Индия и Япония, чтобы уравновесить экономические диспропорции влияния китайской экономики в относительно слабо развитой ШОС. Безусловно, механизм подобного расширения невозможно реализовать в одностороннем порядке, поскольку имеются как объективные, так и субъективные сложности, однако готовить фундамент для такой возможности необходимо уже сейчас. В этом контексте недавний визит В. Путина в Индию в декабре 2014 г., сопровождавшийся заключением ряда стратегических соглашений в области экономики и энергетики, можно считать первым шагом в подготовке фундамента для постепенного вхождения Индии в евразийское экономическое пространство с по-

следующими возможностями интегрироваться в действующие проекты в рамках ШОС. В условиях ухудшения российских отношений с США и ЕС менее обещающим выглядит подобное сближение с Японией, однако однозначно предпринимать шаги в данном направлении все же следует.

Кроме того, пристальное внимание к китайской активности на постсоветском пространстве должно сопровождаться по возможности упреждающими экономическими предложениями со стороны России партнерам по ЕАЭС. В пользу России говорит в данном случае факт, что Китай в постсоветских республиках воспринимается весьма настороженно и выглядит куда более пугающей альтернативой, чем возможное доминирование Москвы. Хотя постепенное нарастание антироссийских настроений в свете украинского кризиса очевидно.

Однако, справедливости ради, следовало бы отметить, что для самого Китая острая конкуренция с Россией в Евразии была бы не вполне выгодна. Осложнение отношений с Россией в условиях возрастающей конкуренции с США в регионе АТР (проект Транстихоокеанского партнерства, усиление азиатской военно-стратегической группировки в Азии и т. д.) было бы для Китая самым неблагоприятным сценарием. Более того, в отличие от стратегии США, Китай не видит в российской евразийской интеграции агрессивного подтекста⁶. В этой связи у России имеются определенные возможности убедить китайских партнеров не реализовывать жесткий вариант экономической экспансии в Центральной Азии, который создаст большие сложности России, а внимательнее относиться к учету ее интересов в данном регионе.

Внутренние факторы

Как это ни парадоксально, но, на наш взгляд, значительная часть угроз реализации проекта Евразийского объединения лежит не вне, а внутри него и, прежде всего, в самой России. Сохраняющаяся сырьевая структура экономики России, Казахстана существенно осложняет процесс взаимного дополнения. Да и Белоруссия, которая значительные доходы получает от экспорта калийных удобрений и реэкспорта российской сырья или продуктов его переработки, во многом имеет характер сырьевой экономики. Внутриэкономические и внутривнутриполитические процессы, происходящие в стране, эффективность российской экономики, ее диверсификация, инвестиционный и предпринимательский климат, работа

судебной системы в настоящее время оставляют желать много лучшего. Отсутствие прогресса по целому ряду направлений с учетом возможного снижения цен на энергоносители лишат Россию ресурсов, так необходимых для реализации процесса интеграции. Потеряв привлекательность в качестве возможного источника экономического процветания для соседей, Россия очень быстро утратит все преимущества, накопленные за последние годы. Исключительность российского положения (как единственного локомотива интеграции), отсутствие равновесных партнеров (как это имело место в Евросоюзе) делает конструкцию весьма неустойчивой. Узвимость российской экономики со стороны внешнеэкономической конъюнктуры – цены на нефть, рецессии в ЕС, замедление экономического роста Китая (продолжающей оставаться весьма неустойчивой и, по оценкам экспертов, данный вектор сохранится в ближайшие годы) – ставит целый ряд серьезных вопросов, как перед самой Россией, так и перед ее партнерами, которые могут опасаться связывать свои долгосрочные стратегии с неустойчивой и непредсказуемой российской динамикой. Как только во внутривнутриполитических и внутривнутриэкономических вопросах России появится уверенность и предсказуемость, вполне вероятно, что сегодняшние скептики будут более внимательно присматриваться к своим перспективам экономического и политического взаимодействия на евразийском пространстве.

Примечания

- ¹ *Mankoff Je.* What a Eurasian Union Means for Washington // *The National Interest*. April 19. 2012. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/what-eurasian-union-means-washington-6821> (дата обращения: 07.05.2015).
- ² *Mankoff Je.* Op. cit.
- ³ *Караваяев А.* Вертикаль Евразии // Республика KZ. 15.11.2011. URL: <http://www.respublika-kaz.info/news/politics/18610> (дата обращения: 20.04.2015).
- ⁴ *Cohen D.* China and Eurasian Union // *The Diplomat*. 07.10.2011. URL: <http://the-diplomat.com/china-power/2011/10/07/china-and-the-eurasian-union> (дата обращения: 20.04.2015).
- ⁵ Евразийский Союз и Китай – интеграция или соперничество : экспертные оценки // ИА Regnum. 12.12.2011. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1478250.html> (дата обращения: 20.04.2015).
- ⁶ *Ли Син, Ван Чэньсин.* Китайская политология о смысле и перспективах Евразийского союза // *Международные процессы*. 2014. Т. 12. № 3(38), С. 73.

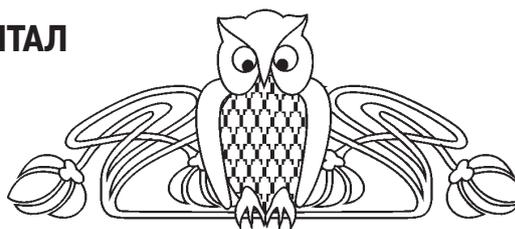

УДК 330.142:001.895

ИННОВАЦИОННЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Т. В. Черевичко

Саратовский государственный университет
E-mail: cherevichko@inbox.ru

В статье рассматривается инновационный человеческий капитал как один из факторов становления современной модели экономического развития – модели «открытых инноваций». Отличительной особенностью инновационной модели развития национальных экономик является значительная мобильность высококвалифицированных специалистов, что обусловило формирование нового типа человеческого капитала и дальнейшее становление знаниеёмкой экономики.

Ключевые слова: инновационный человеческий капитал, глобальная мобильность, знаниеёмкая экономика.

Innovative Human Capital in the Global Economy

T. V. Cherevichko

The article deals with innovative human capital as a factor of the formation of the modern model of economic development – the model of «open innovations». A distinctive feature of the innovative model of national economies development is significant mobility of highly qualified specialists, which led to the formation of a new type of human capital and the establishment of knowledge economy.

Key words: innovative human capital, global mobility, knowledge economy.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-80-83

Доминирующим фактором мирового экономического развития XX века стал человеческий капитал. По всей видимости, новое столетие продлит эру человеческого капитала как движущей силы экономического роста.

Сегодня в мировом сообществе особое значение приобретает концепция инновационного развития общества.

Ключевым фактором современного мирового экономического развития становятся инновационные технологии. В настоящее время происходит смена парадигмы инновационного развития, в рамках которой национальные экономики переходят к экономической модели «открытых инноваций». В данной модели, наряду с инновациями и наукоёмкими технологиями, решающее значение приобретает и инновационный человеческий капитал.

Под человеческим капиталом традиционно понимается запас знаний и умений, которым располагает общество. Человеческий капитал – это капитал в виде умственных способностей, полученный посредством образования либо через практический опыт. Понятие человеческого капитала широко используется для характеристики особой формы капитала, отражающей производ-

ственные возможности, воплощенные в человеческом существе.

Человеческому капиталу присущи особые черты.

1. В современных условиях человеческий капитал является главным фактором экономического роста. Это наиболее ценный ресурс, гораздо более важный, чем природный, хотя его производственные запасы являются краеугольным камнем конкурентоспособности, экономического роста и эффективности.

2. Формирование человеческого капитала требует от самого человека и всего общества значительных затрат. Однако инвестиции в человека, если они рациональны, создают наиболее прочную основу устойчивого развития общества.

3. Человеческий капитал в виде навыков и способностей является определенным запасом, то есть может накапливаться.

4. Вложения в человеческий капитал дают довольно значительный по объему, длительный по времени и интегральный по характеру экономический и социальный эффект.

5. Инвестиционный период у человеческого капитала значительно длиннее, чем у физического (у такой формы вложения, как образование, инвестиционный период может достигать 12–20 лет, а инвестиции в капитал здоровья осуществляются на протяжении всей жизни).

6. Человеческий капитал неотделим от его носителя – живой человеческой личности. Независимо от источников формирования, которые могут быть государственными, семейными, частными, использование человеческого капитала контролируется самим человеком.

Исследователи человеческого капитала отмечают, что он неоднороден, имеет сложную внутреннюю структуру, развивающуюся во времени. Полагаем, что правомерно выделить следующие закономерности развития человеческого капитала в условиях реализации экономической модели «открытых инноваций»: усложнение человеческого капитала как инновационной системы; расширение инновационной мобильности человеческого капитала как способа накопления и передачи знания; возрастание роли институтов, формирующих инновационный человеческий капитал.

Инновационный человеческий капитал представляет собой знания и опыт креативно мыслящих, обладающих предпринимательскими

способностями специалистов в области технических и естественных наук, маркетинговых и управленческих технологий¹. Формирование инновационного человеческого капитала требует значительных инвестиций.

Согласно теории человеческого капитала в мировом смысле основными направлениями инвестиций в человека выступают расходы на образование, здравоохранение и его мобильность (потенциальную миграционную активность). Инвестиции в человеческий капитал по всем направлениям повышают качество рабочей силы и часто способны дать больший производственный эффект, чем рост числа занятых.

Если говорить об инновационном человеческом капитале, то в этом случае особое значение приобретают так называемые «узкие» инвестиции – инвестиции в формальное образование (школа, колледжи, университет) и формирование специфической инновационной компоненты работника. Это обусловлено тем, что освоение современных технологий и организации даже массового производства невозможно без высококвалифицированных специалистов. Согласно оценкам ОЭСР, один дополнительный год формального образования в среднем по стране может увеличить уровень занятости на 1,7 п.п., а производительность на 5%. Следует отметить, что практически во всех странах наблюдается тенденция к увеличению доли и численности лиц с широким академическим образованием с теоретической подготовкой на базе университета. В 2000–2010 гг. среднегодовой прирост этой численности составил: в Германии – 1,3%, в Австрии – 3,3, в Дании и Канаде – 2,4, в Австралии – 3,2, в Великобритании – 4, в Чехии – 4,3, в Ирландии – 7,3%². При этом следует отметить одну из особенностей инвестиций в образование: формальное образование приобретает перед началом трудовой деятельности и эксплуатируется в течение длительного периода. Инвестиции же в специальное образование могут идти всю жизнь.

По мнению ведущих экспертов, сегодня именно образование является первым звеном инновационной цепочки «образование – исследование – венчурные проекты – массовое освоение инноваций». Исходя из этого, основная задача системы образования – ее соответствие инновационным моделям развития национальных экономик, где образование в течение всей жизни является определяющим направлением.

В современном мире объем информации удваивается каждые три года, список профессий обновляется более чем на 50% каждые семь лет и, чтобы быть успешным, человеку приходится менять место работы в среднем три–пять раз в жизни³. Нарастание творческого потенциала, наряду с традиционным образованием, все в большей степени осуществляется за счет так называемого «высокого образования» – самостоятельное обретение знания из различных источников.

Значительные инвестиции в накопление знаний посредством расширения образовательных программ вполне по силам крупным корпорациям. Однако в последнее время наблюдается экспансия знаний в среду среднего и малого предпринимательства, что обусловило появление знаниеемкого бизнеса. Знаниеемкими организациями можно считать те организации, которые предлагают рынку использование довольно сложного знания или изделий, основанных на знаниях⁴. Иначе говоря, знаниеемкий бизнес ориентирован на использование инновационного человеческого капитала, что в практической деятельности выражается в работе высококвалифицированных профессионалов в конкретной сфере знания. Следует отметить, в экономике ЕС по числу предприятий знаниеемкий бизнес-сервис превалирует над высокотехнологичным бизнес-производством. Так, в 2008 г. на одно высокотехнологичное предприятие обрабатывающей промышленности приходилось более 15 предприятий, оказывающих знаниеемкие высокотехнологичные бизнес-услуги⁵.

Наряду с расширением процессов «высокого образования», в формировании инновационного человеческого капитала особое место занимает инновационная мобильность.

Это обусловлено сменой парадигмы инновационного развития и переходом к модели «открытых инноваций», в основе которой лежит глобальная мобильность человеческих ресурсов, проявляющаяся в глобальной «циркуляции умов». Отсюда растущее внимание исследователей к вопросам формирования глобального рынка труда и глобальной рабочей силы. Постоянная востребованность в высококвалифицированной рабочей силе позволяет говорить о ней как об особой категории глобального рынка труда. В настоящее время глобальной рабочей силы как сложившегося сегмента рынка труда пока не существует, но имеет место категория профессионалов, у которой развита потребность в территориальной и профессиональной миграции. Они способны легко адаптироваться к новым условиям работы и жизни, переезжая из одной страны в другую. Эта рабочая сила, оставаясь в основе своей глубоко национальной, тем не менее, приобретает новое качество, элемент глобальности (национальности), то есть способность адаптироваться к инонациональным факторам в рамках международного труда⁶.

Мигрант представляет собой «персонифицированное» знание, опыт. Причем для него знание, накопленное человечеством, выступает одновременно и как исходный пункт, и как цель его движения. Его личное участие в процессе производства и накопления знания заключается в том, чтобы приплюсовать к исходному знанию (полученному в процессе образования) новое, которое осуществляется через его реализацию, его воплощение в практической деятельности.

Современные подвижные и децентрализованные структуры производства знаний используют

миграцию человеческого капитала для широкого и гибкого взаимодействия со средой знания. Страны, попавшие в подобные магнитные поля через создание высокотехнологичных центров, используя опыт и знания соотечественников, сами начинают притягивать человеческий капитал высшей квалификации, создают агломерационный эффект, принимают участие во всемирном «мозговом центре».

Следует отметить, что процесс производства и накопления знания никогда не начинается «с самого начала», а осуществляется как совершенствование уже наличного знания, как преобразование уже накопленного. Иными словами, имеет место процесс расширенного воспроизводства знания посредством миграции – воспроизводство высокопрофессионального инновационного человеческого капитала.

Если фиксировать формы, которые возрастает знание в процессе миграции попеременно принимает (накопленное знание – его применение – дальнейшее накопление знания), то можно сказать, что исходное знание мигранта «саморазвивается». Так как движение (миграция), в котором мигрант присоединяет к себе новое знание, есть его собственное движение, следовательно, его развитие есть самовозрастание знания. Иначе говоря, мигрант получает некую способность производить знание в силу того, что он сам является носителем знания. Можно сказать, что по мере развития общества мигрант все менее является носителем просто человеческого капитала и все более становится носителем инновационного человеческого капитала.

В настоящее время в мировой экономике происходит трансформация традиционных форм миграции, в частности, эмиграция и возвращение мигрантов в транснационализм человеческого капитала. Как отмечают специалисты, типичный цикл для экспатрианта составляет 10–15 лет. Именно по прошествии этого периода отдача от профессионалов-мигрантов и возможность внести вклад в развитие страны происхождения максимальны.

80–90% индийских и китайских профессионалов-мигрантов связаны с бизнесом в собственной стране и совершают туда более пяти поездок в год. Китайское правительство, осознав роль циркуляции и рециркуляции профессионалов в поддержании научно-технических контактов, создало льготные условия для выезда и возвращения ученых, посвятивших себя научно-исследовательской работе. Время пребывания их за границей продлено до пяти лет с разрешением многократных поездок туда и обратно⁷.

Это свидетельствует о том, что глобализация научного сотрудничества не исключает того, что в основе развития национальных инновационных систем лежит развитие и реализация человеческого потенциала каждой отдельной страны.

При этом конкурентоспособность национальных экономик напрямую связана с мобильностью профессионалов мигрантов – инновационного человеческого капитала, способного преобразовывать информацию и знания в материальный инновационный продукт или услугу. Иначе говоря, инновационная мобильность – это показатель «зрелости» национальных инновационных систем.

Инновационная мобильность – это циклическая миграция высококвалифицированной рабочей силы, в процессе которой происходит обмен знаниями. То, что начиналось как «утечка умов», сегодня приводит к «обогащению умов», осуществляемому в форме возвращения, либо циркуляции. Под «циркуляцией умов» понимается многогранное явление, охватывающее основные направления перемещения инновационного человеческого капитала между различными странами и организациями с целью создания, распространения и коллективного использования знаний и стимулирующее таким образом развитие национальных экономик⁸.

Безусловно, востребованность ученых и высокообразованных специалистов в экономике и других областях современного общества имеет ключевое значение для инновационного развития. Без реального спроса на научные и высококвалифицированные кадры, когда творческий потенциал не может быть реализован, инновационная мобильность может быть и неэффективным институтом. «Утечка мозгов» как результат инновационной мобильности в условиях глобального рынка труда может привести к необратимым последствиям для стран-доноров не только в сфере науки, но и в общем социально-экономическом развитии.

В то же время инновационная мобильность может иметь сравнительно высокую эффективность при переходе к процессу циркуляции человеческого капитала. Данный вид мобильности корректирует цели национальной инновационной системы – определяющим становится интеграция человеческого капитала в процесс глобальной циркуляции умов с последующим получением максимальных выгод и преимуществ.

Таким образом, инновационный человеческий капитал и его развитие в мировом экономическом пространстве обусловлены следующими факторами.

1. Расширение глобальных процессов. Глобализация – это необратимый процесс, в результате которого над географическими и историческими границами пространств городов, стран складывается новое информационное пространство, которое организовано вокруг новых информационных потоков. В рамках нового пространства повышается скорость передачи информации, знаний и опыта.

2. Трансформация миграции человеческого капитала, что обусловлено размыванием реальных

и виртуальных границ между объектами коммуникации, отменой барьеров, препятствующих внешней миграции. В результате чего получила развитие особая форма миграции *инновационный человеческий капитал* – «циркуляция умов», позволяющая создавать, распространять, коллективно использовать знания, методы и технологии и стимулировать, таким образом, развитие национальных экономик.

3. Становление трансграничной карьеры. Занятость в трансграничных компаниях способствует формированию инновационного человеческого капитала благодаря приобретению новых знаний. Рост карьеры осуществляется за счет перемещения из одной страны в другую в рамках подразделений транснациональных компаний.

Принимая во внимание углубления глобальных процессов и наличие неравномерного развития национальных экономик, следует отметить, что миграция инновационного человеческого капитала будет возрастать, причем очень высокими темпами.

УДК 94(420+47+57)

СОГЛАСОВАНИЕ СОВЕТСКО-БРИТАНСКОЙ ПОЗИЦИИ ПО ИРАНУ: ПЕРВЫЕ ШАГИ, ИЮЛЬ 1941 ГОД

Ю. Г. Голуб

Саратовский государственный университет
E-mail: goloub@sgu.ru

В статье рассматриваются первые шаги СССР и Великобритании, предпринятые в июле 1941 г. по выработке их дипломатическими службами согласованной позиции в отношении Тегерана. Показано, что в связи с неприемлемым для них немецким влиянием в Иране Москва и Лондон предприняли несколько политических демаршей и, в конечном счете, были вынуждены начать проработку вопроса о вводе своих войск в эту страну.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, Иран, Сталин, Черчилль, Криппс, Иден, Молотов, Майский, дипломатия, Вторая мировая война.

Reconciliation of the Soviet-Britain Policy Towards Iran: First Steps, July of 1941

Yu. G. Golub

The first steps made by USSR' and Great Britain' diplomatic services in July, 1941, to conciliate the two countries policy towards Tehran are examined in the article. It is shown that because of unacceptable German influence on Iran, Moscow and London had made several political demarches and finally were compelled to start elaborating the issue on their troops deployment in this country.

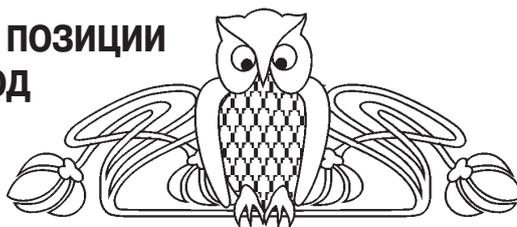
Key words: USSR, Great Britain, Iran, Stalin, Churchill, Cripps, Eden, Molotov, Maisky, diplomacy, Second World War.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-83-89

12 июля 1941 г. в Москве было подписано советско-британское Соглашение о совместных

Примечания

- 1 См.: *Чередников О.* Высокотехнологичные стартапы в мире и в России // *Мировая экономика и международные отношения.* 2013. № 10. С. 68.
- 2 См.: *Моусова Г.* Формирование профессиональных навыков : межстрановой анализ // *Мировая экономика и международные отношения.* 2014. № 6. С. 97, 98.
- 3 См.: *Мосолова Е.* Ключевые компетенции специалиста: взгляд работодателя // *Профессиональное образование в России и за рубежом.* 2012. № 1(5). С. 24.
- 4 См.: *Олевский Г.* Знаниеемкое предпринимательство в экономике Европейского Союза // *Мировая экономика и международные отношения.* 2014. № 6. С. 45.
- 5 Там же. С. 47.
- 6 См.: *Черевичко Т. В.* Миграционная динамика эпохи глобализации. Саратов, 2002.
- 7 *Глуценко Г.* Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 12. С. 50–57.
- 8 См.: *Чередников О.* Указ. соч. С. 75.

действиях в войне против Германии¹, ставшее политико-правовым основанием формирования союзнических отношений двух стран. В процессе его подготовки И. В. Сталин на встречах с британским послом С. Криппсом инициировал обмен мнениями о ситуации в Иране. В итоге стороны практически сразу сошлись во мнении о необходимости совместных дипломатических шагов для пресечения немецкой активности в этой стране, подкрепленных при необходимости и военными мерами². Достигнутое взаимопонимание позволило в относительно короткие сроки выйти на согласованную советско-британскую позицию по вопросу воздействия на Тегеран. Придерживаясь общей линии в отношении неприемлемого для них немецкого влияния в Иране, Москва и Лондон предприняли несколько политических демаршей и, в конечном счете, были вынуждены начать проработку вопроса о вводе своих войск в эту страну³. Выход на такой уровень союзничества, конечно, произошел не сразу и отнюдь не просто так. Пришлось преодолевать копившееся годами взаимное недоверие и шаг за шагом формировать механизмы выстраивания новых отношений. Вот почему этот эпизод дипломатической истории Второй мировой войны, безусловно, заслуживает детального рассмотрения.

Ситуация с Ираном сразу стала одной из постоянных тем советско-британских переговоров летом 1941 года. Уже через день после подписания Соглашения о совместных действиях британский посол в Москве С. Криппс, фактически выступивший инициатором силовой акции против этой страны, в своем донесении в Форин офис отметил, что не видит причин для того, чтобы одновременно не подкреплять любые союзные требования к Тегерану «военными демонстрациями»⁴. В тот момент, однако, министр иностранных дел Великобритании А. Иден полагал иначе. Он считал, что предложения Криппса выходят за рамки британской политики по отношению к нейтралитету Ирана и, возможно, не учитывают реального положения вещей. Министру явно в большей степени импонировала сдержанность советского посла И. М. Майского. 14 июля, когда Иден встретился с Майским, оба собеседника были согласны в том, что для СССР и Великобритании предпочтительнее в полной мере использовать возможности дипломатии и экономического давления на Иран⁵. В связи с этим стороны решили ускорить подготовку дипломатических нот от имени своих стран иранскому правительству⁶.

В Тегеран советскому и британскому послам были направлены, как позднее их оценил Молотов, «приблизительно одинаковые инструкции»⁷. Правда, инструкции оказались не совсем одинаковыми. Это стало понятно, когда 18 июля, накануне визита к иранским властям, посол Р. Буллард лично передал послу А. Смирнову текст британской инструкции⁸. В документе содержалась рекомендация послу донести до иранского руководства «обеспокоенность британского правительства все возрастающим количеством немцев, проживающих в Иране» и указать правительству Ирана «на жизненную необходимость принятия самых серьезных мер... в отношении численности немцев. Отдельным пунктом давалось поручение послу подготовить и вручить премьер-министру и министру иностранных дел Ирана секретные письма об антишахской направленности германской пропаганды. При передаче данных писем адресатам, как указывалось в инструкции, необходимо было информировать их, что британское правительство не сможет оказать содействие Ирану в экономической сфере «в случае, если иранское правительство откажется действовать» в отношении немцев. Отдельно Булларду рекомендовалось обсудить меры экономического давления на Иран с советским посольством⁹.

Директива советского НКВД посольству в Тегеране ориентировала Смирнова при соблюдении всех необходимых дипломатических «реверансов» жестко поставить перед иранскими властями вопрос о сокращении немецкого присутствия в стране с указанием конкретного количества и сроков выполнения. Советский посол должен был потребовать удаления 80% проживавших в Иране немцев в месячный срок¹⁰. В британской

инструкции такая ключевая конкретика отсутствовала. Впоследствии это вызовет недовольство советской стороны и, как представляется, некоторым образом скажется в дальнейшем на темпах согласования советско-британской позиции относительно действий в Иране. Но не будем опережать ход событий, поскольку все это выяснится чуть позже.

18 июля 1941 г. Криппс по его просьбе был принят Молотовым. Обсудив вопросы, связанные с деятельностью английской военной миссии, находившейся в Москве, посол перешел к немецкому присутствию в Иране, упомянув о достигнутом в Лондоне «решении сделать совместный демарш». В связи с этим нарком подтвердил, что как советскому, так и английскому посланнику в Тегеране даны соответствующие инструкции. Криппс не удержался и рассказал Молотову о своей телеграмме Идену¹¹, в которой рекомендовал последнему не колеблясь предпринимать меры, как военного, так и политического, и экономического характера, если просьба не будет выполнена¹².

В тот же день настойчивость Криппса получила поддержку в Лондоне. Спустя неделю после получения соответствующего задания правительства¹³, свои предложения подготовили британские военные. Начальники штабов полагали, что операция следует ограничить югом и что для захвата нефтепромыслов понадобится, по меньшей мере, одна дивизия, поддержанная небольшой авиационной частью. В целом они рекомендовали правительству занять твердую позицию¹⁴. Такая рекомендация, даже обставленная рядом оговорок, безусловно, способствовала расширению у политиков арсенала мер воздействия на Тегеран и ужесточению переговорной позиции Лондона. Что Иден отчетливо и продемонстрировал уже утром 19 июля, встретившись с Майским.

Еще до их встречи стало известно, что в Тегеране послы двух держав вручили исполняющему обязанности министра иностранных дел Ирана Д. Амери согласованные ноты. В них содержалось требование выслать из страны немецких граждан¹⁵. Иранский министр, сославшись на нейтральный статус своей страны, фактически, сразу отклонил демарш союзников. Неудовлетворенный таким ответом Буллард незамедлительно проинформировал Лондон о необходимости усиления экономического давления на Иран. В свою очередь, советский посол Смирнов порекомендовал своему правительству отказаться от отправки в Иран немецких товаров, находившихся транзитом в Баку¹⁶.

Вот на таком фоне Иден встретился с Майским. Он поделился с послом мнением, что уже практически не надеется на депортацию немцев из Ирана и что придется уповать на военные меры. Министр конфиденциально сообщил собеседнику, что британские военачальники уже занимаются соответствующим планированием. И добавил,

что если Москва даст согласие, то правительства обеих стран смогут объединиться для рассмотрения вопроса о возможных совместных военных действиях. Полагая, что вопрос в принципе будет согласован, британский министр поинтересовался у Майского, что может быть сделано Лондоном для того, чтобы снять обеспокоенность Турции возможным появлением русских в Иране¹⁷. Иными словами, теперь и ранее колебавшийся Иден заговорил об использовании военной силы как средстве воздействия на Иран. Все это свидетельствовало о том, что Лондон свой выбор сделал. Военное планирование, продумывание мер по предупреждению реакции Анкары не оставляли никаких сомнений на этот счет.

Утренняя субботняя встреча дипломатов завершилась просьбой Майского устроить ему аудиенцию с Черчиллем для вручения личного послания Сталина. Днем Иден перезвонил послу и сообщил, что Черчилль примет его в 5 часов в своей загородной резиденции Чекерс¹⁸.

Закончив перевод сталинского послания, Майский отправился на встречу с Черчиллем. После того как премьер ознакомился с письмом, дипломат поинтересовался впечатлением от прочитанного. Черчилль ответил, что пока он может сделать лишь некоторые предварительные замечания. Концепция северного фронта в Норвегии ему понравилась. А вот по вопросу о втором фронте во Франции Черчилль сразу занял отрицательную позицию. И затем внезапно перешел к Ирану, повторив гостю все то, что утром того же дня говорил Иден, но только в еще более заостренной и решительной форме: «Нельзя позволить шаху устраивать фокусы, – с горячностью заявил премьер. – Персия должна быть с нами! Шах должен выбирать: или – или».

Продемонстрированная горячность вряд ли была спонтанным выражением эмоций искреннего политика. Скорее это был явно не раз применявшийся им прием для смещения акцентов в беседе. Последующая фраза Черчилля свидетельствовала именно об этом: в случае упорства шаха он считает, заявил премьер, необходимой военной оккупации Персии англо-советскими силами. При этом он намекнул, что персидская операция наряду с Норвегией тоже может явиться своего рода «вторым фронтом»¹⁹. Это, конечно, было очевидным преувеличением. В этом-то и была, судя по всему, причина горячности премьера. Артикулируя проблему Ирана, глава кабинета старался риторикой поднять значимость этой проблемы на фоне его отказа открыть второй фронт в Европе. К тому же он по-прежнему искренне полагал, что усилия Британской империи должны быть сконцентрированы, прежде всего, на укреплении ее позиций на Среднем Востоке²⁰. Вот почему к Ирану, занимавшему важное стратегическое положение и разделявшему британские силы в Индии и на Ближнем Востоке, британцы стали присматриваться особенно пристально уже

после событий в Ираке весной 1941 г. Но с ходу разобраться с Ираном было не просто так. С одной стороны, нужны были некие правовые основания для нарушения его нейтрального статуса, с другой – требовалось наращивание собственной военной группировки за счет переброски войск с других фронтов или привлечение сил других стран. Тут СССР, имевший договор с Ираном, позволявшим ему при определенных обстоятельствах ввести войска в эту страну, подходил как никто другой. Неслучайно еще 6 июля Черчилль написал генералу Окиленку, командующему британскими войсками на Ближнем Востоке: «Усилиями англичан и русских Персия вскоре должна была быть привлечена на сторону союзников»²¹.

Так что еще раз повторим, эмоции премьера имели вполне прагматичную основу. Собеседникам, конечно, было понятно, что военная акция в Иране при всей ее военно-политической значимости никак не могла повлиять на ситуацию на советско-германском фронте. Но в случае успеха она существенно усиливала позиции союзников на Среднем Востоке и гарантировала еще один коридор для поставок в СССР.

Таким образом, советский посол, встретившись в течение одного дня сначала с британским министром иностранных дел, а затем и с самим премьер-министром, смог получить четкое представление о формировавшейся позиции Великобритания по Ирану. Лондон недвусмысленно высказался за военную оккупацию этой страны англо-советскими силами. Уже после войны Черчилль в своих воспоминаниях так обосновал стремительный британский дрейф в сторону военной акции в Иране: «Необходимость доставлять Советскому правительству вооружение и различного рода материалы, исключительные трудности арктического пути наряду с будущими стратегическими возможностями сделали весьма желательным открытие широчайших коммуникаций с Россией через Персию. Персидские нефтепромыслы являлись важнейшим военным фактором. В Тегеране обосновалась активная и многочисленная германская миссия, и престиж Германии был высок». При этом, как признается Черчилль, он «не без некоторой тревоги решался на персидскую войну»²². Вот почему заключил британский премьер: «Мы были рады возможности объединиться с русскими и предложили им провести совместную кампанию в Персии»²³.

И. М. Майский сразу же сообщил в Наркомат иностранных дел о своей беседе с У. Черчиллем, в том числе о том, что британский премьер подчеркнул необходимость применения к Ирану всех мер вплоть до совместной военной оккупации страны²⁴.

На следующий день иранская проблематика стала предметом обсуждения уже в Москве. 20 июля в полдень С. Криппс встретился с наркомом иностранных дел Молотовым, уже знавшим из депеши Майского о британской по-

зиции относительно этой страны. Посол сразу же вручил наркому памятную записку посольства Великобритании²⁵. Документ представлял собой официальный ответ британской стороны на высказанную ранее в беседах Сталина с Криппсом озабоченность советского правительства «обилием немецких агентов в Афганистане и Иране» и на предложение советского руководителя предпринять совместные шаги для противодействия этой опасности их общим интересам.

В записке посольства от имени британского правительства приветствовалось «предложение, сделанное г-ном Сталиным относительно совместных действий по оказанию нажима на оба правительства». В связи с этим следует отметить, что записка в значительной степени была посвящена Афганистану и содержала широкий перечень мер экономического воздействия на эту страну, что, фактически, означало введение экономической блокады. «В отношении Ирана, – говорилось в документе, – правительство Его Величества намерено применять несколько *менее строгие методы давления* (курсив наш. – Ю. Г.); как советскому правительству уже известно, этот вопрос был подробно обсужден с советским послом в Лондоне, который сообщил общее согласие советского правительства относительно предложенных действий, а также его готовности предпринять подобные меры»²⁶.

В контексте прозвучавших накануне в Лондоне заявлений Черчилля о применении силовых мер воздействия на Иран, это пункт записки производил странное впечатление. Советскому руководству предстояло понять, что за этим стоит: либо неспешность британской бюрократической машины, не успевавшей за переменами в позиции Даунинг-стрит, либо стремление британцев при всей их резкой риторике выдвинуть на первый план Москву в давлении на Иран. Последнее было отнюдь не исключено, поскольку записка заканчивалась фразой о том, что «в этом особо важном деле было бы предпочтительнее для советского посла взять на себя инициативу, так как любая угроза, возникающая в связи с концентрацией немцев в Тавризе, может быть направлена только против Советского Союза»²⁷.

Ознакомившись с содержанием записки, Молотов заявил послу, что доведет ее до сведения правительства²⁸. Продолжив беседу, нарком отметил, что демарши, предпринятые советским и британским представителями в Иране, не дали положительных результатов, выяснилось, что иранцы не склонны пойти навстречу в вопросе о пребывании немцев в их стране. Молотов в этом контексте коснулся позиции Турции, считая ее «весьма важной».

В свою очередь, Криппс попросил Молотова сообщить послу Майскому те формы действия, которые советское правительство со своей стороны предполагает принять в отношении Ирана. Молотов пообещал сделать это, не став пока прямо

обозначать позицию советского правительства. Это побудило Криппса, уже проявившего себя как наиболее активного приверженца силовых действий, «поддержать» тему. Он подчеркнул, что было бы весьма важно, если бы Москва приняла предложение английского правительства относительно военного или экономического давления на Иран. Конкретизируя свою мысль, посол коснулся советско-иранского договора 1921 года, создававшего правовую основу для ввода советских войск в Иран в случае появления в этой стране немецких войск. Ответ наркома на эту ремарку, хотя и был весьма дипломатичен («советское правительство считает советско-иранский договор весьма важным фактором в современной обстановке»), не оставлял сомнений в позиции Кремля. А уж когда Молотов поинтересовался, имеются ли у английского правительства военные силы на юге Ирана, которые могли бы оказать давление на Иран в случае возникновения серьезной опасности военного характера, все стало окончательно понятно. Поэтому Криппс поспешил ответить, что «ему лично кажется возможным использовать некоторое количество английских сил для военного давления и на юге Ирана»²⁹.

Завершая иранскую тему, Криппс также добавил, что, по его мнению, будет очень удобным вести переговоры об Иране в Лондоне. Для этого советское правительство должно уполномочить своего посла принимать необходимые решения. Молотов согласился и заявил, что он поставит об этом в известность посла Майского³⁰.

На этом общении дипломатов прервалось, но не завершилось. Спустя три часа они снова встретились. Молотов пригласил Криппса для того, чтобы ознакомить с посланием главы советского правительства своему британскому коллеге, накануне врученным премьеру советским послом. Выполнив протокольные формальности, собеседники сочли возможным вновь коснуться Ирана. К этому моменту, как сообщил гость, он уже получил из Форин офиса телеграмму о последнем разговоре Идена с Майским об Иране. Со слов Криппса следовало, что министр сообщил ему о необходимости предпринять энергичные действия в отношении этой страны. Иден, продолжил посол, считал «весьма полезным совместное рассмотрение вопроса о подобных действиях», сомневаясь в эффективности экономического давления на Иран. И добавил от себя, что после дела с Абиссинией «никто в Англии не согласен придерживаться экономических санкций»³¹. На сей раз Уайт-холл сработал оперативно и фактически дезавуировал свои утренние предложения о неких только экономических методах воздействия на Иран.

Тем временем позиции сторон, вовлеченных в дипломатическое выяснение отношений с Тегераном, продолжали выкристаллизовываться. 21 июля советский и британский послы в Иране детально обменялись мнениями по итогам своего

общения с иранскими официальными лицами. Их оценки полностью совпали. И Булларду, и Смирнову было очевидно стремление как премьер-министра А. Мансура, так и исполнявшего обязанности министра иностранных дел Д. Амери выиграть время. И премьер, и министр исключили возможность уменьшения численности немцев в большом объеме и короткие сроки. Послам было сказано, что они «не находят законных предлогов для всеобщего изгнания». Поэтому дипломаты пришли к выводу, что нужно было сохранять давление на иранские власти, и если они будут явно медлить с выдворением немцев, «можно было бы применить самую строгую политику»³².

В тот же день в Форин офис поступила депеша от посла Булларда. В ней он выразил согласованное с советским послом Смирновым мнение о том, что иранские власти не пойдут на большое сокращение немецкого присутствия «ни в настоящий момент, ни в ближайшее время»³³. Такая позиция иранских лидеров, в тот момент еще надеявшихся избежать вхождения советских и британских войск, давала руководителям союзных держав необходимый повод ориентироваться на применение силы для решения всего комплекса вопросов по Ирану: не только устранение немецкого присутствия, но и обеспечение безопасности нефтепромыслов и транзита по трансиранскому коридору.

21 июля премьер-министр Черчилль известил генерала А. Уэйвелла, главнокомандующего британскими силами в соседней с Ираном Индии, о том, что он собирается выдвинуть иранцам ультиматум от Великобритании и России с требованием немедленного выдворения немцев и неизбежности последствий в случае отказа сделать это. В связи с подобными намерениями Черчилля интересовал вопрос, какими силами можно располагать в случае иранского отказа³⁴. На следующий день британский военный кабинет официально одобрил подготовку англо-советской военной акции в Иране, и в этот же день британские силы в Ираке получили приказ быть готовыми к занятию Абаданского нефтеочистительного завода и нефтепромыслов в Иране³⁵.

Все это свидетельствовало, что Лондон окончательно определился с мерами силового давления на Тегеран, но официального подтверждения намерений Москвы все еще не было. 25 июля на встрече с Молотовым посол Криппс поинтересовался у наркома, как обстоит дело с врученной им памятной запиской о немцах в Иране и Афганистане. Молотов ответил, что записка изучается. И из последовавшей потом фразы можно было понять, почему по прошествии пяти дней Москва не считала возможным официально декларировать позицию по Ирану. Молотов заявил, что «в Тегеране возникло большое недоразумение». Советский посол сделал представление иранскому правительству с требованием удалить 80% проживающих в Иране немцев в месячный срок.

Английский же посланник такого представления не сделал, возмутился нарком³⁶.

Его негативную реакцию можно было понять. Проявившееся расхождение в позициях союзных держав оставляло Тегерану некую возможность попытаться использовать его (расхождение) для затягивания времени и ухода от ответа по существу. Относительно мягкий демарш британского правительства, особенно на фоне прозвучавших в тот же день в Лондоне радикальных заявлений британских руководителей о военном давлении на Иран в беседах с советским послом, вызвал, по меньшей мере, недоумение и не мог не воскресить сомнение в искренности политики нового союзника. Москва решила взять паузу. Именно этим, скорее всего, можно было объяснить отсутствие ответа на британскую записку. Криппс поспешил удалиться, заверив при этом, что в настоящий момент английскому послу в Тегеране даны соответствующие инструкции о принятии шагов в вопросе о немцах³⁷.

В такой ситуации очень кстати для Криппса подоспело послание Черчилля Сталину. По сложившейся практике оно лично передавалось послом главе правительства. 26 июля Криппс был приглашен в Кремль. На встрече присутствовал и Молотов, общение с которым накануне вряд ли вызывало у британца добрые воспоминания. Ознакомившись с посланием премьер-министра, Сталин посчитал возможным обсудить с послом, с которым не виделся полмесяца, ряд тем. Уже в конце разговора Криппс заявил, что у него имеется еще вопрос, который бы он хотел поставить перед председателем Совнаркома. А именно вопрос об установлении сотрудничества английской и советской разведок и, в частности, их взаимодействия в Иране, резонно полагая, что взаимодействие в такой деликатной сфере будет способствовать установлению большей доверительности между сторонами и снимет неприятный фон от последнего общения с Молотовым.

Сталин идею поддержал и сказал, что предложение будет рассмотрено. Воодушевленный Криппс тут же добавил, что контакт между разведками, по его мнению, лучше установить в Москве, поскольку Иран находится ближе к Советскому Союзу. Сталин согласился. И тогда посол, пытаясь вернуть расположение наркома, заявил, что известит Молотова о приезде сотрудников британской разведки³⁸. На этом аудиенция в Кремле закончилась.

Пока советские и британские официальные лица «сверяли часы», в Тегеране подготовили ответ на ноты союзников, полученные 19 июля. Собственно ответ был ясен заранее, исходя из характера бесед с премьером и главой министерства иностранных дел, состоявшихся сразу при вручении, и имевших место на следующий день после него. 27 июля генеральный секретарь МИД Ирана Сейях передал послам СССР и Великобритании ответ иранского правительства³⁹. В документе

отмечалось, что иранское правительство будет соблюдать по отношению ко всем иностранцам, проживающим в этом государстве (стало быть, и граждан Германии. – Ю. Г.), политику нейтралитета и не позволит никому нарушать ее. «Поэтому настоящие о высылке из Ирана 80% всех немцев воспринято с крайним удивлением» и не «может быть приемлемым»⁴⁰.

28 июля, когда Иден вновь встретился с Майским, они оба, еще не зная всех деталей иранской аргументации, понимали, что ответ Тегерана на требования союзников будет неудовлетворительным. Британский министр предложил предъявить шаху совместный ультиматум о немедленной депортации немцев. Подкрепив это требование угрозой, что если он не будет выполнен, то вооруженные силы Великобритании и Советского Союза войдут на территорию Ирана.

Будучи уполномоченным на ведение переговоров по иранскому вопросу, посол Майский от имени советского правительства дал согласие. Со своей стороны, он предложил включить в намечаемый ультиматум требование о праве передвижения советских войск и боевой техники по трансиранской железной дороге. Для Идена это стало неожиданностью, и он предпочел уклониться от прямого ответа. Министр лишь заметил, что такое требование несовместимо с аргументом Тегерана о стремлении обеспечить свой нейтралитет, в том числе позволяя присутствию в стране какого-то количества немцев. Майский возразил, что уже создан прецедент такого рода, в частности, Швеция предоставила Германии право на военный транзит по своей территории⁴¹.

Тем не менее вопрос о включении требования транзита остался открытым⁴². Но уже то, что на этой встрече дипломаты согласовали в принципе саму идею общего ультиматума, предполагавшего последующий ввод войск в Иран, выводило уровень взаимодействия двух стран по иранской проблеме на новый качественный уровень.

В общем, события стали приобретать такую динамику, что в дипломатических кругах военная акция против Ирана не исключалась уже в течение первой недели августа⁴³. Однако ее неожиданным образом притормозил не кто иной, как сам Черчилль. Как вспоминал впоследствии премьер, объясняя такое решение, он не был в полной мере «уверен в том, что этой персидской операции было обеспечено координированное планирование, необходимое для ее конечного успеха»⁴⁴.

Таким образом, уже в первые недели после подписания Соглашения о совместных действиях в войне против Германии Москва и Лондон с участием первых лиц начали интенсивный обмен мнениями о ситуации в Иране. Стороны согласовали и предприняли первые совместные шаги, призванные принудить иранские власти существенным образом уменьшить немецкое присутствие в своей стране. Однако дипломатический демарш, предпринятый союзными державами

19 июля, не заставил Тегеран пойти на уступки. В связи с этим в Лондоне возобладала точка зрения о неэффективности мер экономического давления, и приоритет был отдан военному решению иранской проблемы. Не возражая в принципе против использования войск, Кремль проявлял определенную сдержанность, которая, как представляется, и заставила Черчилля «сбавить обороты», но отнюдь не отказаться после урегулирования ряда возникших внешнеполитических вопросов от планов проведения военной акции союзников в Иране.

Примечания

- 1 Соглашение содержало обязательство сторон оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии и не вступать в сепаратные переговоры. (См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны : Документы и материалы : в 2 т. Т. 1. 1941–1943. М., 1983. С. 80).
- 2 Подробнее см. Голуб Ю. Г. Иранский фактор англо-советского сближения после нацистского нападения на Советский Союз (июнь-июль 1941 г.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, № 4. С. 30–40.
- 3 О военном аспекте рассматриваемых событий см.: Голуб Ю. Г. 1941 : Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 4. С. 20–27; Голуб Ю. Г., Любин Д. М. Закавказский фронт Великой Отечественной войны : участие войск фронта в иранской операции в августе 1941 года // Страницы Великой Отечественной... (К 60-летию Победы). Доклады Академии военных наук // Военная история. 2005. № 3(15). С. 22–28; Орушев А. Б. В августе 1941-го. М., 2011.
- 4 The National Archives of Great Britain (Kew, England) (далее – TNA), Foreign Office (далее – FO) 371/27230/E3844; Stewart R. A. Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N. Y., 1988. P. 61.
- 5 Stewart R. A. Op. cit. P. 61.
- 6 Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 188. Л. 28–29.
- 7 Там же. П. 8. Д. 81. Л. 60.
- 8 Там же. П. 16. Д. 188. Л. 25.
- 9 Там же. Л. 28–29. 16 июля в советском посольстве в Тегеране состоялся продолжительный обед Смирнова и Булларда. (См.: Bullard R., Hodgkin E. C. Letters from Tehran : a British ambassador in World War II, Persia. I. V. Tauris, 1991. P. 63.)
- 10 Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV (далее – ДВП.Т. XXIV). М., 2000. С. 181.
- 11 17 июля в своей депеше в Лондон Криппс настаивал, что «должно быть применено максимальное экономическое и военное давление, прежде чем возможность будет упущена, а это может произойти в момент наступления немецких войск на Кавказ. Я считаю, что это та возможность, когда нужно применить... незамедлительное максимальное давление и не медлить,... так как нет сомнений в том, что иранцы попытаются сражаться»

- ся» (см.: TNA, FO 371/27230/E4065 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 62.)
- ¹² ДВП. Т. XXIV. С. 168–169.
- ¹³ Еще 11 июля британский кабинет, как свидетельствует в своих мемуарах У. Черчилль, счел необходимым поручить начальникам штабов рассмотреть вопрос о том, какие действия совместно с СССР в Иране предпочтительны (см.: *Черчилль У. С.* Вторая мировая война : в 6 т. Т. 3 : Великий союз. М., 1998. С. 249.
- ¹⁴ *Черчилль У.* Указ.соч. Т. 3. С. 249.
- ¹⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. 1. С. 156.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 188. Л. 32–33 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 63.
- ¹⁷ TNA, FO 371/27231/E3995 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 63 ; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 172.
- ¹⁸ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 : в 2 кн. Кн. 2, ч. 2 : 22 июня 1941–1943 год. М., 2009. С. 14.
- ¹⁹ Там же. С. 14–18.
- ²⁰ *Городецкий Г.* Черчилль и Советский Союз после 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 63.
- ²¹ *Черчилль У. С.* Указ.соч. Т. 3. С. 212.
- ²² Надо сказать, что основания для тревог были. Продумывая вопрос о военной акции в Иране, Черчилль не мог не принимать в расчет реакцию своих союзников – Турции и США. С другой стороны, против нарушения нейтрального статуса Ирана раздавались протесты и в самой Британии. См.: *Kitchen M.* British policy towards the Soviet Union during the Second World War. Basingstoke ; London : Macmillan, 1986. P. 93 ; Поначалу даже посол в Тегеране Р. Буллард не скрывал своего несогласия с методами давления на Иран. Так, 11 июля в своей депеше в Форин офис он выразил беспокойство относительно британских намерений и напомнил о прежних гарантиях иранскому премьер-министру, сказав, что сообщение о британских планах «направить войска в Иран» «противоречит политике правительства Его Величества по уважению нейтральных государств». В связи с этим посол задавал риторический вопрос: «Будет ли отказ на предложение о депортации всех немцев совместим с данной политикой? Я думаю, что нет. Мы не можем получить неопровержимое доказательство того, что здесь продолжается военная деятельность «пятой колонны», несмотря на тот факт, что мы уверены в ее существовании». Р. Буллард выступил также против угрожающих экономических санкций и протестов Ирану. С такой позицией был категорически не согласен британский посол в Москве С. Криппс, призывавший к немедленному вмешательству. Сторонником решительных действий в Иране зарекомендовал себя и генерал А. Уэйвелл, главнокомандующий британскими войсками в Индии. Однако аргументация Криппса на первых порах не разделялась министром Иденом. Словом, Черчиллю было над чем размышлять. См.: *Gorodetsky G.* Stafford Cripps' mission to Moscow, 1940–42. Cambridge et c., 1984. P. 208 ; TNA, FO 371/27151/E3844 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 60–62. Полный анализ дискуссии по вопросу ввода британских войск в Иран см.: *Beaumont J.* Great Britain and the Rights of Neutral Countries : The Case of Iran, 1941 // *J. of Contemporary History.* 1981. № 16. P. 214–218.
- ²³ *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 3. С. 248–249.
- ²⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 87.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 81. Л. 61.
- ²⁶ ДВП. Т. XXIV. С. 171.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 81. Л. 61.
- ²⁹ ДВП. Т. XXIV. С. 171.
- ³⁰ Там же. С. 172–173 ; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 6. Л. 76–77.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 81. Л. 70.
- ³² Там же. П. 16. Д. 188. Л. 33–34.
- ³³ TNA, FO 371/27231/E4036 ; *Bullard R., Hodgkin E. C.* Op. cit. P. 68 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 63.
- ³⁴ *Stewart R. A.* Op. cit. P. 63.
- ³⁵ *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 3. С. 250.
- ³⁶ ДВП. Т. XXIV. С. 181.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 81. Л. 77–82.
- ³⁸ ДВП. Т. XXIV. С. 185. 1 августа Криппс информировал Молотова о приезде в Москву 3 или 4 августа одного из старших офицеров британской разведки (см.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 82. Л. 1).
- ³⁹ Там же. П. 16. Д. 188. Л. 25.
- ⁴⁰ Там же. Л. 37–38.
- ⁴¹ TNA, FO 954/19A/127.
- ⁴² В конечном счете, вопрос о транзите стал предметом рассмотрения британским Военным кабинетом, который решил ограничиться в ультиматуме только требованием депортации немцев (см.: *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. Vol. 2. London, 1970. P. 25.)
- ⁴³ Такую информацию от британских военных, например, получил посол США в Ираке. (См.: *Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers.* 1941. Vol. 3. Washington, 1959. P. 384.)
- ⁴⁴ *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 3. С. 250.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(470.44–45) | 1590/1609|

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ САРАТОВ (1590–1609): ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории Саратова на протяжении первых двадцати лет с момента основания города, дана характеристика «Саратовской летописи», составленной 120 лет назад. Подробно представлены основные исследования по истории Саратова данного периода и анализируются их недостатки.

Ключевые слова: «Саратовская летопись», «Карамзинский хронограф», воевода, персидские послы, Н. М. Карамзин, Ф. Ф. Чекалин, А. А. Гераклитов, А. П. Барсуков, С. Н. Уткин.

Pristine Saratov (1590–1609): the Historiography of the Question

Ya. N. Rabinovich

The article considers the the unknown pages of the history of Saratov during the first twenty years after the founding of the city, the characteristic of the «Saratov Annals», composed 120 years ago is given. The main researches on history of this period of Saratov are discussed in detail and indicated their shortcomings

Key words: «Saratov Annals», «Karamzin chronograph», governor, Persian ambassadors, N. M. Karamzin, F. F. Chekalin, A. A. Geraclitov, A. P. Barsukov, S. N. Utkin.

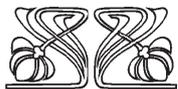
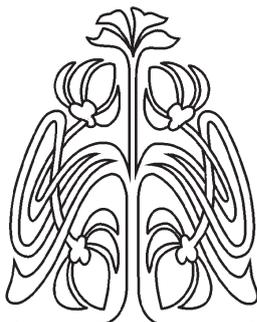
DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-90-97

Не все этапы истории города Саратова к настоящему времени изучены: если условно разделить всю историю дореволюционного Саратова на ряд периодов (Саратов первоначальный – 1590–1609, Саратов левобережный – 1616–1674, Саратов современный – 1674–1917), то начальному периоду краеведы уделяли меньше всего внимания, что, впрочем, обусловлено (объективно) малым количеством источников.

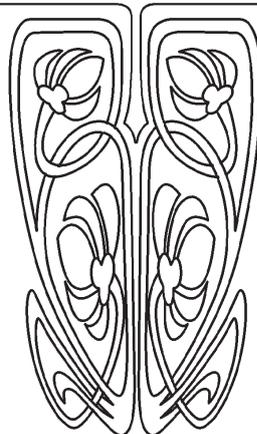
Основные вопросы, которые изначально интересовали исследователей, применительно к первоначальному Саратову, были следующие: откуда произошло название города, время и место основания Саратова, кто был его основателем, когда и при каких обстоятельствах первоначальный Саратов прекратил свое существование. Со временем круг вопросов расширился: краеведы заинтересовались Саратовом в Смутное время (плаванием царевича Петра – Илейки Муромца по Волге и обороной города от трех самозванных царевичей), а также пребыванием в Саратове персидского посольства зимой 1600/1601 г. Предпринимались попытки выяснить основные этапы биографии основателя Саратова князя Г. О. Засекина, определить имена других воевод первоначального Саратова, а также время пребывания этих начальных людей в Саратове.

Если рассматривать в целом историографию данного вопроса (речь пойдет о первоначальном Саратове), то в ней можно выделить ряд этапов.

Первый этап (XVIII в. – 1880-е гг.). Он связан с деятельностью отдельных краеведов. Наиболее ценные страницы, посвященные первоначальному Саратову, были написаны не местными «любителями старины», а корифеями российской истории (В. Н. Татищев, Н. М. Ка-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

рамзин, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров). Из саратовских краеведов можно выделить Андрея Филипповича Леопольдова (1800–1875).

Выпускник Саратовской гимназии и Петербургского университета Даниил Лукич Мордовцев (1830–1905), которого с полным основанием можно назвать первым саратовским историком-архивистом, оставил заметный след в изучении Саратова. Он одним из первых составил летопись города, но первоначальному Саратову не уделял должного внимания.

Второй этап (1886–1917). Начальная дата связана с созданием СУАК, а конечная дата – с образованием в Саратовском государственном университете историко-филологического факультета, появлением в Саратове крупных ученых историков и филологов. В начале данного этапа в связи с празднованием 300-летия основания Саратова было опубликовано наибольшее количество трудов по ранней истории города. По мнению ряда исследователей, конечной датой данного этапа следует считать 1920 г., когда вместо СУАК было создано Саратовское общество «Истархэт» (истории, археологии и этнографии)¹.

Третий этап (1917–1941 гг.). В эти годы выходят наиболее значимые труды А. А. Гераклитова и В. И. Оппоковой по истории Саратовского края, в том числе первоначального Саратова. Что касается труда Т. М. Акимовой и А. М. Ардабацкой, то это сочинение было написано намного позже (в 1940 г.), но по своей значимости стоит на порядок ниже известной монографии А. А. Гераклитова.

Четвертый этап (1945 – начало 1990-х гг.). Настоящий прорыв в деле изучения истории первоначального Саратова (а также Царицына и других городов Поволжья, и не только) совершил известный исследователь Смутного времени Иван Иванович Смирнов, получивший за свой труд о восстании Болотникова Сталинскую премию. Следует отметить, что Саратов не был главным объектом исследования И. И. Смирнова. Из саратовских историков можно отметить В. А. Осипова, Е. К. Максимова и других. Ряд исследователей, не являясь историками по образованию, сделали немало для изучения первоначального Саратова (архитекторы А. И. Осятинский, Б. Н. Донецкий, географ Н. Н. Студенцов и другие)².

Пятый этап (с начала 1990-х гг. по настоящее время). Этот этап характеризуется широким применением компьютерной технологии, возможностью использовать в научной работе неизвестные ранее источники, которые можно найти в Интернете, например на сайте «Runivers.ru». Однако саратовские краеведы, в отличие от их соседей из Волгограда, Самары и других городов Поволжья, не в полной мере используют источники по ранней истории города, не говоря уж о публикации этих источников.

В данной статье сделана попытка рассмотреть историографию некоторых вопросов, связанных с историей первоначального Саратова. Оставим

в стороне вопрос о топониме Саратов, достаточно подробно изученный Е. К. Максимовым и Л. Г. Хижняк³.

В трудах многих отечественных ученых рассмотрены такие вопросы, как градостроительная политика правительства Бориса Годунова, причины поворота России в 1580-е годы «лицом на восток» после завершения Ливонской войны; цели, которые преследовались при основании Самары, Царицына и Саратова. Это такие исследователи, как С. М. Соловьев, Г. И. Перетяткович, С. Ф. Платонов, М. Н. Тихомиров, Е. Н. Кушева, А. А. Зимин, И. П. Ермолаев, Р. Г. Скрынников, Э. Л. Дубман и др.

Автор этих строк выдвинул предположение о важности «грузинского и персидского фактора» при основании Саратова⁴. Необходимо было обеспечить не только безопасное плавание караванов по Волге, но и создать все условия, чтобы свести к минимуму возможные природные катаклизмы на пути движения этих караванов. Это успешно продемонстрировал воевода Саратова Г. Ф. Елизаров, обеспечив зимовку большой массы людей в отдаленном «украинном городе» и ремонт поврежденных судов каравана.

В настоящей статье также не будут рассмотрены споры по поводу места основания Саратова, который был основан в июле 1590 г. воеводой Григорием Осиповичем Засекиным. О точном месте первоначального Саратова существуют различные мнения (правый берег Волги в районе села Пристанного – это в настоящее время наиболее распространенная версия⁵; правый берег Волги ближе к Увеку; левый берег Волги; одновременно на обоих берегах или на острове).

Можно лишь утверждать, что первоначальный Саратов находился в 7 верстах от Курдюм-острова ниже по Волге. В 1600 г. в донесении царю Борису Годунову посол в Персию князь А. Ф. Жировой-Засекин отмечал: «А октября, государь, в 24 день у нас, холопей твоих, у меня у Алешки, да у меня у Темирка да у твоих государевых кречетников, и у толмачей, государь, и у подъячего на Волге против Курдюма острова, не доходя, государь, до Саратова за 7 верст, погодем суды розбило»⁶.

Первым, кто обратился к сюжетам, связанным с Саратовом, был **В. Н. Татищев**. Правда, об этих находках «отца русской истории» мало знали до начала 1960-х гг., когда впервые была опубликована заключительная часть «Истории» Татищева. Этот ученый отмечал плавание по Волге царевича Илейки Муромца и самозванных трех царевичей (Августа, Осиновика, Лавра), хотя при этом не называл Саратов⁷.

Н. М. Карамзин впервые подробно описал Саратовское осадное сидение и даже указал имена воевод Саратова Сабурова и Аничкова, отличившихся в борьбе с названными выше самозванными царевичами. В тексте книги он упомянул воеводу Замятню Сабурова, отметив, что Саратов про-

должал поддерживать царя Василия Шуйского: *«Но сами казаки, отбитые от верного Саратова воеводою Замятнею Сабуровым, умертвили Осиновика на берегу Волги: Августа и Лавра велел повесить Лжедмитрий на московской дороге»*⁸. В примечаниях Н. М. Карамзин привел цитату из так называемого Карамзинского (Столярова) хронографа, где указал второго воеводу Владимира Аничкова. Значительные выдержки из данного источника, а также многих других источников Н. М. Карамзин привел в своих многочисленных примечаниях, помещенных в конце книги. Полный текст этого источника («Карамзинского хронографа»), откуда историк почерпнул сведения о Саратовском осадном сидении, был опубликован позднее в 1869 г. Н. А. Поповым в Чтениях ОИДР при Московском университете⁹.

Родоначальник саратовского краеведения **А. Ф. Леопольдов** считал, что первоначальный Саратов просуществовал *«около 15 лет, как говорит предание»* (автор указывал, что город был основан на левом берегу Волги), а около 1605 г. *«нахлынувшие Ордынцы разорили его до основания»*, после чего *«на правый берег Волги Саратов перенесен около 1605 года»*¹⁰. Комментарии, как говорится, излишни. После таких цитат, думается, что историку следует с осторожностью ссылаться на Леопольдова. Труд Н. М. Карамзина, где подробно говорится об обороне Саратова воеводами Сабуровым и Аничковым, А. Ф. Леопольдов не использовал, иначе он пришел бы к другим выводам.

Н. И. Костомаров, ссылаясь на польские источники (Дневник гетмана Сапеги), привел последние сведения о первоначальном Саратове, жители которого изменили царю Василию Шуйскому и перешли на сторону Лжедмитрия II. Историк писал, что 22 февраля 1609 г. *«из отдаленного Саратова прибыли посадские к царику с изъявлением покорности. Оттуда доставил в Тушино князь Владимир Бахтеярович Ростовский с казаками двух самозванцев»*¹¹.

Сюжеты, связанные с «Саратовским осадным сидением», действиями воевод Замятни Сабурова и Владимира Аничкова, не были в центре внимания дореволюционных исследователей. Все почему-то цитировали Новый летописец, на который еще в 1740-е годы обратил внимание В. Н. Татищев, однако совсем не использовали «Карамзинский хронограф». Историки писали, что одного из самозванцев казаки убили сами где-то на Волге (не указывая при этом Саратов), а двух других казнил Лжедмитрий II (Н. С. Арцыбашев, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, С. Ф. Платонов и др.). Следует отметить, что **С. Ф. Платонов** в своей первой монографии, посвященной характеристике повествовательных источников Смутного времени, подробно разобрал этот источник («Карамзинский», или «Столяров хронограф»), выяснил имя его автора¹².

Во второй капитальной монографии С. Ф. Платонова о Смутном времени, выдержавшей уже несколько переизданий, мы не находим ничего

о Саратове (кроме общей характеристики города к началу Смуты). Здесь не сказано о воеводах Сабурове и Аничкове, защищавших этот город от самозванных царевичей, а тем более – о рядовых защитниках Саратова, сведения о которых разбросаны в некоторых актовых материалах¹³.

Заслуга в определении времени основания Саратова и выяснении имен его основателей (воеводы Засекина и стрелецкого головы Турова) принадлежит профессору **Г. И. Перетятковичу** и саратовскому краеведу **С. С. Краснодубровскому**, которые ввели в научный оборот известный теперь всем краеведам «Никаз астраханским воеводам Сицкому и Пушкину»¹⁴.

Первым из исследователей, кто составил список воевод Саратова от момента основания города, был местный краевед **Ф. Ф. Чекалин**. Он привел в 1892 г. имена четырех начальных людей Саратова за период 1590–1609 гг. Ф. Ф. Чекалин писал: *«Для необходимых справок приводим имена саратовских воевод, о которых нам удалось найти документальные указания. В 1590 и 1591 годах в Саратове были воеводами кн. Г. О. Засекин и Ф. М. Туров, в 1597-м году И. Г. Волынский, в 1609-м году Замятня-Сабуров...»* Ф. Ф. Чекалин обратил также внимание на иностранного путешественника и дипломата, посетившего Саратов в 1603 г. – посланника императора Стефана Какаша. Этот же исследователь вслед за Н. М. Карамзиным восстановил основные события, связанные с успешными действиями воеводы Замятни Сабурова против астраханских казаков и трех самозванных царевичей¹⁵.

На следующий год после выхода в свет труда Ф. Ф. Чекалина была опубликована обзорная статья **С. Кедрова** об истории Саратовского края, в которой воевода И. Г. Волынский именуется князем Воротыньским: *«В 1597 г. князь Воротыньский был воеводою на “Саратове острове”»*¹⁶.

В 1893 г. саратовскими краеведами **Ф. В. Духовниковым** и **Н. Ф. Хованским** была составлена «Саратовская летопись», в которой мы видим не только воевод, упоминаемых Ф. Ф. Чекалиным, но и нового персонажа, воеводу Григория Федоровича Елизарова¹⁷.

К моменту создания «Саратовской летописи» уже были опубликованы в Саратове труды об истории родного города Н. Ф. Хованского (1884), А. И. Шахматова (1891) и упоминавшегося ранее Ф. Ф. Чекалина (1892)¹⁸.

Составители «Саратовской летописи» отвели первоначальному периоду истории города 3 страницы (С. 22–24). Они отмечали вслед за А. Леопольдовым, что Саратов был основан на левом берегу Волги в устье реки Саратовки, привели всем известную запись на чистом листе Евангелия, а также цитату из Книги Большому Чертежу. Далее говорилось об успешных действиях по приказу саратовского воеводы Григория Засекина атамана Микиты Болдыря против воровских казаков, приводились другие сведения из наказа

астраханским воеводам 1591 г. (о трудностях с доставкой соли и рыбы из Астрахани до Казани за время одной навигации).

Говоря о количестве волжских казаков в это время (1591 г. – 1000 человек), авторы в качестве примера привели сборный пункт казаков – Саратовское городище. Данную информацию, по нашему мнению, следовало бы поместить под 1614 г., а не под 1591 г.

Под 1596 г. составители «Саратовской летописи» сообщили фантастические сведения о первой ревизии, по которой в городе оказалось 1596 душ мужского пола (случайное совпадение числа мужчин с годом этой переписи).

Далее в летописи говорится о новом воеводе Саратова в 1597 г. Иване Григорьевиче Волынском (первый воевода после Г. О. Засекина!) и о воеводах Царицына в это же время. Затем составители «Саратовской летописи» переходят к событиям XVII в., говоря об учреждении Астраханской епархии в 1602 г., о первом архиепископе Феодосии и его судьбе, а также воеводах Саратова (Г. Елизаров) и Царицына.

Под 1603 г. говорится о проезде через Саратов посланника римского императора Стефана Какаша и о пребывании рыбных ловцов в районе современного Хвалынского.

Примерно четверть объема текста о первоначальном Саратове (около страницы) в «Саратовской летописи» занимают сведения о действиях на Волге в 1606 г. Илейки Муромца (самозванного царевича Петра). Здесь же приводится информация о пожаловании новым царем Василием Шуйским Чудову монастырю рыбных ловель ниже Самары (от Черного Затона до устья Елань-Иргиза).

В завершении указанного отрывка говорится о событиях, якобы имевших место в 1609 г., когда три самозванных царевича пытались захватить Саратов, но были разбиты воеводой Замятней Сабуровым, а также о дальнейшей плачевной судьбе этих самозванцев.

Это вся информация о первоначальном Саратове, помещенная в «Саратовской летописи». Следующие сюжеты относятся уже к походу в Астрахань царских воевод в 1614 г. против атамана Заруцкого.

Автор этих строк ранее уже давал характеристику данной летописи, но применительно к событиям в левобережном Саратове за период с 1616 по 1641 год¹⁹. В этой летописи мы имеем сведения о событиях первых 20 лет существования первоначального Саратова следующие:

а) текст всего на трех страницах;

б) значительную часть этого текста занимают общие рассуждения, не относящиеся к Саратову, либо доказательства существования этого города первоначально на левом берегу; приводится информация о людях, не имевших ничего общего с Саратовом, вроде «проворовавшегося воеводы Астрахани Троекурова» сведения о событиях в других городах, в том числе в Царицыне;

в) в тексте имеются большие лакуны за 1592–1596, 1598–1601 гг.;

г) в тексте приведены неверные сведения, в частности о некоей ревизии 1596 г.;

д) лучше всего освещены вопросы, связанные с основанием Саратова, похождениями Илейки Муромца, а также с пожалованием рыбных угодий московскому Чудову монастырю и ловлей рыбы ватагой ясашных людей в районе Хвалынского (вопросы экономики и собственности всегда были на первом месте);

е) в тексте приводятся имена только 5 воевод города и одного гостя, который проплывал мимо Саратова (годы воеводства указаны неточные). Также говорится об одном служилом атамане и одном воровском атамане. Других имен жителей и гостей города, а также лиц, так или иначе связанных с Саратовом, в тексте нет.

Что же ценного для истории первоначального Саратова мы имеем на этих трех страницах – очень мало фактического материала, заслуживающего внимания.

Эту «Саратовскую летопись» Ф. В. Духовникова и Н. Ф. Хованского можно считать общим сводом всего, что известно было к тому времени об истории Саратова. Авторы сами признались в этом, говоря, что летопись содержит в себе все имеющиеся сведения о событиях, происходивших в Саратове и его окрестностях, это «простой перечень хронологический указатель исторических известий, составленный на основании найденных в городе писанных и печатных документов и рассказов старожилов». Понимая, что их труд далек от совершенства из-за скудости источников, Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский в предисловии к своей работе писали: «Усердно просим читателей не оставить нас уведомлением о всех пропусках и ошибках, которые встретятся в настоящей летописи, далеко не совершенной. По времени, при коллективной работе многих, исправляющих и дополняющих предлагаемую работу, может составиться по намеченному типу прекрасный и полезный во всех отношениях свод исторических известий о Саратове и Саратовском крае»²⁰.

Призыв авторов был услышан многими учеными, которые занимались изучением прошлого Саратова, в основном – историей города XVIII–XIX вв. Что касается истории первоначального Саратова (1590–1609), то, кроме А. А. Гераклитова, трудно назвать имена других ученых, которые бы ввели в научный оборот новые источники, либо более подробно, нежели А. А. Гераклитов, изучали уже опубликованные ранее источники. Исследователи по данному периоду в основном занимались решением вопросов, связанных с определением времени и места существования первоначального города, а также выяснением происхождения слова «Саратов».

В свое время А. П. Барсуков (1907 г., т. е. через 15 лет после выхода книги Ф. Ф. Чекалина), составляя список воевод всех городов страны

на протяжении XVII в., взял за начальную точку отсчета 1600 год, что было вполне оправдано. Из воевод первоначального Саратова он указал лишь Григория Елизарова (без отчества) под 1602 г., затем в списке воевод следует пропуск 15 лет. Далее этот исследователь отметил воеводу кн. Ф. Т. Черново-Оболенского (1617–1620 гг.)²¹.

По сравнению с Ф. Ф. Чекалиным, в данном списке А. П. Барсукова, как и в «Саратовской летописи», появился новый воевода Г. Елизаров, но при этом не упоминается герой Саратовского осажденного сидения Замятни Сабуров, о котором писал еще Н. М. Карамзин.

Члену Археографической комиссии А. П. Барсукову не были известны источники о зимовке персидского посольства в Саратове, опубликованные в 1892 г. в Санкт-Петербурге, иначе он бы указал не только отчество, но и более раннюю дату воеводства Г. Ф. Елизарова в Саратове.

Попутно отметим, что в списке Барсукова указан еще один Григорий Федорович Елизаров, который якобы дважды был воеводой в далеком сибирском Кетском остроге (1601–1602 и 1608–1611 гг.). Говоря о первом воеводстве Григория Елизарова в Кетске (1601–1602), автор ссылался на Древнюю Российскую Вифлиофику, изданную в конце XVIII в. Н. И. Новиковым. Ошибочно указав первую дату воеводства Г. Ф. Елизарова в этом сибирском городе (1601–1602), А. П. Барсуков пришел к другому неверному мнению, что в те годы существовали два воеводы Григория Елизарова: один в Саратове, другой в Кетском остроге. На самом деле, это был один и тот же человек, Григорий Федорович Елизаров, который в 1600–1603 гг. служил воеводой в Саратове, в дальнейшем в 1608 г. был назначен воеводой в Кетский острог, где находился, как минимум, до 1612 г.²²

А. А. Гераклитов (1913 г.), следуя за А. П. Барсуковым, тоже решил составить свой список саратовских и царицынских воевод. Он указал воеводу Саратова Елизарова с именем и отчеством (Григорий Федорович), но не связал воедино данного человека с воеводой Кетского острога и не привел никаких других сведений о воеводе Елизарове, туманно отметив, что это был «очевидно, известный деятель Смутного времени»²³.

Хронологические рамки этого труда Гераклитова не выходят за пределы XVII в., хотя логичнее начинать вести отсчет воевод Саратова и Царицына не с 1600 г., а с момента основания этих городов (1589 и 1590 г.), как это сделал ранее Ф. Ф. Чекалин. В итоге, в списке А. А. Гераклитова мы не найдем упоминаний о воеводах первого десятилетия Саратова (Засекин, Туров и Вольнский).

Позже в своей книге (1923 г.) Гераклитов отмечал, что после Засекина и Турова «только от 1597 г. до нас дошли имена лиц, воеводствовавших в С [аратове] и Ц [арицыне]. В С [аратове] воеводою был Ив [ан] Григ [орьевич] Вольнский... Тот же Вольнский воеводствовал в С [аратове]

и в 1599–1600 гг.... В 1600-м же году Вольнского в С [аратове] сменил Григорий Елизаров»²⁴.

Отметим, что данная книга А. А. Гераклитова была сдана в печать уже после окончания Гражданской войны и опубликована в 1923 г. А теперь обратимся к важному источнику, который А. А. Гераклитов как член СУАК и внимательный читатель трудов СУАК должен был знать, но почему-то не использовал в своей книге. Весной 1915 г. (!) А. Я. Садовский прислал из Нижнего Новгорода в Саратов по просьбе Комиссии выписки из хранящейся у него старинной рукописной книги. Эти выписки были напечатаны уже в 1916 г. в «Трудах СУАК». В рукописи А. Я. Садовского записано: «Того ж 108-го (1599/1600 г. – Я. Р.) Бояре были воеводы в понизовых городех... На саратове воевода Михайло Григорьев Вольнский» (в выписке соблюдена орфография подлинника)²⁵. Судя по данному тексту, в Саратове Григорий Елизаров сменил в 1600 г. не Ивана, а Михаила Григорьевича Вольнского.

Саратовские краеведы вплоть до начала XXI в. никогда не упоминали воеводу М. Г. Вольнского, который в 1597 г. сменил в Саратове своего старшего брата Ивана Григорьевича. Опубликованные позже В. И. Бугановым источники подтверждают пребывание Михаила Вольнского в Саратове в 1597–1600 гг.²⁶

А. А. Гераклитов в своем списке воевод Саратова отметил пребывание в 1608 г. в этом городе воеводы Замятни Сабурова (а не в 1609 г., как считалось ранее). Ученый указал на ошибку Ф. Ф. Чекалина в хронологии, ведь в 1609 г. Сабуров уже не мог быть в Саратове, который к тому времени (февраль 1609 г.) присягнул самозванцу, что было впервые отмечено еще Н. И. Костомаровым. А. А. Гераклитов также впервые после Н. М. Карамзина указал помощника Замятни Сабурова второго воеводу Владимира Владимировича Аничкова²⁷. Возможно, что он более внимательно, чем А. П. Барсуков, читал труд Н. М. Карамзина и «Карамзинский хронограф». Через 10 лет после публикации списка саратовских воевод А. А. Гераклитов в своей монографии (1923) привел ряд цитат из «Карамзинского хронографа»²⁸. Этот источник, который был опубликован еще в 1869 г., подробно разобран применительно к «Саратовскому осажденному сидению» лишь спустя 80 лет в известном труде **Ивана Ивановича Смирнова** о восстании Болотникова²⁹.

В своей монографии А. А. Гераклитов подробно остановился на одном из важнейших сюжетов по истории первоначального Саратова, связанном с зимовкой в этом городе в 1600/1601 г. двух посольств, – русского и персидского³⁰.

Список воевод Саратова на протяжении последующих ста лет оставался без изменения. Ученые, историки, краеведы города не вводили в научный оборот новые источники по истории первоначального Саратова, не уточняли даты воеводства уже известных лиц, не приводили имен

новых воевод. Такое состояние дел было зафиксировано на сайте правительства Саратовской области, где приведены имена лишь четырех воевод первоначального Саратова (Засекин, Волынский, Елизаров, Сабуров). Помощники воевод (Туров и Аничков) указаны не были.

Что же касается событий, происходивших в Саратове на протяжении первых 10–15 лет существования города (до начала Смутного времени), сведений о людях, посещавших Саратов в указанный период, а тем более о воеводах города, то до последнего времени информация об этом была довольно скудной. Все авторы ограничивались пересказом трудов А. А. Гераклитова и В. И. Оппоковой³¹.

Излюбленный сюжет о зимовке в Саратове русского и персидского посольства был освещен в трудах Т. М. Акимовой и А. М. Ардабацкой, В. А. Осипова, С. Н. Уткина и др. Перечисленные авторы вряд ли использовали источники о зимовке двух посольств, на которые ссылались в своих трудах, предпочитая цитировать А. А. Гераклитова. При этом опечатки в сносках одного автора автоматически переходили к другому³². Приведем в качестве примера одну из них. Главным источником о первоначальном Саратове, в котором говорится о пребывании и зимовке русского и персидского посольства, часто ошибочно называют «Памятники торговых и дипломатических отношений России с Персией» (СПб., 1890. Т. 1–2). Правильное название данного источника: «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Сведения о зимовке персидского посольства в Саратове помещены не в первом и втором томах, а во втором томе, изданном не в 1890 г., а в 1892 г.

Первый том «Памятников» издан действительно в 1890 г., но, судя по всему, никто из исследователей первоначального Саратова, включая А. А. Гераклитова, его не изучал. Добавим, что именно в первом томе приводятся важные сведения о первоначальном Саратове 1590–1598 гг., о воеводе Саратова с 1594 г. И. Г. Волынском (а не с 1597 г., как считалось ранее), о царской грамоте этому воеводе, написанной в 1595 г.³³

Некоторые авторы (В. Н. Семенов, Б. И. Казаков и др.), рассказывая об этой зимовке в Саратове посольства Перкулы-бека, честно признались, что всю информацию взяли из трудов А. А. Гераклитова и В. И. Оппоковой³⁴.

Длительное время информация о зимовке персидского посольства отсутствовала в школьных и университетских учебных пособиях по истории Саратовского края, выпущенных Приволжским книжным издательством (2000, 2010). Лишь в 2009 г. в издательстве «Лицей» вышла большим тиражом (8000 экз.) книга Л. В. Мякшевой, в которой приведены сведения о данном посольстве³⁵.

В последние годы в нашей стране возрос интерес к событиям Смутного времени. В связи с этим ряд исследователей обращаются к изуче-

нию Смуты на Нижней Волге, рассматривают походы как правительственных войск боярина Ф. И. Шереметева, так и самозванных царевичей, затрагивая при этом в какой-то мере и Саратов (И. О. Тюменцев, Н. В. Рыбалко, Э. Л. Дубман, В. В. Трепавлов и другие исследователи).

Исследователи вслед за Н. И. Костомаровым писали, что вскоре после осадного сидения саратовцы изменили Василию Шуйскому и уже в феврале 1609 г. делегация саратовцев приехала в Тушино на поклон самозванцу. При этом историки-краеведы пытались выяснить, когда же и при каких обстоятельствах прекратил свое существование первоначальный Саратов. Одни считают, что это связано с деятельностью атамана Ивана Заруцкого, который с осени 1613 г. обосновался в Астрахани, поэтому, мол, Саратов был сожжен зимой 1613/1614 г., а остатки гарнизона в эту тяжелую зиму с трудом добрались до Самары. Другие, что Саратов был сожжен по приказу боярина Ф. И. Шереметева, который со своим войском осенью 1608 г. из Царицына направлялся в сторону Москвы (чтобы город не достался сторонникам самозванца, Шереметев приказал сжечь Царицын, а заодно и Саратов)³⁶.

В. В. Трепавлов связывает сожжение Саратова с деятельностью враждебных в те годы ногайских татар и приводит свою дату прекращения существования первоначального Саратова (1610 г.), почему-то ссылаясь при этом на А. Ф. Леопольдова³⁷.

За 20-летнюю историю первоначального Саратова до последнего времени были известны имена лишь 6 начальных людей города (4 воевод и 2 помощников). Ни одного имени других жителей города (стрельцов, детей боярских) мы не найдем в многочисленной литературе о первоначальном Саратове.

В связи с этим стоит привести труды историка из Самары **Эдуарда Львовича Дубмана**, который, занимаясь историей Нижнего Поволжья конца XVI – начала XVII в., много внимания уделял не только Самаре, но и Саратову, Царицыну и Астрахани. Э. Л. Дубман совершил нелегкий труд по розыску документов и воссозданию жизненного пути основателя Самары, Царицына и Саратова князя Г. О. Засекина, военачальника, градостроителя и администратора конца XVI в.³⁸ Методика составления Э. Л. Дубманом научной биографии воеводы Засекина очень помогла автору этих строк при написании ряда монографий о воеводах левобережного Саратова и других личностях Смутного времени³⁹.

Современный автор **С. Н. Уткин** в своей книге о Саратове в приложении привел список воевод начиная с 1600 г. с воеводы Г. Ф. Елизарова⁴⁰. Как будто история Саратова начиналась с 1600 г., а не с 1590 г. Автор сам указывает, что взял этот список из брошюры А. А. Гераклитова, поэтому он привел только имена воевод Елизарова и Сабурова с Аничковым. Что-нибудь добавить

из истории первых 10 лет Саратова (1590–1599), привести сведения о воеводах первоначального Саратова автор не считал нужным. В тексте самой книги говорится об основателях Саратова воеводах Засекине и Турове.

В книге С. Н. Уткина можно найти дополнительные сведения о Вильяме Парри, который проплыл мимо Саратова в 1599 г. Это был «английский путешественник, служащий торговой кампании»⁴¹. С. Н. Уткин также привел сведения о путешествии Георгия Текандера. Подчеркивая значимость данного сюжета, автор пишет: «О Текандере краеведческая литература XIX и XX вв. практически ничего не сообщает (за исключением Ф. Ф. Чекалина)». Далее автор приводит перевод путешествия Текандера, сделанный Ф. Ф. Чекалиным⁴². Попутно отметим, что Чекалин, сделавший очень много для изучения истории древнего Саратова, хоть и избирался членом-корреспондентом Московского Археологического общества, членом общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, но был все же выпускником не историко-филологического, а физико-математического факультета Московского университета. Поэтому, что касается переводов исторических текстов со старонемецкого языка, то лучше обращаться, по нашему мнению, к переводам специалистов-филологов. В 1896 г. был опубликован А. И. Станкевичем в Чтениях ОИДР при Московском университете научный перевод с немецкого языка данной книги о путешествии Текандера⁴³, который более точный, по сравнению с переводом Ф. Ф. Чекалина, поэтому лучше всего за основу брать именно этот перевод. Кроме того, в ЧОИДР помещена обширная вступительная статья А. И. Станкевича о посольстве Стефана Какаша и Георга Текандера, приводится подробная биография Текандера. Может быть, о Текандере «краеведческая литература XIX–XX вв. не сообщает», как пишет С. Н. Уткин, но всё-таки еще свыше ста лет назад об этом человеке опубликовано немало сведений в центральных изданиях.

В дополнение к списку воевод А. А. Гераклитова перечислим имена неизвестных ранее начальных людей города: до 1600 г. это воеводы Борис Владимирович Лодыгин и Михаил Григорьевич Волынский. После Григория Елизарова известен еще воевода Борис Никифорович Давыдов, а после Замятни Сабурова некоторое время в Саратове был воеводой Степан Никифорович Чепчугов⁴⁴. Все эти воеводы указаны в вышедшей в 2014 г. новой книге известного саратовского краеведа **В. Н. Семенова**⁴⁵. В другой небольшой популярной книжке тот же автор привел подробные сведения о составе судов каравана, потерпевшего крушение возле Саратова. В этой книжке, которую трудно назвать научным трудом, в главе о зимовке двух посольств в Саратове мы найдем также многочисленные выдержки из переписки с Москвой воевод Саратова, Казани, посла А. Ф. Жирового-Засекина, кречатников, казанских

стрельцов, сопровождавших посольство, и других людей, а также ответные грамоты из Москвы. Данная глава в книге под названием «Зимовка персидского посольства» – несомненная удача автора, несмотря на ряд неточностей, связанных с трудностью осмысления текста первоисточника⁴⁶.

В заключение данного небольшого историографического очерка следует отметить, что необходима дальнейшая работа над составлением новой Саратовской летописи, уточнением хронологии всех известных к настоящему времени событий, происходивших в первоначальном Саратове, а также имен всех лиц, так или иначе связанных с Саратовом этого периода (воевод, защитников города, жителей, гостей и т. д.)

Примечания

- 1 *Миронов В. Г.* К истории Саратовского краеведения // Четыре века : сб. ст., посвящ. 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 34–52.
- 2 *Осятинский А. И.* Строительство городов на Волге. Саратов, 1965 ; *Студенцов Н. Н.* Две загадки Саратова. Саратов, 1988.
- 3 *Максимов Е. К., Хижняк Л. Г.* О топониме Саратов // Четыре века. С. 3–18.
- 4 *Рабинович Я. Н.* Политика России на Кавказе в конце XVI века и основание Саратова // Проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2012. Вып. V. С. 120–125.
- 5 См.: *Герасимов А. А.* Где был построен Саратов в 1590 г.? // Труды СУАК. 1914. Вып. 31.
- 6 Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией : в 3 т. Т. 2 : Посольство в Персию князя Александра Федоровича Жирового-Засекина / сост. Н. И. Веселовский // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1892. Т. 21. С. 113–115 (Донесение царю Борису Годунову посланца А. Ф. Засекина, Т. В. Засецкого и дьяка И. Шарапова. Саратов, после 11 ноября 1600 г.).
- 7 *Татищев В. Н.* История Российская : в 7 т. Т. 6. М. ; Л., 1966. С. 326.
- 8 *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Издание пятое. В трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями. Книга III (тома IX–XII), т. XII. СПб., 1843. Стб. 99–100; Примеч. № 413. Стб. 85 (в примечании приведены выдержки из «Карамзинского хронографа»).
- 9 Карамзинский хронограф // *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений, включенный в хронографы русской редакции / собр. и изд. А. Поповым. М., 1869 (далее – *Попов А.* Изборник). С. 339–340.
- 10 *Леопольдов А. Ф.* Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 32–33.
- 11 *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII в. М., 1994. С. 452–453.
- 12 *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в., как исторический источник. СПб., 1888; М., 1913.

- ¹³ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1910 (СПб., 1899; СПб., 1901; М., 1937; М., 1995).
- ¹⁴ Перетяткович Г. И. Поволжье. Очерки истории и колонизации края. XV–XVI вв. Одесса, 1877. С. 316–321; Краснодубровский С. С. Год основания Саратова. Речь на торжественном заседании СУАК 12 декабря 1889 г. // Труды СУАК. Т. 2, вып. 2. Саратов, 1890. С. 463.
- ¹⁵ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892. С. 56, 67, 80.
- ¹⁶ Кедров С. Краткий обзор истории Саратовского края // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 7.
- ¹⁷ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893.
- ¹⁸ Хованский Н. Ф. Очерки истории города Саратова. Саратов, 1884; Шахматов А. И. Исторические очерки города Саратова. Саратов, 1891; Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье... Саратов, 1892.
- ¹⁹ Рабинович Я. Н. «Новая Саратовская летопись» о событиях 1616–1641 гг. в Саратове // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 102–109.
- ²⁰ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 19.
- ²¹ Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 202.
- ²² Рабинович Я. Н. Первые воеводы города Саратова (1590–1609) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 98–101.
- ²³ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 64.
- ²⁴ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 183.
- ²⁵ Садовский А. Я. Выписки из старинной рукописной книги «хто где служит» // Труды СУАК. Вып. 33. Саратов, 1916. С. 3.
- ²⁶ Подробную биографию братьев Волынских см.: Рабинович Я. Н. Воеводы Саратова братья Иван и Михаил Волынские (1594–1600) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 65–71.
- ²⁷ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. С. 64.
- ²⁸ Гераклитов А. А. История Саратовского края... С. 194–195.
- ²⁹ Смирнов И. И. Восстание Болотникова : 1606–1607. М., 1951. С. 244–245.
- ³⁰ Гераклитов А. А. История Саратовского края... С. 155, 183–190.
- ³¹ Отпокова В. И. Прошлое Саратовского края. Саратов, 1924. С. 42–46.
- ³² Акимова Т. М., Ардабацкая А. М. Очерки истории Саратова (XVII и XVIII века). Саратов, 1940. С. 7; Осипов В. А. Очерки по истории Саратовского края конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976; Он же. Саратовское Поволжье в XVI–XVII вв. // Очерки истории Саратовского Поволжья : в 3 т. Т. 1. С древнейших времен до отмены крепостного права / под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. С. 40; Уткин С. Н. Саратов глазами путешественников. XVII – первая половина XIX века. Саратов, 2005.
- ³³ Текст данной грамоты царя Федора Ивановича воеводе Саратова Ивану Волынскому см.: Рабинович Я. Н. Воеводы Саратова братья Иван и Михаил Волынские (1594–1600) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 70.
- ³⁴ Казаков Б. И., Казакова Г. Д., Любомирова Л. Н. Страницы летописи Саратова. Саратов, 1987. С. 7–9; Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 23–24; Он же. Правители земли Саратовской. Саратов, 2014. С. 13–14.
- ³⁵ Мякишева Л. В. История Саратовского края. Саратов, 2009. С. 31.
- ³⁶ Тюменцев И. О. Начало Царицына : гипотезы и факты // Стрежень : Научный ежегодник. Вып. 1. Волгоград, 2000. С. 140–141; Рыбалко Н. В. Управление «Понизовыми городами» в период междоусобия (1610–1613 гг.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 6.
- ³⁷ Трепавлов В. В. История Ногайской орды. М., 2002. 752 с.
- ³⁸ Дубман Э. Л. Князь Григорий Засекин : Хроника жизни и деятельности строительства волжских городов. Самара, 1995. 84 с. (Самара, 2002); Дубман Э. Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI–XVII вв. Самара, 1999. 216 с.
- ³⁹ Рабинович Я. Н. Братья Коробины на службе России (1603–1639) / под ред. С. А. Мезина Саратов, 2014. 108 с.; Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641) / под ред. С. А. Мезина. 2-е изд. перераб. и доп. Саратов, 2014. 228 с.; Рабинович Я. Н. Братья Семен и Никита Гагарины : страницы биографии (1610–1640) / под ред. С. А. Мезина. Саратов, 2015. 168 с.
- ⁴⁰ Уткин С. Н. Саратов глазами путешественников. XVII – первая половина XIX века. Саратов, 2005. С. 166.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 10–11.
- ⁴³ Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. / пер. с нем. А. И. Станкевича // ЧОИДР. 1896. Кн. 2. Материалы иностранные. С. 1–54.
- ⁴⁴ Сведения об этих воеводах см.: Рабинович Я. Н. Первые воеводы города Саратова (1590–1609) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 98–101.
- ⁴⁵ Семенов В. Н. Правители земли Саратовской. Саратов, 2014. С. 10–16, 265.
- ⁴⁶ Семенов В. Н. Саратов изначальный. Саратов, 2011. С. 80–92.

УДК 94(47)

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В НИЖНЕВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1950)

Л. А. Моисейченко

Саратовский государственный университет
E-mail: moiseichenkoLA@mail.ru

В статье анализируются изменения в кадровой политике, обусловленные переходом к мирному времени и позволившие укрепить местные партийные и советские органы опытными работниками, поднять уровень руководства, обеспечить конформизм и согласие в партии и обществе.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, руководящие партийные и советские кадры, резерв на выдвижение, идеологизация, областные партийные школы.

The Personnel Policy in the Lower Volga Region During the Early Postwar Period (1946–1950)

L. A. Moiseichenko

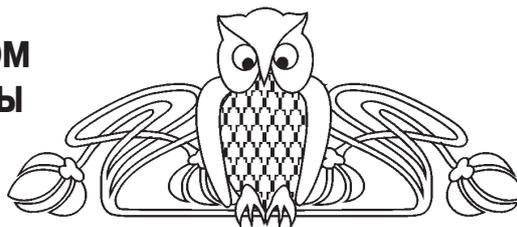
The article presents the analysis of changes in the personnel policy caused by the transition to peacetime that allowed the local party and Soviet organizations to get stronger with the input of experienced employees, to raise the management level, to secure conformity and accordance within the party and society.

Key words: Lower Volga region, executive party and Soviet personnel, candidates pool, ideologization, regional party schools.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-98-101

Выполнение сложных послевоенных задач в значительной степени зависело от укрепления местных партийных и советских органов руководящими кадрами. В период войны десятки тысяч опытных работников ушли на фронт. Пришедшие новые кадры взяли на себя основную тяжесть организации работы в военное время. Однако крупные потери в годы войны, новые задачи мирного строительства, значительный рост ВКП(б) и расширение сети ее организаций, зачатки политического инакомыслия делали кадровую проблему особенно трудной. Предстояло выдвинуть тысячи новых руководителей из демобилизованных воинов и местных кадров для всех звеньев партийного и советского аппарата, преодолеть вызванные войной кооптацию на выборные должности и частую сменяемость кадров, осуществить перераспределение ответственных работников в целях укрепления районного и городского звена, сохранить преемственность в руководстве, повысить теоретический уровень кадров.

В Нижневолжском регионе, как и в стране в целом, важным источником пополнения руководящих кадров первое время была демобилизация. В Сталинградской области в 1946 г. на партийную и советскую работу было рекомендовано 1187 демо-

билизированных¹. В Клетском районе из первой же группы прибывших по два человека направили в аппарат райкома партии, секретарями первичных парторганизаций, председателями сельских советов². В Саратовской области на вакантные должности было рекомендовано более полутора тысяч демобилизованных. Кроме того, свыше четырех тысяч руководящих работников направили в районы, подвергшиеся оккупации³. В Астраханской области с 1945 г. по март 1946 г. было выдвинуто на ответственную работу 280 человек, в том числе, на партийную – 143, советскую – 15⁴. Выдвижение на руководящие советские и хозяйственные должности шло в основном с партийной работы. Так, в Сталинградской области в 1946–1947 гг. с партийной работы было рекомендовано 73 процента советских и хозяйственных кадров⁵.

Руководящие кадры соответственно распределялись между центром и периферией. Астраханский обком ВКП(б) только с января 1945 г. по июнь 1946 г. направил из города в сельские райкомы 69 человек⁶. Вольский горком партии в Саратовской области к июню 1947 г. полностью укомплектовал свой аппарат. В составе номенклатурных работников горкома было 124 демобилизованных коммуниста, 27 процентов руководящих кадров имели высшее и незаконченное высшее образование, 30,5 процента – среднее и неполное среднее. Сменяемость кадров сократилась по сравнению с 1946 г. с 50 до 12 процентов⁷. Все это позволило уже в 1946–1947 гг. в основном ликвидировать острую нехватку руководящих кадров, укрепить местные партийные и советские органы. Вместе с тем, были и серьезные недостатки в решении проблемы кадров. Подбор их нередко проводился без должной проверки и изучения, имели место частая сменяемость, кооптация на выборные должности, недостаточная помощь молодым работникам. Во многих районах не было резерва на выдвижение, отдельные номенклатурные должности оставались неуккомплектованными.

В 1948–1950 гг. произошла реорганизация отделов кадров. Как известно, еще накануне Великой Отечественной войны для комплектования партийных, советских и хозяйственных кадров при ЦК и местных партийных комитетах были созданы отделы кадров для подбора и расстановки ответственных работников. В новой же исторической обстановке они не могли качественно осуществлять возросший объем работы. В номенклатуру только Саратовского обкома ВКП(б) в 1947 г. входило 2673 должности. Жизнь

настоятельно диктовала, чтобы комплектованием кадров занимался в целом партийный орган, все его отделы. Исходя из этого, отделы кадров в парторганах ликвидировались и всю работу по подбору и расстановке руководящих работников стали проводить отраслевые отделы. Создавались также отделы партийных, профсоюзных и комсомольских органов, на которые возлагалась задача подбора ответственных кадров для этих органов. В результате реорганизации повысилась ответственность всех подразделений за осуществление кадровой политики. Работники отделов стали более внимательно проверять анкетные данные, политические и деловые качества рекомендуемого, лично с ним беседовать, своевременно готовить вопрос об утверждении номенклатурных работников. Такая перестройка партийного аппарата помогла, например, Балашовскому райкому Саратовской области в 1948–1949 гг. выдвинуть на руководящую работу 198 человек, полностью укомплектовать партийный и советский аппараты. Из 300 номенклатурных работников райкома 56 процентов имели высшее и среднее образование⁸.

Сохранялась преемственность в руководстве. Широко используя опытные кадры, парторганизации выдвигали на руководящие посты молодых специалистов. Астраханский обком партии с сентября 1947 г. по май 1948 г. впервые рекомендовал на руководящие посты 83 человека, это 16,3 процента к общему числу выдвинутых⁹. Партийные органы стали пополнять свой аппарат, как правило, молодыми коммунистами, работавшими в комсомоле.

В 1949–1950 гг. во всех местных партийных органах региона был образован организационно оформленный резерв на выдвижение. Работа по его созданию состояла в выявлении должностей, для которых необходима замена руководителей в предстоящие годы, в подборе возможных кандидатов на эти посты, привлечении кандидатов на выдвижение к выполнению поручений, связанных с будущей работой, обучении и оказании помощи и поддержки. Наличие такого резерва вело к значительному сокращению сменяемости руководящих кадров, как несправившихся с работой, увеличению числа выдвинутых на более ответственные посты. В Астраханской области в 1950 г. из числа сменившихся 24 процента имели повышение в должности, значительная часть направлена на учебу¹⁰.

В целом в Нижневолжском регионе произошли заметные изменения в составе руководящих кадров. Значительно сократилась сменяемость. В Саратовской области она снизилась к 1949 г. до 26 процентов, в то время как в 1946–1947 гг. только среди номенклатурных работников обкома партии она достигала 35 процентов¹¹. Повысился образовательный уровень. Так, в Астраханской области уже в 1948 г. среди руководящих кадров 62,6 процента имели высшее и среднее специальное образование¹².

Увеличилось количество женщин в составе руководящих кадров. В период войны процент их среди ответственных работников был относительно высок. В Сталинградской области в 1945 г. он составлял 23,4 процента. Но в связи с демобилизацией резко сократился и составлял в 1947 г. только 8 процентов. К 1950 г. удалось довести удельный вес женщин в составе номенклатурных работников до 12 процентов¹³. В Астраханской области он составлял 15,1 процента¹⁴. Саратовский горком партии в 1946–1947 гг. рекомендовал М. В. Поцелуеву вторым секретарем Кировского райкома, А. В. Васильеву – заместителем председателя горисполкома, Ф. И. Дудину – председателем Фрунзенского райисполкома¹⁵.

Изменился состав секретарей первичных парторганизаций, особенно колхозных. Дело в том, что в первые послевоенные годы из-за нехватки кадров, малочисленности колхозных парторганизаций ими руководили председатели сельских советов, учителя школ и др. В Сталинградской области, например, в 1943 г. в 476 из 1276 колхозных парторганизаций секретарями работали не члены колхозов¹⁶.

К 1950 г. в связи с ростом числа коммунистов-колхозников и укрупнением колхозов таких парторганизаций не осталось.

Совершенствовалась система подготовки и переподготовки руководящих кадров. Для подготовки партийных и советских работников областного, краевого и республиканского масштаба вместо Высшей школы партийных организаторов при ЦК ВКП(б) была организована Высшая партийная школа с трехгодичным сроком обучения. В составе школы открывались два факультета: партийный и советский. При ней были созданы девятимесячные курсы переподготовки руководящих кадров. В 1946 г. при ЦК ВКП(б) была открыта Академия общественных наук с трехлетним сроком обучения аспирантов и девятимесячные курсы при ней, ведавшие переподготовкой преподавателей общественных наук. Подготовку партийных и советских работников городского и районного звена осуществляли двухгодичные партийные школы при ЦК компартий союзных республик, крайкомах и обкомах. При школах создавались курсы переподготовки. В результате уже осенью 1946 г. в стране действовали 55, а через год – 177 двухгодичных партийных школ и девятимесячных курсов при них¹⁷.

В Саратове на базе существовавшей годичной партшколы в 1946 г. была создана двухгодичная межобластная партийная школа. Открыты два факультета: партийный и советский. Краткосрочные курсы в 1947 г. реорганизованы в девятимесячные по подготовке руководящих районных кадров и низовых партийных и советских работников. Принимались в партшколу по рекомендации горкомов и райкомов члены партии до 40 лет, имевшие среднее образование и работавшие на партийной или советской работе. В 1946 г. на первый курс

было зачислено 194 слушателя, из них на партийное отделение – 96, советское – 44, газетное – 46¹⁸.

Высшая партийная школа, Академия общественных наук, Ленинские курсы при ЦК ВКП(б) дали Нижневолжским областям идеологически подготовленные кадры, обеспечившие единomyслие в партии и народе. Так, в 1948 г. в ВПШ на дневном и заочном отделениях и курсах при ней обучались 52 слушателя из Сталинградской области, 84 – из Саратовской, 46 – из Астраханской¹⁹. На двухгодичных Ленинских курсах в 1950 г. проходили обучение по три секретаря райкома партии из Нижневолжских областей²⁰.

Выпускники ВПШ 1950–1951 учеб. года были направлены в Астраханскую область заместителем председателя облисполкома и заведующим отделом обкома партии, в Саратовскую – секретарем райкома, инструктором отдела обкома, партторгом ЦК на одно из крупнейших предприятий области, в Сталинградскую – заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б)²¹.

Совершенствовала работу Саратовская межобластная партийная школа. В 1947 г. число слушателей школы и курсов при ней было доведено до 550 человек. Среди первых из 250 выпускников 1948 г. более 60 процентов было секретарей райкомов и горкомов партии, председателей исполкомов и их заместителей²². В 1948–1950 гг. партшколу окончили около 600 человек. Среди них 275 являлись представителями Саратовской области, 131 – Сталинградской, 77 – Астраханской. На девятимесячных курсах при партшколе прошли переподготовку более 250 руководящих работников²³.

12 мая 1950 г. в Сталинграде была открыта двухгодичная партшкола. На первый курс зачислено 150 человек и 96 на девятимесячные курсы при ней²⁴.

В Астраханской и Сталинградской областях подготовку и переподготовку инструкторов райкомов и горкомов партии, комсомольских работников, секретарей первичных парторганизаций, председателей сельских советов осуществляли шестимесячные курсы, созданные в 1946 г. на базе существовавших ранее областных партийных школ. В 1947 г. они были реорганизованы в девятимесячные. На курсах в Сталинградской области обучались 120 человек, в Астраханской – 80²⁵.

Необходимые теоретические знания партийные и советские кадры, инженерно-технические работники, молодые преподаватели общественных наук получали без отрыва от основной работы в вечерних университетах марксизма-ленинизма. В Сталинграде в 1947 г. были образованы 8 филиалов ВУМЛ. В 1948 г. для первых секретарей сельских райкомов был создан филиал заочного обучения. К проведению занятий были привлечены преподаватели вузов. Сталинградский ВУМЛ в 1946–1950 гг. окончили 1600 человек²⁶.

Переподготовку партийных и советских работников районного и низового звена осуществляли и районные вечерние партийные школы, созданные в 1946 г. при всех райкомах и горкомах Нижней Волги, а также на крупнейших предприятиях. В 1946–1949 гг. в Сталинградской области прошли переподготовку в вечерних партийных школах более семи тысяч человек, в Астраханской и Саратовской в 1948 – 1950 гг. соответственно более тысячи и около четырех с половиной тысяч руководящих работников²⁷.

Распространенной формой обучения руководящих кадров были и постоянно действующие семинары партийно-советского и хозяйственного актива. В них занимались все работники, не охваченные другими формами партучебы. Семинары хорошо сочетали метод самостоятельной работы над книгой с коллективным творческим обсуждением, позволяли соотносить теоретические вопросы с местным опытом²⁸.

Таким образом, кадровая политика в Нижневолжском регионе в первые послевоенные годы способствовала укреплению местных партийных и советских органов руководящими кадрами, что позволило поднять уровень руководства, а также обеспечить конформизм и согласие в партии и обществе.

Примечания

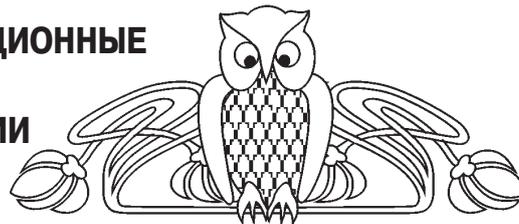
- 1 ЦДНИВО (Центр документации новейшей истории Волгоградской области). Ф. 113. Оп. 23. Д. 126. Л. 1–4, 6–12, 14–26, 29, 30, 51, 53, 54, 57.
- 2 Там же. Л. 2, 25, 57.
- 3 ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Саратовской области). Ф. 594. Оп. 2. Д. 10. Л. 5, 6; Д. 462. Л. 80, 82.
- 4 ГАСДАО (Государственный архив современной документации Астраханской области). Ф. 325. Оп. 5. Д. 1. Л. 72.
- 5 ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 54. Л. 56.
- 6 ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 3. Д. 8. Л. 30.
- 7 ГАНИСО. Ф. 20. Оп. 17. Д. 3. Л. 5, 6, 47–52; Оп. 18. Д. 1. Л. 18–23.
- 8 Там же. Ф. 470. Оп. 21. Д. 2. Л. 30–33; Оп. 22. Д. 1. Л. 39–41.
- 9 ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 5. Л. 9.
- 10 Там же. Оп. 7. Д. 1. Л. 36, 37.
- 11 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 10. Л. 9; Д. 1303. Л. 216.
- 12 ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 1. Л. 72; Д. 7. Л. 16.
- 13 ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 25. Д. 3. Л. 33; Оп. 33. Д. 1. Л. 243.
- 14 ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 1. Л. 76; Оп. 7. Д. 1. Л. 37.
- 15 ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 18. Д. 2. Л. 82.
- 16 ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 30. Д. 7. Л. 247.
- 17 Правда. 1946. 1 нояб. ; 1947. 9 дек.
- 18 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4677. Л. 284–286; Ф. 813. Оп. 4. Д. 23. Л. 1.
- 19 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 462. Л. 91 ; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 1. Л. 73; Сталинградская правда. 1948. 1 сент.

- ²⁰ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 39. Д. 1. Л. 134, 141, 142, 145, 148, 150.
- ²¹ Там же. Д. 2. Л. 27, 35, 36, 42, 56, 57.
- ²² ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 17. Л. 7; Коммунист. 1948. 1 авг.
- ²³ Подсчитано по данным: ГАНИСО. Ф. 813, Оп. 4. Д. 23. Л. 1; Д. 60. Л. 2–16, 19–23, 48–55, 58–63; Д. 82. Л. 52, 95; Д. 111. Л. 89; Коммунист. 1948. 1 авг.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 39. Д. 287. Л. 1; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 33. Д. 20. Л. 216.
- ²⁵ ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 4. Д. 15. Л. 142; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 21. Л. 242–246.
- ²⁶ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 11. Л. 180; Оп. 25. Д. 12. Л. 130–131; Д. 54. Л. 53; Оп. 33. Д. 150. Л. 8.
- ²⁷ Подсчитано по данным: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 881. Л. 42; Д. 1461. Л. 89; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 5. Д. 9. Л. 5; Оп. 7. Д. 19. Л. 39; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 2. Л. 444; Оп. 25. Д. 3. Л. 44; Оп. 30. Д. 11. Л. 183.
- ²⁸ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 25. Д. 13. Л. 130–131.

УДК 94 (470.62/. 67 + 477.75) [1944/1953]

ПРОЦЕСС ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ПОСТДЕПОРТАЦИОННЫЕ РАЙОНЫ КРЫМА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1944–1953 ГОДЫ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИТОГИ

В. А. Конониренко

Саратовский государственный университет
E-mail: vspwshka_89@mail.ru

Статья посвящена анализу сложного и противоречивого процесса переселения советских граждан в 1944–1953 гг. на территории Крыма и Северного Кавказа, из которых депортировали крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и другие этнические группы. Исследуется также процесс обратного выезда переселенцев из постдепортационных территорий. Делается вывод о радикальном изменении национальной структуры на Северном Кавказе и Крыму в послевоенный период.

Ключевые слова: этническая общность, депортация народов, переселение, хозяйственное освоение.

The Process of Migration to the Post Depositional Territories of the Crimea and Northern Caucasus in 1944–1953: the Main Trends and Outcomes

V. A. Kononirenko

The article is devoted to the analysis of the complex and contradictory process of the migration of the soviet people in 1944–1953 within the territory of the Crimea and the Northern Caucasus, where the crimean tatars, chechens, ingushs, karachais, balkars and other ethnic groups were deported from. Also, the process of the migrants' return from the post depositional territories is studied. The author makes a conclusion about the radical change of national structure in the Crimea and Northern Caucasus after the war.

Key words: ethnic community, deportation of people, migration, economic development.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-101-108

В отечественной историографии 1990–2000-х гг. были детально проанализированы процессы депортации народов из территории Поволжья, Северного Кавказа, Крыма¹. Усилиями, прежде всего, Н. Ф. Бугая и В. Н. Земскова исследованы процессы реабилитации и возвращения

в родные места подвергнутых насильственному переселению народов². Однако малоисследованными остаются проблемы заселения территорий, из которых насильственно выселялись народы (правомерно, пожалуй, эти территории называть «постдепортационными»). Несмотря на наличие в архивных фондах РГАЭ, ГАРФ материалов и документов, проливающих свет на методы и специфику механизма переселения на постдепортационные территории, особенности хозяйственного освоения этих мест, причины массового отъезда («обратничества») переселенцев, монографических исследований этой интересной и важной научной проблемы пока нет³.

Следует отметить, что переселение на постдепортационные территории осуществлялось в соответствии с решениями руководства страны. Так, 26 февраля 1944 г. И. В. Сталину был представлен проект Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» и проект постановления СНК Союза ССР «О заселении и освоении районов Чечено-Ингушской АССР»⁴. В соответствии с постановлением СНК Союза ССР «О заселении и освоении районов бывшей ЧИАССР» планировалось переселить до 15 апреля 1944 г. из Ставропольского края 8000 хозяйств, из Дагестанской АССР – 5000, Северо-Осетинской АССР – 3000, Грузинской ССР – 5000 хозяйств⁵. Руководству республике и крайисполкома было обещано до 1 мая 1944 г. разработать мероприятия по дальнейшему заселению и освоению районов бывшей ЧИАССР и внести их на рассмотрение СНК Союза ССР.

В Чечено-Ингушской АССР насчитывалось 23 сельских района. После упразднения республики 11 районов отошли к Грозненской области, 6 – к Дагестанской АССР, 5 – к Северо-Осетинской

АССР и 1 район – к Грузинской ССР. Большая часть Ингушетии (кроме горной части Пригородного района, отошедшего к Грузинской ССР) вошла в Северо-Осетинскую АССР в качестве Назранского района.

На примере бывших ингушских районов, опустевших в результате депортации и переданных в состав Северо-Осетинской АССР, можно проследить их хозяйственное состояние к моменту заселения. В июле 1944 г. В. М. Молотову докладывали, что «во вновь образованных районах» насчитывалось 11309 дворов, из которых 1192 дома оказались «негодными для заселения, требуют ремонта», 556 дворов «для организаций и учреждений (сельсоветы, правления колхозов, избы-читальни, отделы райисполкомов, под квартиры партийных и советских работников и пр.)», 659 дворов были «выделены различным республиканским наркоматам, организациям и воинским частям под подсобные хозяйства». Вряд ли стоит сомневаться, что наркоматам и райисполкомам, партийным и советским работникам выделялись дома, находящиеся в наиболее приглядном состоянии. Для переселенцев «осталось 8902 дома»⁶. «Оставшееся от бывших ингушских колхозов небольшое количество сельскохозяйственного инвентаря» оказалось практически непригодным для дальнейшего использования»⁷.

В марте – июне 1944 г. «из старых районов и прилегающих областей» успели переселить 7331 семью. В новых районах было организовано 50 колхозов, которые перевыполнили «план весеннего сева», однако «общая площадь пахотных земель, занятых под посевы, составила 30% к общей имеющейся площади пахотных земель»⁸. Североосетинское руководство сообщало, что «на 14 июля 1944 г. 1571 дом» остается «свободным для дальнейшего заселения». СНК Северо-Осетинской АССР принял решение 1300 семей переселить из старых районов республик («из отдельных перенаселенных плоскостных и особенно горных селений»), а также просил Совнарком СССР «дать указание» соседним республикам и областям (прежде всего – Ставропольскому крайисполкому) «не чинить препятствий в переселении в новые районы Северо-Осетинской АССР» и переселить еще 271 семью⁹.

«Планомерное заселение» Ингушетии осуществлялось преимущественно до 1946 г. В ту часть бывшей ЧИАССР, которая была присоединена к Северной Осетии, переселялись жители как из самой Северной Осетии, так и осетины из Грузии и Южной Осетии. По разным данным, от 25 до 35 тысяч осетин были переселены из Грузии в бывшую Ингушетию. Переселение шло по «добровольно-принудительной схеме»: каждому осетинскому району, далее – колхозу «спускались» задания на определенное количество желающих переселиться в «новые районы». Государство предоставляло в распоряжение переселенцев безвозмездно оказавшиеся «казенными» (т. е. остав-

ленные ингушами) жилье и скот. Чтобы жилье было передано в собственность переселенца, необходимо было отработать пять лет в данном колхозе.

В районы бывшей Чечено-Ингушской АССР, ранее заселенные ингушами, а затем включенные в состав Северо-Осетинской АССР, переселилось 55000 человек, в том числе от 26 до 35 тысяч осетин из высокогорных населенных пунктов Юго-Осетинской Автономной области и 15000 осетин из Северо-Осетинской АССР. Территория, вошедшая в состав Грузинской ССР, оставалась незаселенной¹⁰.

22 марта 1944 г. было принято постановление об образовании Грозненской области с центром в городе Грозном, ликвидации Грозненского и Кизлярского округов Ставропольского края. В составе области находились 20 административных единиц (города и районы), включая Кизляр, а также Наурский район, выделенный из состава Ставропольского края. Постановление было утверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 22 марта 1944 года¹¹.

Весной 1944 г. начался процесс обустройства переселенцев на землях депортированных чеченцев. В июне 1944 г. секретарь Грозненского обкома ВКП(б) П. Чеплаков сообщал секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову: «В указанные районы (11 районов бывшей ЧИАССР. – В. К.) из Ставропольского края было переселено 6800 семей, а также 5892 хозяйства колхозников из Грозненской области, жителей Грозного и всего до 15 июля вселено 12692 семейства, за счет которых организованы 65 колхозов». Это составляло около 40% от общего числа существовавших хозяйств выселенных ингушей и чеченцев, 22 села оставались незаселенными и 20 сел были заселены частично¹². В 1945 г. прибыло 487 семей из центральных областей РСФСР. Всего к 1945 г. число прибывших семей составило 13885¹³.

В первые годы переселения серьезной проблемой оставалось повстанческое движение. Значительное количество мужского населения бывшей ЧИАССР сумели избежать депортации, укрылись в горах и организованно боролись против советской власти. В отчете Грозненского обкома за 1946 г. указывалось, что в Чечне активно действовали 8 вооруженных бандитских групп, которые совершали убийства и кражи¹⁴. За 1946 г. местными органами МВД была проведена большая работа по «очистке» территории от бандитских элементов и уклонившихся от переселения чеченцев. Было ликвидировано 49 бандитов и арестовано 504 уклонившихся от депортации чеченцев, которые были отправлены в Среднюю Азию¹⁵.

Оперативный контроль за процессом переселения был организован слабо. Настойчивости в претворении своих же планов переселения крайисполкомы, облисполкомы и райисполкомы не проявляли¹⁶. В докладных записках зачастую

отмечалось, что сами переселенческие семьи в местах выхода более активно, нежели органы власти, агитировали к переселению других¹⁷.

Переселение проходило в довольно сложных условиях: большие расстояния между районами вывоза и железной дорогой, между районами вывоза и местами нового поселения; весенняя распутица в горах; плохая обеспеченность одеждой и обувью; полное отсутствие автотранспорта для ускорения перевозки¹⁸.

На Северном Кавказе, так же как и в других исследуемых регионах, переселенцы, не устроившись на новых местах проживания, уезжали обратно. По сравнению с 1945–1947 гг., в 1948 г. значительно увеличилось количество «вернувшихся обратно». В отчетах переселенческого управления это объяснялось невниманием и непринятием мер переселенческого отдела при Грозненском облисполкоме¹⁹. Движение за обратный выезд формировалось параллельно процессу переселения. С самого начала переселения в некоторых переселенческих районах (Междуреченский, Советский) в связи с заболеваниями, особенно малярией, и акклиматизацией среди переселенцев отмечались отрицательные настроения и стремления части колхозников к выезду из Грозненской области²⁰.

В Грозненскую область в 1948 г. прибыли самостоятельно 1488 хозяйств. Все они были поселены в 74 колхоза области, из них были обеспечены свободными жилыми домами 1428 хозяйств. Переселившимся хозяйствам были предоставлены все льготы, полагающиеся для переселенцев. В 1948 г. Правительством была отпущена продовольственная и семенная ссуды, что дало возможность выполнить план посева озимых в 1948 г. на 41% больше, чем в 1947 г. В 1950 г. в Грозненскую область были переселены 1862 семьи²¹. Выход переселенцев в этом году был связан с землетрясениями в области, в частности в Гудермесском районе (оттуда выехали 52 семьи)²².

По сообщению командированной в Грозненскую область инспектора З. Ф. Сутыриной, с начала года до 20 августа 1952 г. в колхозы области была переселена 1761 семья и в совхозы – 192 семьи. Также прибыли 279 семей, которые были приняты на месте по приглашению колхозов. Инспектор сообщала, что семьям сразу предоставлялись льготы, однако жилищный фонд был скудным, поэтому лишь треть семей были обеспечены жилыми домами²³.

Основными районами Грозненской области, в которых до 1950 г. вселялись переселенцы, являлись предгорные (Междуреченский, Предгорный, Красноармейский и Новосельский) и притеречные районы (Надтеречный, Горячеисточнинский и Гудермесский). Небольшая часть переселенцев-колхозников была размещена в горно-лесистых районах – Первомайском и Советском²⁴.

Одной из причин неудовлетворительной работы по хозяйственному обустройству пере-

селенцев являлось отсутствие в местных органах власти, прежде всего – в райисполкомах, специалистов по переселению²⁵.

В 1952 г. в Грозненскую область была переселена 1781 семья (из Украинской ССР – 828 семьи, из Воронежской области – 953 семьи), 277 семей были приняты по приглашению колхозов. Таким образом, всего прибыло 2058 семей. В 1952 г. выбыло 83 семьи. Главной причиной «обратничества», как и прежде, называли «медленное и все еще неудовлетворительное хозяйственное обустройство переселенцев». Однако все чаще ответственные за переселение отмечали нарушение принципов отбора переселенцев в местах выхода. Так, в Воронежской и Закарпатской областях в число переселенцев включались семьи с одним трудоспособным членом семьи. Зачастую это были семьи рабочих и служащих, незнакомых с сельским хозяйством. Иногда переселяли больных и инвалидов, а также колхозников, плохо работавших в местах выхода. Отмечались случаи, когда переселялись «семьи, искусственно созданные из лиц, не состоящих в родственных отношениях». Именно эти семьи чаще всего уезжали обратно, несмотря на полное хозяйственное обустройство и предоставление им всех льгот. Среди причин обратного выезда отмечали своеобразие климатических условий и отсутствие в ряде районов Грозненской области хорошей питьевой воды, невозможность получить в колхозах степных районов приусадебные участки для выращивания овощей, в особенности, картофеля²⁶. Переселенцы из Закарпатской области прямо заявляли, что природные условия колхозов вселения им «не нравятся»: бедная растительность, жара, ветры, отсутствие огородов и т. д.²⁷

В связи со значительным выездом из Грозненской области переселенцев критике был подвергнуты Центросоюз и Министерство местной топливной промышленности РСФСР за «неудовлетворительный ход подготовки и строительства домов для переселенцев в колхозах». Местные органы власти объясняли слабую подготовку к приему переселенцев тем, что Центросоюз и Министерство не обеспечивали выполнения Постановления Советов Министров СССР от 21 января 1952 г. в части поставки леса и других строительных материалов в места переселения²⁸.

Новых колхозов в Грозненской области в 1952 г. не создавалось. Основная масса переселенцев была размещена в хлопкосеющих районах (Ачикулакский, Гудермесский, Каясулинский, Наурский, Надтеречный, Горячеисточнинский, Шелковской, Сунженский, Новосельский), куда было направлено более трех четвертей от всей численности семей, принятых в область. Остальные направлялись в другие районы, где должна была быть создана картофельно-овощная база. Отбор в основном производился за счет одиночных семей. На 1 января 1953 г. домами не были обеспечены 694 семьи²⁹.

На жалобы переселенцев местные руководители реагировали неохотно: «если не нравится здесь, то уезжайте обратно на свое прежнее место жительства». Жалоб от переселенцев в колхозах Грозненской области было много. К примеру, председатель колхоза им. К. Маркса Ачикулакского района Леонтьев и его заместитель Рындин отобрали у переселенца И. М. Русака кровать, стулья и одни ватные штаны, выданные ему правлением колхоза «в порядке помощи в счет 50% льгот». Причем председатель колхоза свой поступок мотивировал тем, что якобы «Русак собирается выехать из колхоза». Проверка показала, что Русак является трудолюбивым, добросовестным колхозником и имеет около 500 трудодней. В колхозе работал не только Русак, но и его жена, которая, имея грудного ребенка, одновременно принимала активное участие в общественной работе колхоза и за 1-е полугодие выработала 100 трудодней. Подозрение председателя колхоза о том, что Русак собирается уехать на прежнее место жительства, как оказалось, было лишено основания. «Издавательское отношение» к Русаку привело к тому, что все переселенцы этого колхоза были возмущены действиями председателя, открыто выражали свое недовольство и намеревались уехать на Украину³⁰.

Таким образом, в Грозненскую область, образованную после депортации ингушей и чеченцев и упразднения Чечено-Ингушской АССР, переселили семьи из Орловской, Рязанской областей РСФСР, Азербайджанской и Украинской ССР, а позже из Армянской ССР. Заселялись прежде всего предгорные (Междуреченский, Сунженский, Красноармейский, Предгорный, Новосельский), притеречные (Надтеречный, Горячеисточненский, Гудермесский), горно-лесистые (Первомайский и Советский) районы. Всего за 1944–1953 гг. было переселено не менее 17486 семей. В протоколе заседания Президиума ЦК КПСС (№ 66, п. XXV) от 22 декабря 1956 г. указывалось, что в районы, вошедшие в Грозненскую область, было переселено из РСФСР, Украины и Молдавии 78000 человек³¹. Существуют и другие подсчеты: «с марта 1944 г. по январь 1951 г. в колхозы Грозненской области было вселено из других областей 20487 семей с общим населением до 100 тысяч человек, ... по состоянию на 1 января 1951 г. в колхозах области наличие переселенцев составляет всего 10695 хозяйств, или 54% от общего количества прибывших хозяйств»³².

В Дагестане подготовительные работы по переселению были закончены в течение 5–7 дней и первые партии переселенцев были отправлены по плану, утвержденному постановлением СНК Дагестанской АССР и бюро обкома от 15 марта 1944 года. Планировалось из 20 горных и предгорных районов переселить 9160 хозяйств колхозников в два этапа: в первую очередь – 6300 хозяйств, остальных – во вторую. Цель переселения декларировалась как «ликвидация кочевого образа жизни колхозников горных районов», а

также «обеспечение рабочей силой плоскостных районов» и освоение новых земельных массивов под посевы зерновых и технических культур. Как правило, отбор производился с расчетом, чтобы в среднем на каждую семью попадало по два трудоспособных колхозника³³.

В районах, где производился отбор, проводилась соответствующая массово-разъяснительная работа среди колхозников. В основном эта работа сводилась к перечислению льгот и преимуществ, предоставляемых колхозникам-переселенцам. Райисполкомами в местах выхода выделялись «райорганизаторы по отбору переселенцев». Переселенческий отдел обеспечивал «райорганизаторов» соответствующими инструкциями, издавались также агитационно-справочные листовки на языках народов Дагестана, в газетах публиковались статьи, разъясняющие цель переселения³⁴.

На пути следования первые переселенцы проходили через населенные пункты, эпидемиологически неблагоприятные, останавливались на отдых у рек с наличием малярийных комаров, что вызывало заболевания сыпным тифом и массовое заражение малярией. В местах заселения не была подготовлена сеть противомаларийных, лечебных и противоэпидемиологических учреждений. Отсутствовали бани и дезокамеры. Не было мыла, белья и постельных принадлежностей³⁵.

Наркомздрав Дагестана, зная об этом, до конца 1944 г. не принял необходимых мер по организации сети лечебных учреждений и укомплектованию ее медицинскими работниками. Тяжелобольные не госпитализировались, находились в своих домах и заражали окружающих. Продуктов питания было недостаточно, пункты питания больных и истощенных не были организованы, вследствие чего появились различные формы дистрофии³⁶.

СНК ДАССР и обком принимали действия к тому, чтобы ход переселения шел быстрее и более организованно. Для этого на месте поселения в кратчайшие сроки организовывались новые колхозы, которые сразу же приступали к полевым работам. Широко была распространена практика предварительного выезда представителей от каждой партии или группы переселенцев с целью знакомства и планомерной организации приема переселенцев на новых местах жительства. Зачастую на местах прибытия организовывались оргкомитеты, которые распределяли жилые помещения для будущих переселенцев³⁷.

В 1946 г. по собственному желанию приехали 2000 семей, чтобы переждать неурожайный год. Большинство операций по переселению прошло организованно. Отмечалось много существенных недостатков, в основном связанных с плохой политико-воспитательной работой с колхозниками. Практически во всех районах на процесс переселения оказывали негативное влияние такие факторы, как акклиматизация, недостаток опыта в сельском хозяйстве и работы с агротехникой³⁸.

Следует отметить, что работа по переселению в ДАССР проходила неорганизованно, существовала большая путаница между соответствующими организациями по руководству делами переселения, что явилось одной из главных причин неудовлетворительного хода переселения в эту республику. Так, например, Хасавюртовский райисполком, на территории которого строился новый переселенческий поселок на 600 домов, не руководил строительством домов и устройством переселенцев. Председатель райисполкома заявлял, что от этих обязанностей он был освобожден Советом Министров ДАССР. Руководители Хасавюртовского района считали, что переселением этого колхоза и строительством домов для колхозников должны заниматься районные организации мест выхода, которые находились на расстоянии более 400 км от предполагаемого места строительства. В целом для процесса переселения было характерно стремление органов власти в местах выезда и местах вселения переложить ответственность друг на друга³⁹.

Процесс переселения продолжался и в последующие годы. Так, в Хасавюртовский район в 1953 г. прибыло 254 семьи, из которых 175 семей не имели своих домов и проживали в землянках, вырытых самими переселенцами. Сельсовета не имелось, не было также школы, дети обучались в домах, построенных для переселенцев, не было медпункта, культурно-бытовых учреждений. Учет переселенцев налажен был слабо⁴⁰. В протоколе заседания Президиума ЦК КПСС от 22 декабря 1956 г. указывалось, что на территорию, отошедшую после депортации чеченцев к Дагестанской АССР, переселилось из высокогорных районов республики от 46000 до 61000 горцев⁴¹.

Земли балкарцев, выселенных с территории Кабардино-Балкарской автономной области по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г., предполагалось «заселить колхозниками из малоземельных колхозов Кабардинской АССР (так стала называться Кабардино-Балкарская автономная область после депортации балкарцев. – В. К.)»⁴². Юго-западная часть Эльбрусского и Нагорного районов Кабардинской АССР, в которых до депортации проживали балкарцы, была включена в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР, в связи с чем была изменена граница между РСФСР и Грузинской ССР⁴³. Масштабных переселений в связи с депортацией балкарцев не производилось. Об этом свидетельствуют письма в высшие органы власти самих балкарцев, находившихся после депортации в местах ссылки в Казахстане и Киргизии. Так, С. Мажитов утверждал, что, вернувшись на родину, «балкарцы могли бы занять свои прежние села и районы, которые в настоящее время почти свободны», «пастбищные, посевные и другие земли на бывшей территории Балкарии ни кем почти не используются»⁴⁴.

Часть земель карачаевцев, выселенных с территории Северного Кавказа по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г., была передана в состав Грузинской ССР, часть оставлена в составе Ставропольского края, а часть – включена в состав Мостовского района Краснодарского края⁴⁵. Масштабных переселений на землях карачаевцев не было. Многие населенные пункты были практически полностью разрушены. Домов осталось всего 10 375, но и они были в нежилом состоянии и чаще использовались для содержания скота в хозяйственных нуждах. Эта картина была характерна преимущественно для Клухорского района, куда поселили грузин⁴⁶.

В 1942 г. с территории Краснодарского края были депортированы понтийские греки. Поэтому процесс переселения коснулся и этой части Северного Кавказа⁴⁷.

Старший инспектор Управления переселения в многоземельные районы А. М. Воронов докладывал начальнику главного переселенческого управления С. Д. Черемушкину, что на 1 января 1952 г. было переселено в чаеводческие колхозы (Адлерский и Лазаревский районы) 488 семей, в них 1200 трудоспособных. В хлопкосовхозы было переселено 99 семей, в них 234 трудоспособных⁴⁸.

В Крыму до войны проживало около 1 млн 130 тыс. человек. В результате военных действий, эвакуации, мобилизации в армию и репрессивной политики немцев ко времени освобождения полуострова от оккупации его население составляло 379 тыс. человек. После же операций по выселению крымских татар, армян, греков и болгар, проживавших преимущественно в сельской местности, в мае 1944 г. население уменьшилось втрое, по сравнению с довоенным временем. Территория Крыма сильно пострадала в ходе боевых действий: были полностью разрушены Севастополь и Керчь, уничтожены многие десятки населенных пунктов и большинство промышленных предприятий. Катастрофически не хватало трудовых ресурсов для восстановительных работ.

Возникла острая необходимость быстрого заселения пустующих территорий. Возможно, одним из вариантов восстановления и заселения Крымского полуострова была идея о создании на этой территории «еврейской автономии». Слухи об образовании в Крыму еврейской республики циркулировали довольно интенсивно. Инициаторами этой идеи были театральный режиссер и актер С. М. Михозлс, литератор Ш. Эпштейн и поэт, член президиума правления Союза советских писателей СССР И. С. Фефер. Ими 15 февраля 1944 г. было направлено письмо Сталину с просьбой о создании еврейской автономии на территории Крыма⁴⁹. Советское руководство же склонялось к тому, что, поскольку Крымский полуостров имеет большое военно-стратегическое и народно-хозяйственное значение, его необходимо заселять преимущественно славянским населением. Таким образом, было принято решение

в постдепортационные районы Крыма вселять колхозников с Украины и центральных областей России⁵⁰.

На переселение в Крым должны были отбираться семьи колхозников, хорошо работающие в колхозах, с обязательным наличием большого количества трудоспособных членов семьи. Претендентов на въезд в Крым было предостаточно, поэтому государственные органы, ведавшие переселением, часто пренебрегали этими критериями и отбирали, например, объединенные семьи или семьи без трудоспособных членов⁵¹.

27 сентября 1944 года зампреда Совнаркома РСФСР Гриценко указывал, что колхозников, желающих переселиться в Крым, оказалось больше, чем было запланировано, и просил выделить из них 500 хозяйств колхозников для переселения в Грозненскую область на тех же условиях, что и для переселившихся в Крым⁵².

Уже в сентябре – октябре 1944 г. в Крым приехало более 17 тыс. семей колхозников⁵³. Большинство из них было с Украины. Чаще всего переселенцы направлялись в Судакский, Куйбышевский и Бахчисарайский районы. В эти районы въехало около 2,5 тыс. человек. Меньше всего переселенцев оказалось в Новоселовском и Октябрьском районах (соответственно 32 и 103 человека)⁵⁴. Прибывшим выдавалась ссуда до 3000 руб. на семью со сроком погашения в течение 3 лет⁵⁵.

Надежды местного руководства на то, что с помощью приехавших удастся быстро восстановить сельскохозяйственное производство, не оправдались: из 17 тыс. приехавших было всего лишь 2,5 тыс. специалистов по сельскому хозяйству. К приему такой массы людей на полуострове оказались не готовы. Специальных комиссий для приема переселенцев не существовало, все проблемы приезжающих вынуждены были решать председатели колхозов и секретари сельских Советов. Оформление переселенцев было организовано плохо. Только к 1947 г. была закончена выдача всех необходимых документов семьям, прибывшим в 1945–1946 гг.⁵⁶

В Крыму плохо подготовились к приему такого количества людей. Прежде всего, это выразилось в недостатке жилья. Большинству вновь прибывшего населения не были выделены скот и приусадебные участки, что могло служить единственным средством к выживанию. Не всем выдавалась продовольственная ссуда, которая являлась одной из льгот, способствовавших привлечению желающих переселиться в Крым. Не оправдались надежды на получение оставленного крымскими татарами имущества, скота, помещений. Большая часть этого имущества присваивалась местным руководством, поэтому приезжающее население остро нуждалось в жилье, продовольствии, средствах для ведения подсобного хозяйства⁵⁷.

Главная трудность заключалась в отсутствии жилья. Для 17 тыс. семей было выделено чуть бо-

лее 14 тыс. домов. Остальные переселенцы были вынуждены селиться по несколько семей в татарских домах, в непригодных помещениях и неотреставрированных домах. Оказалось, что некоторые дома были заселены людьми, которые к колхозам не имели никакого отношения. Производственный процесс налаживался с большим трудом: большой объем работы, ненормированный рабочий день, плохое отношение начальства. Все это привело к тому, что уже весной 1945 г., когда в Крыму было сосредоточено более 65 тыс. переселенцев, начался их отток. В последующем до середины 1950-х гг. ежегодно приезжали в Крым десятки новых семей, а уезжали до 500 семей в год⁵⁸.

После окончания Великой Отечественной войны и до апреля 1946 г. из Крыма выехало более 11 тыс. семей, тогда как въехала всего одна тысяча семей. То есть суммарное количество прибывших равнялось 18 тыс. семей, а выбыло более 10 тыс., то есть более половины⁵⁹. И это несмотря на то что с переселенцев, которые самовольно покидали Крым, взыскивались ссуды и кредиты. С начала 1950 г. Крымская область (так теперь стала называться бывшая Крымская АССР) становится «рекордсменом» по механическому оттоку населения⁶⁰. В местные органы власти в Крыму потоком шли жалобы от переселенцев: хозяйственное обустройство организовано плохо, отношение со стороны отдельных работников в колхозах грубое и бездушное, устав сельхозартели постоянно нарушался⁶¹.

В 1949 г. в Крым въехало больше российских семей. Более полутора тысяч семей приехало из Владимирской, Горьковской, Московской, Пензенской областей, Краснодарского, Ставропольского края и Чувашской АССР. Из УССР (Винницкая, Каменец-подольская, Киевская и Сумская области) приехало в Крымскую область менее 1 тыс. семей⁶².

В 1950 г. в Крым вновь прибыло около 1,5 тыс. семей из Владимирской, Горьковской, Московской, Пензенской областей, Ставропольского и Краснодарского краев, Чувашской АССР. В 1952 г. прибыло 1514 семей и в 1953 г. – 1261 семья из Вологодской, Воронежской, Костромской, Курской, Орловской, Смоленской, Винницкой, Сумской, Херсонской областей и Белорусской ССР⁶³.

Всего в Крым в послевоенные годы было переселено 23819 семей, из которых 11 тыс. семей выбыло обратно ввиду неудовлетворительной подготовки к приему переселенцев и непринятия современных мер к их закреплению на новом месте жительства. Колхозы Крымской области к 1952 г. так и не достигли довоенного уровня не только по размерам посевных площадей, садов и виноградников, но и по развитию животноводства и посевов хлопчатника. Посевные площади в 1940 г. составляли 767,4 тыс. га, в 1951 г. – около 680 тыс. га⁶⁴.

Уже к началу 1950-х гг. острой необходимостью в обеспечении Крыма трудовыми ресурсами не было. Качественный состав самостоятельно переселившихся семей и обстоятельства, послужившие причиной их переезда, малоизвестны. Личные беседы также не давали ясной картины. Приезжающие из БССР и центральных областей СССР ссылались на экономическую слабость тамошних колхозов. Многие объясняли свой приезд желанием жить в Крыму. К 50-м гг. экономика Крыма начинала возрождаться, поэтому подобное желание было вполне закономерным⁶⁵.

Установленный план переселения в колхозы Крымской области был обеспечен полностью количеством уже «отобранных» семей. В силу этого и в местах выезда и в местах въезда не торопились с реализацией переселения. Так, заместитель председателя Крымского облисполкома Чуб обязал председателя Ленинского райисполкома и председателя колхоза вселения «Красное знамя» направить ответственных за строительство домов для переселенцев в Воронежскую область для подготовки бригады к переселению. Председатель Ленинского райисполкома Титоренко вместо выполнения указаний облисполкома телеграфировал в Воронеж переселенческому отделу и председателю Евдаковского райисполкома (районы выхода переселенцев) о переносе сроков отправки. В результате отправка бригады из колхоза им. Хрущева Евдаковского района в Крымскую область в конце февраля 1953 г. была сорвана⁶⁶.

12 февраля 1953 г. в Белогорский район Крымской области для строительства домов под переселение было отправлено 26 колхозников из Кадомского района Воронежской области. Из-за отсутствия стройматериалов заложено было только 10 фундаментов. Вместо строительства домов колхозники из России использовались на колхозных работах. 19 человек выехали обратно в Кадомский район, несмотря на то что колхоз им. Сталина в Белогорском районе им понравился. «Если бы были дома готовы, то мы бы поехали» – заявили колхозники⁶⁷. Представитель Крымского переселенческого отдела Кондратьев отказал в приеме в Крым 7 семей, в том числе семьям М. А. Дехтева, М. А. Аралова, М. Т. Дехтева, участвовавших в строительстве своих домов. На возражения и доводы переселенческий отдел Крымской области не обращал внимания, в течение 3 дней начальник эшелона не хотел подписывать акт о сдаче переселенцев, пока его не вынудили это сделать. Начальник эшелона Тюхов вынужден был признать, что Крымская область не нуждается в переселенцах⁶⁸.

В Крымскую область переселяли из районов Брянской, Курской, Орловской, Тамбовской, Ростовской, Владимирской, Горьковской, Московской, Пензенской областей РСФСР, Краснодарского и Ставропольского краев, Чувашской АССР. Шло переселение и из областей Украины. Переселение производилось в 8 горных и 20 степ-

ных района Крыма, Только в 6 районах Крыма не производилось переселение. В Крымскую область в 1944–1953 гг. было переселено не менее 28590 семей⁶⁹.

В связи с миграционными процессами в Крыму изменился и национальный состав населения. По переписи населения в Крыму в 1939 г. проживало 1 123 800 человек, из них 49,6% русских, 19,4% крымских татар, 13,7% украинцев, 5,8% евреев, 4,5% немцев, 1,8% греков, 1,4% болгар, 1,1% армян, 0,5% поляков. В 1959 г. – 1 201 500 человек: 71,4% русских, 22,3% украинцев, 2,2% евреев, 0,1% поляков⁷⁰.

Результаты процесса переселения на постдепортационные территории были неоднозначными. С одной стороны, усилиями переселенцев было восстановлено народное хозяйство на опустевших территориях. С другой стороны, существенным изменениям подверглась национальная и социальная структура этих регионов. Власть в преддверии неизбежной реабилитации депортированных народов вынуждена была принимать решение с учетом радикально изменившейся структуры населения.

Примечания

- 1 См., напр.: Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002; Алиев И. И. Этнические репрессии. М., 2009; Пыхалов И. В. За что Сталин выселял народы? М., 2011.
- 2 См.: Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). М., 2006; Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003.
- 3 Ряд данных по изучаемой проблеме переселения приведен в монографии А. П. Мякшева. См.: Мякшев А. П. Власть и национальный вопрос: Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов, 2004.
- 4 <http://www.vainahkrk.kz/e/1723541-deportatsiya-ingushey-v-1944-godu> (дата обращения: 13.03.2014).
- 5 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 327. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.
- 6 Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 282. Л. 96.
- 7 Там же. Л. 97.
- 8 Там же. Л. 96.
- 9 Там же. Л. 102, 103.
- 10 http://www.gazetaingush.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6241:2012-02-23-06-33-49&catid=3:2009-05-05-20-23-47&Itemid=1 (дата обращения: 21.03.2014).
- 11 <http://www.vainahkrk.kz/e/1723541-deportatsiya-ingushey-v-1944-godu> (дата обращения: 22.03.2014).
- 12 <http://www.vainahkrk.kz/e/1723541-deportatsiya-ingushey-v-1944-godu> (дата обращения: 21.03.2014).
- 13 <http://www.vainahkrk.kz/e/1723541-deportatsiya-ingushey-v-1944-godu> (дата обращения: 21.03.2014).
- 14 РГАНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 73. Л. 49.

- ¹⁵ РГАНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 73. Л. 49.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 327, Оп. 1. Д. 47. Л. 59.
- ¹⁷ Там же. Л. 55.
- ¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 327. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.
- ¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 32. Л. 266, 267, 268.
- ²⁰ РГАНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 732. Л. 51.
- ²¹ См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 48.
- ²² Там же. Л. 75.
- ²³ Там же. Л. 25.
- ²⁴ Там же. Д. 546. Л. 41.
- ²⁵ Там же. Д. 595. Л. 8.
- ²⁶ Там же. Л. 12.
- ²⁷ Там же. Д. 636. Л. 100.
- ²⁸ Там же. Д. 595. Л. 13.
- ²⁹ Там же. Д. 634. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Д. 636. Л. 99.
- ³¹ http://www.gazetaingush.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6241:2012-02-23-06-33-49&catid=3:2009-05-05-20-23-47&Itemid=1 (дата обращения: 21.03.2014 г.)
- ³² РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 543. Л. 71.
- ³³ Там же. Д. 595. Л. 12.
- ³⁴ Там же. Д. 632. Л. 39.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6. Д. 2603. Л. 15.
- ³⁶ Там же. Л. 16.
- ³⁷ РГАНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 732. Л. 23.
- ³⁸ Там же. Л. 38.
- ³⁹ См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 49, 50.
- ⁴⁰ Там же. Л. 51.
- ⁴¹ http://www.gazetaingush.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6241:2012-02-23-06-33-49&catid=3:2009-05-05-20-23-47&Itemid=1 (дата обращения: 21.03.2014).
- ⁴² ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 75. Д. 365. Л. 8.
- ⁴³ Там же. Л. 8.
- ⁴⁴ Там же. Л. 12, 14.
- ⁴⁵ Там же. Д. 364. Л. 9, 10.
- ⁴⁶ См.: *Мякиев А. П.* Указ. соч. С. 78.
- ⁴⁷ <http://www.memorial.krsk.ru/Exile/064.htm> (дата обращения: 07.12.2014).
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 2.
- ⁴⁹ Подробнее см.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 431.
- ⁵⁰ http://kirimtatar.com/index.php?option=com_content&task=view&id=278&Itemid=47 (дата обращения: 26.03.2014).
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 47. Л. 61.
- ⁵² *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. С. 117.
- ⁵³ По районам эвакуированных распределили следующим образом: Азовский – 162 чел., Алуштинский – 2447, Белогорский – 1614, Бахчисарайский – 2364, Балаклавский – 2076, Джанкойский – 158, Зуйский – 213, Кировский – 428, Красногвардейский – 104, Куйбышевский – 2312, Нижнегорский – 320, Новоселовский – 32, Октябрьский – 103, Приморский – 204, Советский – 216, Судакский – 2553, Старо-Крымский – 1374, Симферопольский – 214, Ялта – 1119. (*Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. С. 136).
- ⁵⁴ Там же. С. 136.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. 327, Оп. 1. Д. 19. Л. 62.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 20.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 47. Л. 38.
- ⁵⁹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 18.
- ⁶⁰ <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 21.03.2014).
- ⁶¹ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 636. Л. 15.
- ⁶² ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6. Д. 577. Л. 7.
- ⁶³ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 740. Л. 2, 3.
- ⁶⁴ Там же. Д. 546. Л. 72.
- ⁶⁵ Там же. Д. 740. Л. 4.
- ⁶⁶ См.: ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 186. Л. 6, 7.
- ⁶⁷ Там же. Л. 63.
- ⁶⁸ Там же. Л. 71.
- ⁶⁹ См.: *Мякиев А. П.* Указ. соч. С. 75.
- ⁷⁰ <https://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%E0%F1%> (дата обращения: 01.03.2014).

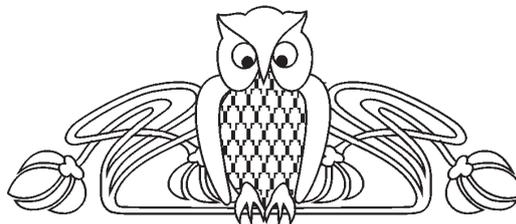
УДК 614(470.44/47)(09)19

РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х ГОДОВ (по материалам Нижнего Поволжья)

А. А. Гуменюк

Саратовский государственный университет
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В статье анализируется процесс превращения специализированной медицинской помощи в неотъемлемую часть повседневной жизни населения Нижнего Поволжья в период хрущев-

ских и брежневских реформ. Статья базируется на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, опубликованных источников, периодической печати.

Ключевые слова: здравоохранение, поликлиника, больница, аптека, медикаменты, медицинский персонал, медицинское оборудование, коечный фонд, диспансеризация, инфекционная заболеваемость.

Public Health Service Development in the USSR in the Second Half of the 1950s – the First Half of the 1960s (Based on the Data of the Lower Volga Region)

A. A. Gumenyuk

The paper is devoted to the analysis of special medical care becoming an indispensable part of daily life of the Lower Volga region during Khrushchev's and Brezhnev's Soviet reforms.

This article is based on the vast set of factual materials from the archives, published sources and periodical press.

Key words: public health service, polyclinic, hospital, drug store, medicine, medical staff, medical equipment, hospital stock, health survey, infectious morbidity.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-108-116

Здоровье является основополагающим, базовым условием существования любого человека. Его состояние определяет как степень жизнедеятельности отдельного индивида, так и общества в целом. Поэтому охрана здоровья является важнейшим направлением социальной политики любого государства. В Советском Союзе государственная система здравоохранения окончательно сложилась в конце 1930 – начале 1940-х гг., она была основана на доступности медицинских услуг для всех категорий населения. Однако скудность финансирования не позволяла реализовать этот принцип в полном объеме. Поэтому как и в первое десятилетие советской власти преимущественно развивался производственный принцип медицинского обслуживания. В силу этого к началу Великой Отечественной войны СССР по уровню продолжительности жизни, младенческой смертности и другим демографическим показателям, фактически, оставался на уровне конца 1920-х гг. Военное лихолетье и последовавший за ним восстановительный период выступили неоспоримым доказательством необходимости усиления государственной заботы о здоровье населения. В справедливости этого утверждения убеждают материалы, характеризующие состояние органов здравоохранения и в Нижнем Поволжье в первое послевоенное десятилетие. Так, в Астраханской области в 1944 г. имелось 75 больниц, 11 родильных домов, два диспансера, рассчитанных в общей сложности на 3140 коек, что для полумиллионного населения области было явно недостаточно¹. Отсутствие в большинстве лечебных учреждений лабораторий, рентгенодиагностических и электрокардиографических кабинетов нарушало своевременность обследования пациентов. Ощущался дефицит лекарств и аптек, которые нередко использовались под жилые помещения. Строительство же новых больниц и поликлиник велось медленно и некачественно, как, например, в Травинском районе данной области². Не лучше было положение и в Саратовской области, в 30 районах которой не было рентгеновских аппаратов, в 82 совхозах с населением

от тысячи до двух тысяч человек медицинскую помощь оказывал один фельдшер, а в 22 МТС и 12 совхозах вообще отсутствовали какие-либо лечебные учреждения. Поэтому в Ивантеевском, Краснопартизанском и Питерском районах наблюдались случаи смертности среди больных. Прирост коечного фонда в областном центре (на 40% по сравнению с 1940 г.) осуществлялся не за счет нового строительства, а благодаря использованию в качестве палат коридоров, лестничных клеток, вестибюлей в лечебных учреждениях. Однако дефицит больничных коек в Саратове сохранялся, особенно хирургических, терапевтических, родильных, туберкулезных. В 1954 г. недоставало 1500 таких мест³. Практически такая же картина наблюдалась и в Сталинграде, в двух районах которого (Сталинский и Дзержинский) отсутствовали какие-либо лечебные учреждения. Не удовлетворяла нужды трудящихся города работа инфекционных больниц, станции «Скорая помощь», медленными темпами велось строительство туберкулезного диспансера и ряда других лечебных учреждений. В районных больницах частным явлением было отключение света, особенно во время операций, налицо были трудности в приобретении лекарств⁴. Многие медицинские учреждения рассматриваемого региона располагались в ветхих, непригодных помещениях, особенно в сельской местности. Весьма показательным в этом отношении выступает эпизод из фильма «Председатель» режиссера А. Салтыкова (1964 г.), когда хирург в исполнении молодого В. Соломина сравнивает сельскую больницу с «вонючей курной избой», в которой отсутствовали даже необходимые медикаменты.

Столь плачевное положение с медицинским обслуживанием стало изменяться к лучшему лишь после сентябрьского 1953 г. пленума ЦК КПСС, с которого ведется отчет реформаторской деятельности Н. С. Хрущева⁵. В материалах этого и последующих пленумов и съездов ЦК КПСС неоднократно подчеркивалась необходимость приближения специализированной медицинской помощи к сельскому населению, в том числе и в районах освоения целины. Законодательные инициативы нацеливали на необходимость подъема медицинского обслуживания жителей села до уровня, существовавшего в городах. Для этого законодательство нацеливало на расширение строительства сельских больничных комплексов, как за счет государственного финансирования, так и за счет собственных средств колхозов, причем исключительно по типовым проектам. Это правило распространялось на города и рабочие поселки. Использование частных квартир и других непригодных помещений для размещения медицинских пунктов запрещалось⁶. Постановлением Совета Министров СССР от 14 января 1960 г. «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» был определен оптимальный

размер коечного фонда городских и сельских больниц, необходимый для обеспечения разносторонней квалифицированной медицинской помощи населению. В городах он составлял от 300–400 коек до 600 и более в зависимости от численности населения. В сельских населенных пунктах предписывалось создать укрупненные районные больницы, являвшиеся комплексными центрами районного звена здравоохранения с числом коек в них 100–120 и более. Строительство новых сельских участковых больниц менее чем на 35 коек допускалось только в исключительных случаях и с разрешения Министерства здравоохранения союзной республики⁷. Одновременно рядом партийных решений предписывалось создавать комфортные жилищно-бытовые условия для медработников, особенно в селах⁸.

Модернизация материально-технической базы здравоохранения предусматривала и меры по ликвидации дефицита в обеспечении населения и лечебных учреждений медикаментами, а также повышение их качества⁹. Министерство здравоохранения РСФСР своим приказом от 9 января 1957 г. предписывало сделать более доступной населению стоматологическую и зубопротезную помощь через расширение сети хозрасчетных поликлиник¹⁰. К концу этого десятилетия был принят целый пакет приказов союзного Министерства здравоохранения, призванных улучшить в целом амбулаторно-поликлиническое обслуживание городского населения, работу службы «Скорой помощи», а также ликвидировать дифтерию, корь, скарлатину, коклюш, брюшной тиф, бруцеллез, малярию, туляремию, полиомиелит, сибирскую язву и туберкулез¹¹. Об усилении внимания государства к сфере здравоохранения говорит и принятие новых положений о Министерстве здравоохранения СССР (1959 г., 1964 г. и 1968 г.) и РСФСР (1960 г. и 1969 г.)¹².

Первые результаты от реализации принятых новым коллективным руководством СССР в сфере медицины законодательных инициатив жители Нижнего Поволжья стали постепенно ощущать уже к середине 1950-х гг., в том числе за счет роста государственных ассигнований на здравоохранение. Так, в Саратовской области за 1951–1955 гг. они выросли в два раза и составили 215 тыс. руб., в Сталинградской области – 197 тыс. руб. или на 26 тыс. больше, чем в 1953 г.¹³ Тем не менее прирост больничных коек в этой области был выше, чем в Саратовской: 44 и 22% соответственно. Такая же картина наблюдалась и в отношении врачебных кадров¹⁴. Гораздо медленнее росла больничная сеть в Астраханской области. По ежегодному приросту больничных коек эта область ни в 1958 г. (4%), ни в 1963 г. (6%)¹⁵ не смогла «догнать» Сталинградскую область, где за 1950–1955 гг. он составлял в среднем 7,3%. Именно этим объясняется выделение в 1961 г. Астрахани Советом Министров РСФСР из своих резервных фондов 1,5 млн рублей дополнитель-

ных финансовых средств, из которых 0,4 млн предназначались для строительства объектов здравоохранения¹⁶. Однако гораздо большего внимания республиканского и союзного руководства требовало к себе реабилитированное и возвращавшееся в родные места население воссозданной постановлением ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. Калмыцкой автономии¹⁷. Только со 2 сентября 1957 г. по 1 июля 1958 г. для лечебных учреждений этой области было приобретено медицинского оборудования и различного инвентаря на 431,4 тыс. руб.¹⁸ За счет этих и других средств¹⁹ число больничных учреждений в этом территориальном образовании возросло с 40 единиц в 1955 г. до 54 к началу 1960 г. Число больничных коек в этот период увеличилось с 655 до 1200, а врачей и среднего медперсонала возросло с 666 в 1956 г. до 1339 к началу 1961 г.²⁰ В лечебные учреждения региона стала поступать новая техника, увеличилось количество рентгеновских установок и клинических лабораторий²¹. Но несмотря на большие финансовые вливания по материально-кадровому обеспечению, органы здравоохранения Калмыкии существенно отставали от соседних областей Нижнего Поволжья, среди которых, по данным официальной статистики, лидировала Саратовская область. К началу 1961 г. она располагала 20782 врачами и средними медицинскими работниками, 319 больницами на 19 тыс. мест. Второе и третье места соответственно занимали Сталинградская и Астраханская области²². Если же рассматривать только областные центры, то соотношение выглядит по-иному. Только по такому критерию, как соотношение врачей и населения Сталинград с 38 врачами на 10 тыс. жителей опережал Саратов с 31 врачом. В то же время в обоих городах этот показатель был выше общероссийского уровня – 19–20 врачей²³.

Совершенствование материально-технической и кадровой базы здравоохранения сопровождалось улучшением медицинского обслуживания населения. Поликлиники переходили на удлиненный режим работы в рабочие дни, в целях сокращения очередей практиковалась предварительная запись к специалистам, организовывался прием больных по выходным дням. За счет роста количества врачебных участков медицинская помощь становилась ближе и доступнее пациентам²⁴. Определенным итогом всех этих нововведений стал переход от районного к поликлиническому принципу медицинского обслуживания, произошедший в 1962 г.²⁵ Об эффективности принятых мер можно судить по упоминающимся в источниках фактах сокращения числа жалоб населения на работу органов здравоохранения²⁶. Об улучшении в функционировании этих структур красноречиво говорят и данные о снижении инфекционной и обычной заболеваемости в различных областях Нижнего Поволжья. Так, в Саратовской области уже к середине 1950-х гг. была ликвидирована малярия как массовое забо-

ление, по сравнению с 1946 г. в 2,3 раза меньше стали болеть туберкулезом. Только за год (с 1954 по 1955 г.) заболеваемость корью сократилась на 21%, скарлатиной на 12%, брюшным тифом на 20%, сырым тифом на 28%. Снизилась заболеваемость бруцеллезом, сибирская язва и столбняк встречались в единичных случаях²⁷. С 1958 г. по 1963 г. в сельской местности области число случаев дифтерии сократилось на 375, брюшно-го тифа – на 44, дизентерии – на 166²⁸. В целом по области в 1964 г. заболеваемость дифтерией сократилась в 3,5 раза, туберкулезом на 18,5 %, практически был ликвидирован полиомиелит, особенно среди детей²⁹.

Снижение заболеваемости, прежде всего, было заметно в городах. В целом за 1953–1964 гг. в архивных документах по Саратовской области нами было обнаружено 82 упоминания о росте различных видов инфекций, из них на городские поселения приходилось всего 20 документов. В Сталинграде уровень заболеваемости костно-суставным туберкулезом снизился с 2,4‰ в 1953 г. до 1,4‰ в 1955 г.³⁰ Заболеваемость с временной утратой трудоспособности сокращалась в Сталинградской области и в последующем, о чем косвенно можно судить по уменьшению использования средств из бюджета социального страхования на выплату пособий по временной нетрудоспособности³¹. О повышении степени доступности специализированной медицинской помощи населению, повышении ее качества свидетельствуют и демографические показатели. Например, в Калмыцкой АССР естественный прирост населения с 1956 г. по 1958 г. вырос с 20,5‰ до 26,4‰. За 1959–1965 гг. население республики выросло еще на 38%, ежегодный прирост составлял примерно 9 тыс. человек. Средняя продолжительность жизни людей возросла до 70 лет. Уменьшилась детская смертность, особенно в сельской местности³². В Саратовской области уровень рождаемости возрос с 18,0‰ в 1953 г. до 20,0‰ в 1961 г.³³ Волгоград в первой половине 1960-х гг. также имел высокий естественный прирост – ежегодно в нем рождалось 14–15 тыс. детей. В целом же по стране продолжительность жизни населения возросла в два раза³⁴.

Однако непоследовательность, а порой и явная противоречивость многих начинаний Хрущева не могли не сказаться на состоянии здравоохранения. Во многих населенных пунктах Нижнего Поволжья сохранялось немало количество мелких, маломощных больниц. Так, в Саратовской области в первой половине 1960-х гг. в 11 больницах, обслуживающих взрослое городское население, имелось по 50 и менее коек. В Энгельсе фактическая обеспеченность населения больничными койками на тысячу населения составляла 7,3 койки при норме 11,2³⁵. Средняя мощность центральных районных больниц составляла 138, зональных больниц 70, участковых 24,1 вместо положенных по закону 300–400 коек.

Штат 76% сельских участковых больниц состоял практически из одного врача, который оказывал медицинскую помощь, немногим отличающуюся от фельдшерской. В 97 больницах не было рентгеновских кабинетов, в 75 лабораторной, в 93 физиотерапевтической аппаратуры. 50% сельского населения получало первичную медицинскую помощь на фельдшерско-акушерских пунктах³⁶. Зачастую это объяснялось не только экономическими трудностями, но и принятием решений, не учитывающих интересы сельских жителей. Лишенные в результате закрытия с точки зрения властей нерентабельных сельских больниц какой-либо медицинской помощи колхозники вынуждены были искать «правды» даже у главы государства³⁷. Поэтому вполне объяснимо, что количество упоминаний в архивных документах о росте заболеваемости детского и взрослого населения сельских районов области выросло с 25 в 1953–1958 гг. до 37 в 1959–1964 гг. Однако, если принять во внимание число наказов, высказываемых населением в адрес областных Советов, то положение в сфере здравоохранения Саратовской области было гораздо лучше, чем, например, в соседней Волгоградской. Действительно, если в 1961 г. в адрес депутатов Саратовского областного совета избирателями было высказано около 1,7% наказов и пожеланий по поводу строительства и расширения сети лечебных учреждений, организации хорошо оплаченной работы коммунальных систем, обеспечения их транспортом и медработниками, то в Волгоградской области в 1962 г. таких наказов в адрес облсовета поступило около 23,2%, а в 1965 г. – 19,6%³⁸. Проблемы имелись в других регионах Нижней Волги. Так, в Калмыкии в 1962 г. на строительство больничных коек было израсходовано всего лишь 42,2% капиталовложений, а за 10 месяцев 1963 г. – 69%. Из-за неудовлетворительных условий труда и быта из 70 направленных в республику в 1963 г. врачей убыло 54³⁹. По этой же причине в Астраханской области численность врачей в сельской местности практически не росла. В астраханских деревнях работала четвертая часть от всех имевшихся в области медиков⁴⁰. Таким образом, приведенные данные позволяют утверждать, что высококвалифицированная специализированная медицинская помощь к концу хрущевского десятилетия до большинства сельского населения региона так и «не дошла». В селах и деревнях она так и не стала массовым явлением, о чем свидетельствует выступление председателя ВЦСПС В. В. Гришина на мартовском 1965 г. пленуме ЦК КПСС⁴¹.

Пришедшее к власти в середине октября 1964 г. новое руководство страны стало предпринимать более решительные меры для улучшения медицинской помощи населению, сохраняя при этом преемственность социального курса Н. С. Хрущева. Анализ материалов партийных съездов, пленумов предперестроечного двадцатилетия и законодательных актов, появившихся

в развитие принятых на этих форумах постановлений, показывает, что власть имущие стремились к тому, чтобы высококвалифицированная медицинская помощь стала неотъемлемой частью повседневной жизни не столько городского, сколько сельского населения⁴². В этой связи особого внимания заслуживает постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 июля 1968 г. «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране». Сопоставление его содержания с аналогичным постановлением от 14 января 1960 г. убеждает в действительном желании партии и правительства обеспечить население высококвалифицированной лечебно-профилактической помощью. Так, в городах максимальный коечный фонд больниц теперь должен был составлять не 600, а 1000 и более коек, а в сельской местности он возрастал со 120 до 400 коек. Повышалась до 150 коек мощность сельских участковых больниц. Кроме того, документ предписывал организовывать межреспубликанские, республиканские, межобластные, краевые и областные отделения (центры) по важнейшим видам специализированной медицинской помощи (кардиохирургические, ожоговые, нейрохирургические, неврологические и другие)⁴³. Эти же установки воспроизводились и в аналогичных постановлениях от 22 сентября 1977 г. и от 19 августа 1982 г. В то же время в этих документах содержалась более масштабная, чем прежде пропаганда элементов здорового образа жизни (профилактические осмотры, диспансеризация, санитарно-гигиеническое воспитание населения), предписывалось обращать повышенное внимание на охрану здоровья женщин и детей⁴⁴. Необходимость скорейшего решения этих важнейших проблем признавали и делегаты июньского 1983 г. и апрельского 1984 г. пленумов ЦК КПСС⁴⁵. Таким образом, разработанные меры были нацелены на строительство в СССР государства благоденствия.

Реализация намеренной программы по приближению высококвалифицированной медицинской помощи к конкретному человеку требовала существенного усиления финансирования здравоохранения. Среди областей и республик Нижнего Поволжья наиболее масштабным оно было в Волгоградской области: в 1967 г. на медицинское обслуживание населения области было израсходовано почти 64 млн руб., а в 1975 г. – уже около 96 млн руб.⁴⁶ Если в 1966 г. лечебные учреждения Калмыцкой АССР получили новейшее оборудование на 176,8 тыс. руб., то в первой половине 1970-х гг. на эти цели ежегодно тратилось в среднем по 400 тыс. руб.⁴⁷ Гораздо меньше составлял бюджет здравоохранения в Саратовской области: 1965 г. – 52828 руб., а спустя 10 лет – 90586 тыс. руб.⁴⁸ В результате больничная сеть в регионе значительно расширилась. В течение 1966–1985 гг. наиболее интенсивно этот процесс протекал в Волгоградской области, где за указан-

ные 20 лет число мест в больничных учреждениях выросло на 11503, в Саратовской области этот прирост составил 8609 коек, в Астраханской – 6300, а в Калмыцкой АССР – всего лишь 2730 штук⁴⁹. Однако по обеспеченности населения коечным фондом лидерство было у Астраханской области, где к концу 1985 г. на 10 тыс. человек приходилось 156,6 тыс. коек, второе место занимала Калмыцкая АССР со 149 койками, третье – Волгоградская область (138 коек на 10 тыс.). В Саратовской области на 10 тыс. населения на 1 января 1986 г. приходилось только 130 коек, что было ниже среднереспубликанского показателя – 135 коек на 10 тыс. населения⁵⁰. Лишь в некоторых районах области обеспеченность койками превышали этот показатель, в частности, в Аркадакском, Ивантеевском и Ровенском⁵¹.

Лечебно-профилактическая сеть региона менялась не только в количественном, но и качественном отношении, становясь более доступной, особенно сельскому населению. В Астраханской области к середине 1970-х гг. практически во всех районах были обновлены или возведены здания современных районных больниц в комплексе с поликлиниками. В Саратовской области к этому времени было создано 29 межрайонных специализированных центров по основным видам медицинской помощи. Если в 1975 г. в Волгоградской области такие центры существовали только при восьми районных больницах, то в 1979 г. они появились уже в 14 районах. В Калмыцкой АССР в начале 1980-х гг. медицинская помощь на селе оказывалась по 10–12 специальностям, в центральных районных больницах имелись клинично-диагностические лаборатории и физиотерапевтические кабинеты⁵². Успехи в области здравоохранения стали ощущать на себе и простые обыватели⁵³, что проявлялось в сокращении высказанных ими наказов в адрес местных властей. Например, в Саратовской области с 1969 г. по 1975 г. число наказов снизилось в 2,4 раза⁵⁴.

Наиболее четкое представление о степени доступности сельскому населению медицинской помощи позволяет составить соотношение больничных коек к народонаселению. Особенно значимыми в этом отношении выступает период с 1965 г. по 1975 г. Полнее всего на Нижней Волге специализированной медицинской помощью было обеспечено население Астраханской области, где к концу IX пятилетки на 10 тыс. сельского населения приходилось 66,3 койки, что было выше среднереспубликанского уровня (62,9 на 10 тыс. человек). В Волгоградской области этот показатель не был достигнут. В этой области в середине 1970-х гг. на 10 тыс. жителей сел и деревень приходилось 58,1 койки. Хуже всего к этому времени было положение в Саратовской области, обеспеченность сельского населения которой больничными койками сократилась с 50,9 в 1965 г. до 49,0 в 1975 г. Уровень 1965 г. в области был превзойден лишь осенью 1985 г., но не на-

много: на 10 тыс. сельского жителей приходилась 51 больничная койка⁵⁵. Столь мизерный перевес отчасти объяснялся реализацией программы реконструкции поселенческой структуры, активно проводившейся государством повсеместно. Поэтому сокращение числа медицинских учреждений наблюдалось и в других областях Нижнего Поволжья, в частности в Астраханской области⁵⁶.

Основные достижения системы здравоохранения страны и рассматриваемого региона касались главным образом областных и районных центров. В этом убеждает анализ соотношения количества упоминаний в источниках о заболеваемости сельского и городского населения. Так, в архивных документах по Саратовской области за конец 1964 г. – по конец 1985 г. нами было обнаружено 36 упоминаний о росте различных видов заболеваний, из них на городские поселения приходилось всего 16 документов. Сокращение таких опасных инфекций, как дифтерия, туляремия, полиомиелит, бешенство, бруцеллез, коклюш и других в регионе стало результатом и увеличения численности медицинских кадров, повышения их квалификации, организации диспансерного наблюдения за населением. О первых успехах этого процесса в Калмыцкой АССР говорит факт увеличения за 1965–1966 гг. охвата диспансерным наблюдением сельского населения с 77% до 85%⁵⁷. Медицинское обслуживание сельских тружеников республики улучшалось и в последующем, особенно в дни проведения месячников здоровья. В 1976 г. уровень диспансеризации всего населения Калмыкии вырос до 97,9 на тысячу населения⁵⁸. В Саратовской области в 1984 г. на диспансерном учете состоял 241 человек на тысячу населения, что было выше среднереспубликанского уровня – 232 человека на тысячу. К началу 1986 г. на страже здоровья населения в этой области стояло 11,6 тыс. врачей всех специальностей⁵⁹. В Волгоградской области здоровье трудящихся к этому времени охраняло 10,6 тыс. врачей и 30,9 тыс. среднего медицинского персонала; в Астраханской области соответственно 5,8 тыс. и 13 тыс. Гораздо меньше медицинских работников к концу рассматриваемого периода числилось в Калмыцкой АССР – всего 1,2 тыс. врачей⁶⁰.

Рост численности медицинского персонала способствовал приближению специализированной высококвалифицированной медицинской помощи к нуждающимся в ней. Доступнее для работающих категорий населения эта помощь становилась благодаря продолжавшейся еще с начала 1960-х гг. практики организации приема больных по выходным дням, перевода лечебных учреждений на удлинённый режим работы, а также в вечернее время. В целях сокращения очередей в поликлиниках вводилась талонная система с предварительной записью к врачу⁶¹. Все эти шаги способствовали снижению числа жалоб трудящихся на медицинское обслуживание. Так, в

Саратовской области только с января по сентябрь 1983 г. количество таких жалоб, поступивших в обком КПСС, сократилось с 115 до 99⁶². В то же время возросло число наказов по вопросам здравоохранения, данных избирателями депутатам Верховного Совета РСФСР и СССР. Так, по Саратовской области в 1979 г. таких наказов было высказано около 7,5%, а в 1985 г. уже около 14%. Ходатайствовать к депутатам Верховного Совета людей вынуждало бездействие местных властей. Если за 1975 г. в адрес депутатов Саратовского облсовета было высказано около 5% наказов, то в 1979 г. уже около 8%⁶³.

Обращалось во власть главным образом население отдаленных населенных пунктов, в которых все еще слабо ощущалась забота государства о здоровье населения⁶⁴. Это было следствием вступления СССР в конце 1970-х гг. в более жесткую фазу холодной войны и существенного сокращения притока в экономику нефтедолларов. Слабости социальной политики постепенно проявлялись все с большей силой. Бюджет здравоохранения стал стремительно сокращаться. Если в первой половине 1970-х гг. в Калмыцкой АССР ежегодно на приобретение новейшей медицинской аппаратуры тратилось в среднем 20% денежных средств, то в начале 1980-х гг. – всего 9%⁶⁵. А в отдельных районах Саратова и области в начале 1980-х гг. размеры финансирования здравоохранения колебались от 2% до 4%⁶⁶. Эти весьма немногочисленные средства направлялись преимущественно в областные, районные центры и перспективные с точки зрения властей сельские населенные пункты. Все остальные поселения необходимой материальной поддержкой обделялись. В результате материально-техническая и кадровая база здравоохранения в них постепенно приближалась к уровню начала 1950-х гг. Дефицит узких специалистов ощущался в «неперспективных» селах Ольховского, Быковского, Октябрьского, Нехаевского районов Волгоградской области⁶⁷. Население Аркадакского, Ивандеевского, Энгельсского, Новобурасского, Балашовского районов Саратовской области жаловалось на тесноту в лечебных учреждениях, где в одном помещении прием вели два специалиста⁶⁸. В стесненных условиях работали районные больницы в Приютном, Советском, Яшалте, Комсомольском, Троицком, тесно было в ЦРБ Приозерного, Черноземельного районов Калмыцкой АССР⁶⁹.

На снижение качества медицинского обслуживания на протяжении всего рассматриваемого периода воздействовал и антропогенный фактор. Гармония между внешним и внутренним убранством возводимых в большом количестве по последнему слову науки и техники лечебных учреждений достаточно быстро нарушалась. Имидж больницы или поликлиники начинал разрушаться в процессе оснащения их лечебной аппаратурой, который нередко сопровождался повреждениями покрытия стен, полов и потолков. Вселявшиеся в

лечебные учреждения медработники, обустриваясь на своих рабочих местах, думали, прежде всего, о собственном уюте и комфорте и в последнюю очередь о том, чтобы так себя чувствовали пришедшие на прием пациенты. Это проявлялось, во-первых, в нерациональном расположении мебели, создающем неудобства для больных. Во-вторых, интересы посетителей лечебных учреждений приносились в жертву стремлению главврачей сэкономить на воде и свете: завхозы выкручивали в помещениях общего пользования лампочки, закрывали двери в туалетные комнаты, считая их лишними⁷⁰. Сталкиваясь с такими бытовыми неурядицами, трудящиеся стремились избегать похода к врачу, особенно если для этого не было серьезной необходимости. В итоге, такие важные мероприятия, как профосмотр или диспансеризация превращались в формальность, а это, в свою очередь, вело к снижению качества жизни людей. Тем не менее по сравнению с периодом «хрущевской оттепели» в 1965–1985 гг. высококвалифицированная специализированная медицинская помощь все же стала более доступной населению, особенно сельскому. Так, по Саратовской области за 1953–1964 гг. нами было обнаружено в архивных документах 62 упоминания о росте заболеваемости сельских жителей, а за последующие 20 лет – только двадцать таких упоминаний, причем в подавляющем большинстве это касалось взрослого населения. Сведения о заболеваемости детей встречались крайне редко, что лишний раз доказывает эффективность проекта «Физкультура и спорт», реализация которого началась еще в 1966 г.⁷¹ Населению Астраханской, Волгоградской областей и Калмыцкой АССР к середине 1980-х гг. высококвалифицированная специализированная медицинская помощь также стала доступнее, поскольку, как явствует из вышеизложенного, обеспеченность коечным фондом населения была выше среднереспубликанских показателей.

Существующие различия в степени доступности медицинской помощи трудящимся в каждой из областей Нижней Волги объясняются статусом конкретного субъекта региона и вытекающим отсюда объемом финансирования, а также умения местного руководства отстаивать интересы населения данной области или республики перед союзным или республиканским правительством. В относительно привилегированном положении в этом отношении находились жители города-героя Волгограда и закрытого для посещения иностранцев Саратова. Население же Астрахани и Элисты, за исключением партийной номенклатуры, было лишено каких-либо преимуществ. Тем не менее за предперестроечное тридцатилетие специализированная медицинская помощь стала неотъемлемой частью повседневной жизни простого советского человека, что способствовало значительному улучшению качества его жизни.

Примечания

- 1 История Астраханского края. Астрахань, 2000. С. 800.
- 2 См.: ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 50. Д. 214. Л. 54; Волга. 1953. 14. 02. Л. 3; 21.10. Л. 3; 25.11. Л. 3.
- 3 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2888. Л. 12–13; Д. 3052. Л. 119–120.
- 4 См.: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 124. Л. 142–143; Д. 336. Л. 24, 45–46; Ф. Р-2115. Оп. 6. Д. 301. Л. 204; Сталинградская правда. 1953. 10. 01. Л. 3; 17. 03. Л. 3; 1955. 3. 09. Л. 3. 16. 09. Л. 3.
- 5 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955 гг. М., 1985. С. 344.
- 6 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2728. Л. 275; Д. 4522, Л. 5а; Ф. 129. Оп. 31. Д. 29. Л. 4; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 18. Л. 12; КПСС в резолюциях ... Т. 8. С. 368, 528; Т. 9. 1956–1960. М., 1986. С. 48–487; Резолюции XX съезда коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. М., 1956. С. 85–85; СП СССР. 1957. № 16. Ст. 162; СП РСФСР. 1960. № 4. Ст. 9; Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 239; Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 76, 392.
- 7 См.: СП СССР. 1960. № 3. Ст. 14; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3854. Л. 14–15 об.
- 8 См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 21. Л. 23; Пленум ЦК КПСС 5–9 марта 1962. Стенографический отчет. М., 1962. С. 394.
- 9 См.: СП СССР. 1957. № 5. Ст. 54; 1962. № 7. Ст. 58; Законодательство по здравоохранению. Т. VI. М., 1963. С. 647–649.
- 10 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3854. Л. 6, 57–58 а об.
- 11 См.: Законодательство по здравоохранению. Т. IV. М., 1960. С. 196–200, 227–233, 238–241, 251–255; Т. VI. С. 201–202, 234–235, 299–301; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 21. Л. 109.
- 12 См.: СП СССР. 1959. № 19. Ст. 158; 1964. № 24. Ст. 142; 1968. № 14. Ст. 91; СП РСФСР. 1960. № 11. Ст. 46; 1969. № 9. Ст. 45.
- 13 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3439. Л. 71; ЦДН ИВО. Ф. 113. Оп. 52. Д. 1. Л. 67.
- 14 В Сталинградской области в 1955 г. насчитывалось 2459 врачей, а в Саратовской – только 1301 врач. (См.: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 453. Л. 25; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3334. Л. 233, 239.)
- 15 См.: Волга. 1959. 10.02. Л. 3; 1964. 25.01. Л. 3.
- 16 ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 6028. Л. 1 об.
- 17 См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 61. Д. 13. Л. 1–7.
- 18 Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 1959. Л. 29.
- 19 За период с 1960 г. по июнь 1964 г. на приобретение медицинского оборудования было затрачено 147 тыс. рублей. (См.: Дойникова Е. А., Сысоев П. Н. На стаже здоровья // 50 лет под знаменем Октября. Элиста, 1967. С. 180.)
- 20 См.: Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970. С. 358; Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. Статистический ежегодник. М., 1961. С. 521, 532, 536.

- ²¹ См., например: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 336. Л. 45 ; Волга. 1956. 26.01. Л. 1 ; 30.11. Л. 1 ; Комсомолец Каспия. 1960. 16.12. Л. 3.
- ²² См.: Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. С. 521, 532, 536.
- ²³ См.: *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгограда. М., 1969. С. 418 ; ГАНИСО. Ф. 136. Оп. 19. Д. 88. Л. 129.
- ²⁴ См.: ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 50. Д. 1229. Л. 35 ; ГАНИСО. Ф. 74. Оп. 34. Д. 43. Л. 26 ; Ф. 2329. Оп. 35. Д. 57. Л. 64 ; Д. 78. Л. 103 ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 3. Д. 932. Л. 4.
- ²⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4914. Л. 54–55 ; Коммунист. 1962. 30.10. Л. 3.
- ²⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 2485. Оп. 26. Д. 1. Л. 77 ; Ф. 136. Оп. 14. Д. 1. Л. 176 ; Оп. 19. Д. 18. Л. 169–169 об. ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 3. Д. 1294. Л. 2 ; Д. 1239. Л. 2 ; Советская Калмыкия. 1961. 12.12. Л. 4.
- ²⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3334. Л. 266, 274, 301–302.
- ²⁸ Подсчитано по: ГАНИСО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 268. Л. 215.
- ²⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 4. Д. 199. Л. 3, 10–11 ; Оп. 7. Д. 613. Л. 23.
- ³⁰ *Комочков А. В.* Анализ заболеваемости костно-суставным туберкулезом в г. Волгограде // Здравоохранение в Волгоградской области. Волгоград, 1963. С. 4.
- ³¹ См.: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 453. Л. 24. Д. 858. Л. 23.
- ³² См.: Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 353, 373 ; Советская Калмыкия. 1957. 22.09. Л. 3
- ³³ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3052. Л. 86 ; Д. 4864. Л. 59.
- ³⁴ См.: *Водолагин М. А.* Указ. соч. С. 418 ; КПСС в резолюциях ... Т. 11. 1966–1970. М., 1986. С. 318.
- ³⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 4. Д. 199. Л. 4 об., 24 ; Оп. 7. Д. 613. Л. 6.
- ³⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 268. Л. 210–211.
- ³⁷ Там же. Ф. 5411. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 ; Ф. 1012. Оп. 1. Д. 136. Л. 10, 12, 19 об., 20 об. – 21 об., 23 об. – 24 об., 41.
- ³⁸ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1068 ; ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 6. Д. 1877, 2026.
- ³⁹ Советская Калмыкия. 1963. 26.11. Л. 3.
- ⁴⁰ См.: История Астраханского края. С. 834 ; Волга. 1959. 20.01. Л. 3 ; 21.01. Л. 3 ; 1962. 10.01. Л. 3.
- ⁴¹ См.: Пленум ЦК КПСС. 24–26 марта 1965 г. Стенографический отчет. М., 1965. С. 112.
- ⁴² См.: Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 162, 262–263 ; Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972. С. 181 ; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 123, 220 ; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 106, 182, 183 ; СП СССР. 1966. № 9. Ст. 93 ; 1973. № 25. Ст. 144 ; СП РСФСР. 1968. № 15. Ст. 76 ; Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и о мерах по ее реализации : материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. М., 1984. С. 58, 103.
- ⁴³ СП СССР. 1968. № 13. Ст. 82.
- ⁴⁴ См.: КПСС в резолюциях ... Т. 13. 1976–1980. М., 1987. С. 206–211, 215–216 ; Т. 14. 1981–1984. М., 1987. С. 366–368.
- ⁴⁵ См.: *Андропов Ю. В.* Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. Избранные речи и статьи. М., 1984. С. 478, 480 ; КПСС в резолюциях ... Т. 14. С. 523–524.
- ⁴⁶ См.: Волгоградская правда. 1968. 14.02. Л. 3 ; 1976. 17.02. Л. 3.
- ⁴⁷ См.: Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 391 ; *Сусеев П. Я.* Достижения здравоохранения Калмыкии за годы Советской власти // Здравоохранение Российской Федерации. 1978. № 11. С. 9.
- ⁴⁸ См.: Коммунист. 1965. 11. 07. Л. 3 ; ГАСО. Ф. Р-1738, Оп. 8. Д. 1304. Л. 33.
- ⁴⁹ Подсчитано по: Волга. 1971. 21.01. Л. 2 ; 1976. 1.01. Л. 3 ; Волгоградская правда. 1971. 23.01. Л. 2 ; ЦДНИВО. Ф. 113, Оп. 98. Д. 1. Л. 30 ; Оп. 110. Д. 3. Л. 13 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 14. Д. 99. Л. 128 ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 1189. Л. 4 ; Оп. 8-пр. Д. 1774. Л. 15 ; Советская Калмыкия. 1971. 20.01. Л. 2 ; 1981. 23.02. Л. 3 ; 1986. 21.01. Л. 2 ; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. С. 416 ; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981. С. 305 ; Народное хозяйство РСФСР в 1984 г. Статистический ежегодник. М., 1985. С. 364, 365 ; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986. С. 360, 361.
- ⁵⁰ См.: Волга. 1986. 7.02. Л. 3 ; Советская Калмыкия. 1981. 5.11. Л. 2 ; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. С. 362, 363 ; Коммунист. 1986. 1.02. Л. 2 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 1. Л. 137.
- ⁵¹ См.: ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 56. Д. 1. Л. 60 ; Ф. 196. Оп. 51. Д. 1. Л. 74 ; Оп. 65. Д. 1. Л. 45 ; Ф. 4816. Оп. 44. Д. 1. Л. 19.
- ⁵² См.: *Петрова В. Я.* Проблемы сельского быта в деятельности партийных организаций Нижнего Поволжья (1965–1975 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1988. С. 132, 134–135 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 18. Д. 1. Л. 27 ; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 1600. Л. 51 ; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 110. Д. 96. Л. 101–102 ; Советская Калмыкия. 1983. 29.10. Л. 3.
- ⁵³ См.: Коммунист. 1970. 9.09. Л. 4 ; Волга. 1976. 24.03. Л. 2 ; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 1318. Л. 149.
- ⁵⁴ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 139, 1108.
- ⁵⁵ См.: *Петрова В. Я.* Указ. соч. С. 136 ; ГАНИСО. Ф. 138. Оп. 44. Д. 35. Л. 10.
- ⁵⁶ См.: История Астраханского края. С. 839.
- ⁵⁷ Подсчитано по: *Наминов Л. В.* История организации здравоохранения и лечебной помощи в Калмыцкой АССР : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Ростов н/Д, 1968. С. 14.
- ⁵⁸ См.: Советская Калмыкия. 1973. 16.06. Л. 4 ; *Сусеев П. Я.* Указ. соч. С. 9.
- ⁵⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 138. Оп. 44. Д. 35. Л. 12 ; Коммунист. 1986. 1.02. Л. 2.
- ⁶⁰ См.: Волгоградская правда. 1986. 1.02. Л. 2 ; Волга. 1986. 7.02. Л. 3 ; Советская Калмыкия. 1986. 25.01. Л. 3.
- ⁶¹ См., например: *Резников В. Д.* Этапы развития советского здравоохранения в Саратове // 50 лет советского здравоохранения в Саратове. Саратов, 1969. С. 11–12 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 32. Д. 147. Л. 3, 6, 10, 13, 17, 19, 24, 38, 40, 45, 46 ; Ф. 77. Оп. 41. Д. 1. Л. 52 ; Ф. 3509. Оп. 46. Д. 1. Л. 61 ; Ф. 196. Оп. 65. Д. 24. Л. 52.
- ⁶² См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 15. Д. 3. Л. 4–5 ; Оп. 32.

- Д. 138. Л. 11 ; Ф. 4254. Оп. 28. Д. 12. Л. 14 ; Оп. 29. Д. 9. Л. 19 ; Ф. 138. Оп. 30. Д. 1. Л. 81 ; Ф. 5. Оп. 60. Д. 15. Л. 6 ; Ф. 341. Оп. 29. Д. 16. Л. 14, 17 ; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 98. Д. 1. Л. 47.
- ⁶³ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 1108 ; Оп. 8-пр. Д. 1588 а, 1588 б, 2538.
- ⁶⁴ См., например: ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 11. Д. 1207. Л. 30 ; Д. 1348. Л. 104 ; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 110. Д. 3. Л. 53 ; Д. 96. Л. 102, 108.
- ⁶⁵ См.: *Сусеев П. Я.* Указ. соч. С. 9 ; Советская Калмыкия. 1981. 5.11. Л. 2.
- ⁶⁶ См.: Страницы жизни. История Кировского райо-
на г. Саратова (1936–2001). Саратов, 2001. С. 93 ; ГАНИСО. Ф. 85. Оп. 56. Д. 1. Л. 51.
- ⁶⁷ См.: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 2050. Л. 72 ;
- ⁶⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 56. Д. 1. Л. 35 ; Ф. 77. Оп. 45. Д. 14. Л. 18 ; Ф. 196. Оп. 65. Д. 15. Л. 30–31 ; Ф. 470. Оп. 46. Д. 1. Л. 56 ; Ф. 3193. Оп. 46. Д. 1. Л. 78.
- ⁶⁹ См.: Советская Калмыкия. 1981. 5.11. Л. 2 ; 1983. 26.10. Л. 3 ; 29.10. Л. 3.
- ⁷⁰ См.: Сделано в СССР. М., 2001. С. 194–195.
- ⁷¹ Материалы XXIII съезда КПСС. С. 162 ; Материалы XXV съезда КПСС. С. 222 ; Материалы XXVI съезда КПСС. С. 106, 183.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

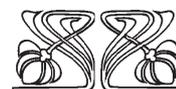
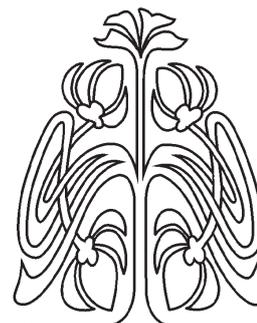
Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Братья Семен и Никита Гагарины : Страницы биографии (1610–1640) / под ред. С. А. Мезина. Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 168 с.

Одной из характерных черт и одним из достоинств научного творчества Я. Н. Рабиновича является стремление рассматривать события изучаемой им эпохи XVII века через призму деятельности отдельных личностей и истории отдельных семей. Такой подход позволяет существенно расширить и конкретизировать наши представления о событиях прошлого. Биографиям исторических деятелей эпохи Смуты и послесмутного времени посвящен целый ряд работ Я. Н. Рабиновича. Рецензируемая книга идет в русле данного направления.

Новая книга Я. Н. Рабиновича является частью задуманного им исследования о представителях рода князей Гагариных, живших в Смутное и послесмутное время. К сожалению, в отечественной историографии изучению истории семей и деятельности их представителей до сих пор уделяется недостаточное внимание. В наибольшей степени в исторической литературе разработана история крупных княжеско-боярских, аристократических родов, члены которых входили в Думу и занимали высшие посты в государственном управлении. Значительно меньше изучена служебная деятельность «среднего звена» государственного управления, представителями которого и являлись герои книги Я. Н. Рабиновича – братья Семен и Никита Никитичи Гагарины. Оба брата служили в чине московских дворян, численность которых в годы Смуты и в послесмутное время значительно увеличилась за счет выходцев из рядов уездного дворянства. Именно из числа московских дворян в последней четверти XVI – первой половине XVII в. комплектовалась основная часть полковых и городовых воевод, писцов и других должностей. Братья князя Семен и Никита Никитичи Гагарины являлись яркими представителями своего чина, своей социальной среды. Несмотря на свое не слишком знатное, по тогдашним понятиям, происхождение (князья Гагарины являлись захудалой ветвью Стародубского княжеского рода, представители которого до Смуты в чиновном положении не поднимались выше выборных городовых дворян и жильцов), братья Никитичи Гагарины были хорошо известны при дворе и, как показано в книге Я. Н. Рабиновича, практически непрерывно получали важные и ответственные служебные назначения на воеводские и другие должности. Столь активной и насыщенной событиями служебной биографией могли похвастаться далеко не все представители московского дворянства, в том числе выходцы из куда более знатных дворянских родов. Данное обстоятельство, безусловно, свидетельствует о выдающихся личных способностях героев книги Я. Н. Рабиновича.

Видная административная и военная деятельность по обороне границ государства братьев Никитичей Гагариных не осталась незамеченной в исторической литературе. Обоим братьям были посвящены специальные статьи в «Русском биографическом словаре», написанные В. Корсаковой. Однако со времени выхода этих статей прошло уже более 100 лет. За это время был введен в научный оборот целый массив новых источников (актовый материал, делопроизводственные источники, нарративные памятники). В существующей литературе зачастую содержатся противоречивые сведения о деятельности братьев Никитичей Гагариных, особенно это касается датировки их назначений на службу.

Автор рецензируемой книги, Я. Н. Рабинович, поставил своей задачей на основе использования достижений современной исторической науки представить максимально полные и научно выверенные биографии видных деятелей – братьев Семена и Никиты Никитичей

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

Гагариных – и через изучение этих биографий углубить наши представления о тех событиях, которые происходили в России в последний период Смуты и в первые двадцать лет после ее завершения.

Реализация поставленных задач потребовала от автора привлечения широкого и разнообразного круга источников, как документального, так и нарративного характера. В своей работе Я. Н. Рабинович широко использовал достижения современной археографии в деле выявления, изучения и публикации новых источников XVI–XVII вв., что дало ему существенные преимущества по сравнению с предшественниками. Особенно много новых ценных сведений о братьях С. Н. и Н. Н. Гагариных были почерпнуты автором из известных публикаций материалов о служилых землевладельцах, которые были осуществлены А. В. Антоновым.

Однако, несмотря на то что круг источников к настоящему времени существенно расширился, сведения о биографиях служилых людей за рассматриваемое время в целом остаются лапидарными и отрывочными. Сбор биографических сведений о братьях Никитичах Гагариных Я. Н. Рабиновичу приходилось производить буквально по крупицам. Автором книги учитывается каждый факт биографии ее героев, каждая деталь, способная пролить свет на характер их деятельности. Сведения различных источников постоянно подвергаются автором всесторонней критической проверке. В результате Я. Н. Рабиновичу удалось уточнить многие факты из биографий С. Н. и Н. Н. Гагариных, о которых в предшествующей литературе существовали зачастую неверные, искаженные представления.

В итоге тщательного, скрупулезного исследования автор смог представить весьма обстоятельную и достаточно полную картину служебной деятельности братьев Никитичей Гагариных. Эта деятельность прослежена в книге буквально по годам. Автору удалось показать все многообразие военных и придворных служебных назначений князей С. Н. и Н. Н. Гагариных. Особенно активно братья Никитичи проявили себя, как показано в книге, на воеводских должностях. Братья успели послужить в воеводах во многих городах самых различных регионов страны – от западных приграничных уездов (городов Новгородской и Псковской земли, Смоленщины, Северщины и Заокского края) и городов Тверской земли (Старица, Ржева) до Казани и Сибири на востоке, от северных городов Архангельска и Сольвычегодска до южного Царицына. В работе показываются выдающиеся военные заслуги Семена и Никиты Никитичей Гагариных в деле обороны границ государства в Смутное и послесмутное время и в годы Смоленской войны. С. Н. Гагарин активно проявил себя при обороне от польско-литовских войск городов Белева в 1613 г. и Невеля в 1614–1615 гг., а его брат Н. Н. Гагарин отличился в сражениях под

Орлом в 1615 г., в Белевском уезде в 1617 г. и особенно при обороне Путивля во время Смоленской войны. Служебные заслуги братьев Гагариных, как подчеркивает автор, были высоко оценены правительством и отмечены щедрыми царскими пожалованиями (шубами, серебряными кубками, придачами к денежным и поместным окладам). Автор книги прослеживает постепенное укрепление положения братьев С. Н. и Н. Н. Гагариных при московском дворе – в числе наиболее видных дворян московских они неоднократно присутствовали на званых царских и патриарших обедах, получали ответственные придворные и административные назначения. Так, Семен Никитич Гагарин был приставом у персидских послов, привезших в Россию великую христианскую святыню – Ризу Господню, а его брат Никита на протяжении нескольких лет являлся вторым судьей важного Владимирского судного приказа.

Однако автор книги не ограничивается простой сводкой весьма богатых служебных назначений братьев Никитичей Гагариных. Биографии своих героев автор раскрывает на фоне рассмотрения общей внутри- и внешнеполитической обстановки в стране. Кроме того, автор стремится дать максимально подробные сведения о состоянии тех городов, где протекала служебная деятельность братьев Никитичей Гагариных – в книге представлены карты этих городов, данные о составе и численности их гарнизонов, состоянии укреплений, сведения об общей военной и геополитической обстановке в регионе. Включение в книгу всех этих сопутствующих материалов позволило дать более полное представление о характере и условиях службы героев книги, полнее раскрыть значение и результаты их деятельности.

Большой интерес представляют наблюдения Я. Н. Рабиновича о причудливых пересечениях судеб героев книги на протяжении их карьеры с другими историческими персонажами – с князьями Хованскими, Шаховскими, Пожарскими, с гольштинским путешественником и автором сочинения о России Адамом Олеарием и др. Такие наблюдения позволяют более наглядно и живо представить историю далекого прошлого.

Можно указать на некоторые недостатки книги.

В работе встречаются отдельные неточности. Так, на стр. 40 автор пишет, что «Старица когда-то принадлежала вдове Евфросинье Андреевне Хованской, матери Владимира Андреевича Старицкого...» Остается неясным, почему Старица принадлежала именно ей, а не ее мужу князю Андрею Ивановичу Старицкому или ее сыну Владимиру Андреевичу. Старица, вопреки мнению автора книги (там же), была принудительно выменена Иваном IV у Владимира Старицкого не в 1556 г., а в 1566 г.

Ростовский митрополит Кирилл в 1613 г. являлся главой не «боярского правительства» (стр. 29), а избирательного земского собора.

Говоря об основании города Царева-Борисова, автор ссылается на поздние разрядные записи за Смутное время, опубликованные С. А. Белокуровым, где даются неверные даты (стр. 19), хотя можно было бы сослаться здесь на официальную разрядную книгу, государев разряд (Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 85 и сл.).

На стр. 40 автор пишет, что сведения о пожаловании кн. Н. Н. Гагарину вотчины за московское осадное сидение при царе Василии содержатся в Осадном списке 1618 г. Однако это не вполне точно – эти сведения приведены не в тексте самого Осадного списка 1618 г., а в приложениях, составленных публикаторами этого памятника на основании данных писцовых книг (Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII / сост. Ю. В. Анхимюк и А. П. Павлов. М. ; Варшава, 2009. С. 409).

В книге можно заметить некоторые противоречивые суждения. Так, на стр. 120 автор приводит дату последнего упоминания кн. Никиты Никитича Гагарина в источниках (7148 год) и пишет о необходимости поиска новых источников, уточняющих время его смерти; однако ранее, на стр. 13, сообщается о том, что он умер в 1641/42 (7150) году.

Можно точнее указать дату смерти кн. Семена Никитича Гагарина. Автор относит его смерть к осени 1632 г. (стр. 94), однако в боярском списке 1631/32 г. над его именем стоит помета «140-го умре» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1084. Ст. 3. Л. 51), т. е. он умер еще до сентября 1632 г.

Для характеристики чиновного и имущественного положения братьев С. Н. и Н. Н. Гагариных автору следовало бы использовать новейшие публикации боярских списков и боярских книг (Боярская книга 1627 г. М., 1986 ; Боярская книга 1639 года. М., 1999 ; Горбатов Е. Н. Подлинный боярский список 1626 г. // Единорог. Материалы

по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 3. М., 2014. С. 350–447). Новые дополнительные сведения о служебной деятельности братьев Никитичей Гагариных можно было бы почерпнуть из публикаций: Указные грамоты городovým воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. / отв. ред. И. В. Пугач. М., 2012 (сведения о деятельности Н. Н. Гагарина в качестве воеводы в Ржеве и Старице); Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. / сост. М. О. Акишин (о воеводстве в Верхотурье С. Н. Гагарина).

Высказанные замечания носят частный характер и не могут повлиять на общую высокую оценку книги Я. Н. Рабиновича. Рецензируемая работа представляет собой серьезное, новаторское исследование, значение которого далеко выходит за рамки собственно биографического жанра. Автору удалось не только представить обстоятельную и достаточно полную биографию братьев Семена и Никиты Никитичей Гагариных, но и взглянуть глазами своих героев на события, происходившие в Русском государстве в первой половине XVII века. Исследование Я. Н. Рабиновича убедительно показало важность и перспективность изучения истории России через биографии конкретных людей.

В целом книга получилась весьма интересной и полезной. Она хорошо и с интересом читается и, несомненно, будет востребована, как историками-специалистами, так и широкой читательской аудиторией.

А. П. Павлов,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
с древнейших времен до XX века
Санкт-Петербургского государственного
университета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: alexeyevds@rambler.ru

Ахиев Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: respossum@list.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: ybartho@mail.ru

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: goloub@sgu.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Давыдов Матвей Ильич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Владимир. E-mail: email.mi-davydov@yandex.ru

Кононенко Евгений Иванович, кандидат искусствоведения, ученый секретарь, заведующий сектором искусства стран Азии и Африки Государственного института искусствознания, Москва. E-mail: j_kononenko@inbox.ru

Конюренко Виктория Анатольевна, аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: vspwshka_89@mail.ru

Корнев Евгений Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: korenev.es@mail.ru

Кочуков Сергей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Лапшов Павел Николаевич, аспирант кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: pav9204@yandex.ru

Ляпин Денис Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и археологии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. E-mail: denis-l@mail.ru

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

Моисейченко Любовь Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: moisejchenkoLA@mail.ru

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: morozovaen@mail.ru

Орехова Валерия Дмитриевна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: valerie2010@yandex.ru

Павлов Андрей Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: pavlov_ar@mail.ru

Полозова Ирина Викторовна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры истории музыки Саратовской государственной консерватории (академии) им. Л. В. Собинова. E-mail: i.v.pozozova@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма и культурного наследия, директор Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: cherevichko@inbox.ru

Чибров Игорь Владимирович, аспирант кафедры российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: chibroviv@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akhiev Sergey Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of the Ancient History Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: responsum@list.ru

Alexeev Denis Sergeevich, PhD in History, Associate Professor of the International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: alexeyevds@rambler.ru

Cherevichko Tatyana Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, Head of the Tourism and Cultural Heritage Chair, Director of the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: cherevichko@inbox.ru

Chibrov Igor Vladimirovich, postgraduate student of the Russian civilization and history teaching methods Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: chibroviv@list.ru

Davydov Matvei Ilyich, PhD in History, Senior Research Fellow of History Chair at the State Vladimir & Suzdal Historical, Architectural and Art Museum Reserve. E-mail: email.mi-davydov@yandex.ru

Golub Yury Grigoryevich, Dr. Sc. (Hist), Professor, Head of the International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: goloub@sgu.ru

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, PhD in History, Associate Professor of the Historiography, Regional History and Archaeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich, Doctor of History, Professor of the Russian civilization and history teaching methodology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich, Doctor of History, Professor of the Russian civilization and history teaching methodology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Kochukova Olga Viktorovna, PhD in History, Associate Professor of the Russian History Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Kononenko Evgeniy Ivanovich, PhD in History of Art, Academic Secretary, Head of the Asian and African Arts Department, State Institute of Art Studies, Moscow. E-mail: j_kononenko@inbox.ru

Kononirenko Victoria Anatolyevna, postgraduate student of the

Historiography, Regional history and Archeology Chair, Institute of history and international relations, Saratov State University, E-mail: vspwshka_89@mail.ru

Korenev Eugeniy Sergeevich, postgraduate student of the International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: korenev.es@mail.ru

Lapshov Pavel Nikolaevich, postgraduate student of the Middle Ages history Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: pav9204@yandex.ru

Lyapin Denis Aleksandrovich, PhD in History, Associate Professor of the Russian history and archaeology Chair of Yelets State University named after I. A. Bunin. E-mail: denis-l@mail.ru

Mnogoletnaya Elena Nikolayevna, PhD in History, Associate Professor of the Medieval History Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

Moiseychenko Luybov Alekseevna, PhD in History, Associate Professor of the Contemporary Russian history Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: moisejchenkoLA@mail.ru

Morozova Elena Nikolajevna, Doctor of History, Professor of the Contemporary Russian History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: morozovaen@mail.ru

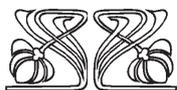
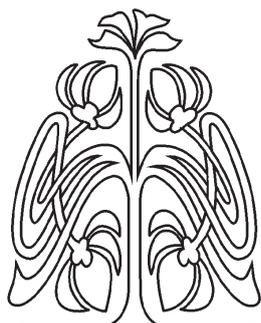
Orekhova Valeria Dmitrievna, postgraduate student of the International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: valerie2010@yandex.ru.

Pavlov Andrey Pavlovich, Doctor of History, Professor of the History of Russia from the ancient times to the XX century Chair, St.-Petersburg State University. E-mail: pavlov_ap@mail.ru

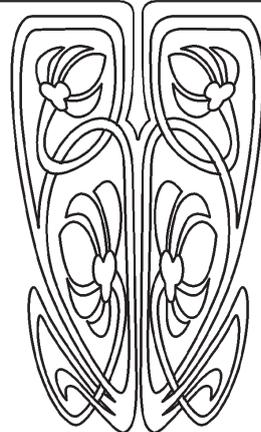
Polozova Irina Victorovna, Doctor of Arts, professor of the History of Music Chair, Saratov State Conservatory (Academy) named after L. V. Sobinov. E-mail: i.v.polozova@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of the Russian history Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich, Doctor of History, Professor of the Russian History Chair, Institute of history and international relations, Saratov State University. E-mail: ybartho@mail.ru

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2016 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Цена свободная.